

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ФРАНСУА АНТОН
МЕСМЕР

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

Р. БЕЛОУСОВ

ФРАНСУА АНТОН МЕСМЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОЛИМП АСТРЕЛЬ

Москва

1999

УДК 929
ББК 88.6
Б43

Серия основана в 1998 году

Белоусов Р. С.

Б43 Франсуа Антон Месмер. — М.: «Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 1999. — 206 с. — (Великие пророки).

ISBN 5-7390-0908-1 («Олимп»)

ISBN 5-271-00207-1 («Издательство Астрель»)

Многие современные маги, целители и предсказатели продолжают дело Франца (Франсуа) Антона Месмера, чудо-доктора XVIII века. Он считается одним из основателей современной психотерапии. О пророке и искусном врачевателе Месмере, развившем идеи врача-алхимика Парацельса, рассказывает эта книга.

УДК 929
ББК 88.6

© «Олимп», 1999

© Оформление. «Издательство Астрель», 1999

Он пришел столетием раньше, чем следовало, и он опоздал на два-три столетия.

С. Цвейг

Вена. Первые опыты

Вечер у мецената

Летом 1768 года на Загородной улице в доме под номером 261 собралась вся музыкальная Вена. Дом принадлежал Францу Антону Месмеру, человеку ученому, любителю искусства и меценату. Прием проходил на открытом воздухе в великолепном парке на берегу Дуная. Гости были в восторге от этого маленького Версаля с миниатюрными баскетами, тенистыми аллеями и античными статуями, с бассейном, птжником и голубятней. Но главный сюрприз ждал всех в садовом театре. Это была премьера одноактного спектакля «Бастьен и Бастьенна», написанного в модном тогда жанре зингшпиля — комической оперы, в которой чередовались проза, пение и танцы.

Среди публики можно было заметить многих известных всей Вене людей. Выделялись фигуры величавого Пьетро Метастазियो, придворного поэта

и либреттиста, чопорного Джузеппе Бонно и подслеповатого Адольфа Гассе — двух придворных композиторов, седовласого Кристофа Глюка, великого реформатора оперы, и неказистого Афлиджио, всесильного директора оперного театра.

Присутствовали и знатные вельможи, в числе которых — канцлер Кауниц, недавно получивший от императрицы княжеский титул. С ним приехал князь Дмитрий Голицын, русский посол при венском дворе с 1761 года. В Вене его любили за широту натуры, щедрую благотворительность по отношению к ученым и художникам.

Были здесь и друзья хозяина: отец и сын ван Свитены — Герхард и Готфрид. Первый — врач, лейб-медик императрицы, второй — директор королевской библиотеки, президент комиссии народного просвещения. Оба заадые меломаны. Они о чем-то переговаривались, то и дело поглядывая на Леопольда Моцарта, приехавшего с гениальным сыном из Зальцбурга. Моцарт-отец вышел к гостям и объявил, что почтенной публике предстоит прослушать небольшое музыкальное сочинение — зингшиль — Вольфганга Моцарта-младшего. И он пояснил, что написана опера по заказу уважаемого доктора Месмера на сюжет одноактной интермедии Жан-Жака Руссо «Деревенский колдун».

...Когда закончились арии и смолкла музыка, публика словно окаменела. Нельзя было сразу понять — то ли ей не понравилась опера, то ли все

потрясены. И только когда раздались дружные аплодисменты, стало ясно, что это триумф.

— Надо же, музыку к этой незатейливой сказочке из деревенской жизни сочинил мальчик двенадцати лет!

— И какую музыку! Удивительно!

— Положительно в жилах этого ребенка вместо крови течет музыка.

Вольфганг поклонился. Это был его первый успех как автора оперного сочинения.

А вскоре дифирамбы «Бастьену и Бастьенне» гремели уже по всей Вене. Доктор Месмер чувствовал себя чуть ли не соавтором шедевра или, во всяком случае, крестным отцом первого оперного произведения гениального Моцарта.

С этих пор Вольфганг часто будет исполнять свои сочинения в доме Месмера.

В 1773 году Леопольд Моцарт писал жене в Зальцбург: «...У нас был большой концерт у друга нашего Месмера, на Загородной улице, в саду. Месмер очень хорошо играет на гармонике мисс Дэвис, он в Вене единственный учился этому, и у него стеклянный инструмент, гораздо лучше, чем был у самой мисс Дэвис. Вольфганг тоже играл на нем».

С этих пор и до конца жизни гениального композитора Моцарт и Месмер будут дружны, несмотря на разницу в возрасте. Бывая в Вене, Вольфганг охотно проводил время в гостях у своего «любезного Месмера». Когда же Моцарт приехал на постоянное жительство в Вену, первым делом

он прямо от заставы направился в карете в знакомый ему дом.

«Пишу это в месмеровском саду, на Загородной улице» — так начинается его первое письмо к отцу от 17 марта 1781 года. Теперь они регулярно встречались, и не только у Месмера, но, случалось, виделись и на концертах в Зеркальном зале императорского дворца.

В гостиной у Месмера на музыкальных вечерах Вольфганг играл на фортепьяно, которого у него самого не было, слишком дорого оно тогда стоило (более двухсот гульденов). Сам хозяин, тоже немного музыкант, играл на клавесине и на виолончели, первым ввел в Вене в обиход стеклянную гармонику, и Моцарт сочинил для неё специальной квинтет.

С некоторых пор вечера на Загородной улице стали популярными среди венских музыкантов. Кроме сочинений Моцарта здесь звучали произведения Глюка и Гайдна, часто в исполнении авторов. Выступали и другие композиторы, исполнители и певцы. Вкусив духовной пищи в гостиной, переходили в столовую, где был накрыт стол для друзей и знакомых. Хозяину доставляло истинное наслаждение потчевать своих гостей изысканными блюдами и угощать дорогими винами. Во время трапез Месмер любил порассуждать на различные темы. Ему не чужды были проблемы философии, физики и химии, он был знатоком юриспруденции и медицины, — одним словом, широко образованным человеком.

...Франц Антон Месмер, сын епископского егеря, родился 23 мая 1734 года в Ицнанге на Боденском озере — самом крупном из немецких озер, лежавшем на стыке трех стран — Германии (в те времена — Баварии), Австрии и Швейцарии. До того как переехал в Вену, он окончил курс теологии в баварском городе Ингольштадте, а также стал доктором философии. В Вене изучал право, а затем, в 1766 году, окончил Венскую медицинскую академию. Его учителями здесь были известные профессора фон Швейтен и Хайн. Диплом доктора медицины ему вручил сам ван Свитен, профессор и придворный врач.

В двадцать три года он, как мы бы теперь сказали, защитил диссертацию с довольно странно звучащим названием и с явно мистическим налетом: «О влиянии планет на людей и о таинствах древних волхвов». В ней под влиянием средневековой астрологии он писал, что созвездия воздействуют на человека, и утверждал, что существует некая таинственная сила, которая, «изливаясь через далекие небесные пространства, действует на каждую материю изнутри, что некий изначальный эфир, таинственный флюид, пронизывает всю вселенную, а с нею и человека». Это зародыш его будущей теории о существовании некоего «психологического эфира», заполняющего весь космос и небесные тела. Течения и волнения в эфире вызывают различные процессы в обществе на земле, определенные состояния людей, способствуют воз-

никновению болезней, катастроф и трагедий. Чтобы лечить людей, надо ограждать их от течений в эфире, вызывая тем самым кризис, это и будет способствовать выздоровлению.

Забегая вперед, надо сказать, что Месмер создал целое направление в оккультизме XVIII—XIX веков. Он также стал применять для разных целей, в том числе и для предсказаний, гипноз, хотя и не отдавал себе в этом отчета, то есть действовал неосознанно.

Женитьба на вдове придворного чиновника ван Буша увеличила состояние Месмера на тридцать тысяч гульденов. Это и позволяло ему вести широкий образ жизни и не считая тратить деньги на обустройство дома, парка и на стол.

Надо заметить, что Месмер отличался высоким ростом, обладал прекрасной фигурой с внушительной осанкой, у него было красиво очерченное лицо — округлый, плотный и широкий подбородок, полные губы, массивный лоб и густые брови, из-под которых смотрели ясные светло-серые глаза. От всего его облика исходила какая-то уверенность и надежность. К тому же у него был легкий характер, без гонора и амбиций, что позволяло ему иметь много друзей.

Все эти качества и прельстили вдову ван Буш. Ей сразу понравился рослый красавец, застенчивый, как ребенок, и доверчивый, как агнец. Это потом у него разовьется мегаломания, то есть мания величия, а тогда он еще был скромн и даже не

уверен в себе. Ему тоже, видимо, приглянулась богатая вдовушка, хотя та и была старше его на несколько лет. Она ввела молодого супруга в придворные круги, познакомила с музыкантами, артистами и поэтами.

Что касается его коллег-врачей, то и они отдавали должное доктору Месмеру, тем более что в его доме всех их ждало щедрое угощение. В остальном же он такой, как и они, — обычный практикующий доктор.

Волшебник Парацельс

Еще Парацельс, живший в XVI веке, считал, что магниты обладают особой силой. Этот знаменитый врач, алхимик и мистик эпохи Возрождения и по сей день остается странной и загадочной фигурой. Родился он в 1493 году в деревне неподалеку от Цюриха, южнее Боденского озера. Отец его Вильгельм Бомбаст из Гогенгейма был потомком старинного рода, чьей древней резиденцией служил замок Гогенгейм вблизи Штутгарта в Вюртемберге. В своей деревне отец стал известным врачом, женился на сестре-хозяйке из местного аббатства. Через год у них родился сын, названный Филиппом Луреолом Теофрастом Бомбастом из Гогенгейма.

Существует легенда, что в детстве мальчик был оскотлен. То ли это произошло в результате не-

счастливого случая, то ли над ним надругался пьяный солдат, точно не известно. Известно, однако, что на лице Парацельса не росла борода, и череп, сохранившийся до наших дней, по форме больше напоминает женский, чем мужской. Обычно таким его и рисовали — такой он и на портрете, который до сих пор можно увидеть в Зальцбурге.

В ранней юности Парацельса приучил к наукам отец, преподавший сыну основы алхимии, хирургии и терапии. Затем он обучался у монахов монастыря св. Андрея, расположенного в Северной Италии около города Савоны. В шестнадцать лет его отправили на учебу в университет Базеля, основанный в середине XV столетия папой Пием II в швейцарском городе на Рейне.

После этого он брал уроки у знаменитого богослова и историка Иоганна Тритемия, настоятеля монастыря св. Иакова в Вюрцбурге — одного из величайших адептов магии, алхимии и астрологии. От него он воспринял склонность к оккультным наукам, что привело его в лабораторию еще одного алхимика Сигизмунда Тирольского. Этот любитель тайного знания принадлежал к типу образованных алхимиков, которыми скорее руководил чисто познавательный интерес, а не страстное желание найти рецепт получения золота и философского камня.

В лаборатории адепта тайного алхимического искусства Парацельс перенял многие секреты «целомудренной блудницы», как называл алхимию

Иоганн Тритемий, — «она никогда ничьим объятиям не отдающаяся, а те, кто домогался ее, уходили ни с чем». И всякий раз, когда алхимики терпели неудачу в «производстве» реального золота, это делало их мошенниками, а успех — еретиками, так как их алхимическая практика противоречила нормам теологической ортодоксии.

Парацельс побывал в Германии, Франции, Нидерландах, Дании, Швеции и России. В Италии он служил военным хирургом, участвовал во многих военных экспедициях. Считают, что он даже посетил Индию, после того как был захвачен в плен турками. У них он пробыл восемь лет и в 1521 году оказался в Константинополе, где будто бы получил «философский камень» — вещество, с помощью которого якобы можно было обращать неблагородные металлы в золото и серебро, а также получить бессмертие.

По другой версии, этот «камень» попал к нему от соотечественника, некоего Соломона Трисмозина, якобы обладавшего универсальной панацеей долгожительства. Тогда же, в плену, ему и открыли свое тайное учение восточные адепты оккультизма.

Но что вернее, как это то, что свои знания по оккультизму он приобрел у странствующих европейских астрологов и алхимиков. И вообще он собрал много полезных сведений, причем не только по алхимии, но и по медицине от врачей. Как написано в одной книге о нем, «он черпал знания и

от великих, и от малых, у ученых и среди просто-народья; его можно было встретить в компании погонщиков скота или бродяг, на проезжих дорогах и в трактирах».

Так, в скитаниях, он провел целых десять лет. За это время ему приходилось быть и врачом, и магом, и алхимиком.

В поисках истины Парацельс отправился путешествовать. Он писал: «Я скитался в поисках моего искусства, нередко подвергая опасности свою жизнь. Я не стыдился даже у бродяг, палачей и цирюльников учиться всему, что считал полезным». И считал, что знание, для которого предназначен человек, не ограничено пределами одной страны. Никто не сможет овладеть практическим опытом, не выходя из дома, и обнаружить учителя тайн природы в углу своей комнаты. Поэтому нельзя презирать того, кто отправился на поиски. «Те, кто остается дома, — говорил он, — возможно, живут спокойнее и богаче, чем те, кто странствует; но я не желаю ни спокойствия, ни богатства. Счастье лучше богатства; счастлив же тот, кто путешествует, не имея ничего, что требовало бы заботы».

Далее следует такая сентенция: «Желающий изучить книгу природы должен ступать по ее страницам. Книги изучают, вглядываясь в буквы, которые они содержат, природу же — исследуя сокровищницах ее в каждой стране. Каждая часть мира есть страница в книге природы, и

вместе все страницы составляют книгу, содержащую великие откровения».

Следуя этому своему изречению, Парацельс и пустился в странствия. В 1525 году он осел в Базеле. Два года спустя был назначен профессором физики, медицины и хирургии с приличным жалованьем. Занял также должность городского врача. Начал же с того, что публично сжег книги медицинских авторитетов прошлого — Гиппократ, Галена и Авиценны. Это свое аутодафе он сопровождал словами: «Теперь поле медицины очищено».

В своих лекциях он призывал прислушиваться к «голосу природы», а не к ложным учениям древних. Особо превозносил при этом «медицинских химиков» и ввел новый термин «ятрохимия», то есть химия в приложении к медицине. В качестве лекарств он призывал использовать «простые вещества», такие как ртуть, опиум, хинин, рвотный корень. В дальнейшем вражда между галенистами и ятрохимиками вылилась в так называемую «сурьяную войну»: первые использовали в своих микстурах связанную сурьму, в то время как вторые старались применять «химически чистый» ее препарат. Иначе говоря, Парацельс выступал за химиотерапевтическую медицину, потому его и стали называть «отцом химиотерапии».

В качестве главного городского врача он обратился в городской совет Базеля с предложением передать все аптеки города под его надзор и разрешить ему проверять, как работают провизоры,

хорошо ли они знают свое дело и достаточно ли у них настоящих лекарств — так он мог бы контролировать неоправданное завышение цен. Естественно, все аптекари и провизоры обрушились с хулой на городского врача. К ним присоединились врачи и профессора, не разделявшие взглядов этого выскочки, к тому же возомнившего себя последователем Лютера. Как великий реформатор отказался от Библии на латыни, переведя ее на немецкий, так и этот зазнайка читает лекции не на латыни, как все, а по-немецки. Это было неслыханной дерзостью.

И вообще, резкие его высказывания и суждения возмущали спесивых профессоров. В отместку они выставляли его хвостуном и пьяницей. Отвечая им, он говорил, что знает, что он не тот человек, который сообщает людям только то, что им по вкусу, и не привык давать смиренные ответы на высокомерные вопросы. «Я знаю свои привычки и не желаю менять их; не могу я изменить свою натуру. Я грубый человек, рожденный в грубой стране, я вырос в сосновых лесах и, возможно, получил в наследство их иголки». Действительно, в его характере сочетались благородство и наглость, светлый ум и грубейшие суеверия, он мог быть вежливым и дружески настроенным, а мог быть грубым и наглым.

Дошло до того, что профессора заявили, будто Парацельс занимает кафедру в университете незаконно, поскольку его Назначение состоялось без их согласия. И вообще, кто такой этот Парацельс? —

чужестранец, неизвестно откуда взявшийся. Более того, сомнительно, что он является настоящим врачом.

Короче говоря, конфликт разрастался и кончился тем, что Парацельс восстановил против себя и членов городского совета. Тогда, чтобы не доводить ситуацию до крайности и не подвергать себя риску быть изгнанным или, того хуже, оказаться в тюрьме, Парацельс предпочел тайно покинуть Базель. Снова начались скитания.

В Нюрнберге коллеги-врачи встретили его в штыки и поспешили ославить как мошенника, шарлатана и самозванца. Чтобы опровергнуть навет, Парацельс обратился к городскому совету доверить ему лечение нескольких пациентов, считавшихся неизлечимо больными. К нему направили нескольких больных слоновой болезнью. Он излечил их в короткий срок, причем не потребовав никакого вознаграждения, о чем свидетельствуют бумаги в архиве Нюрнберга. Но этот успех не повлиял в лучшую сторону на жизнь Парацельса, Провидение и дальше предназначало ему судьбу скитальца.

Он вновь исколесил всю Европу, пока не обосновался в Зальцбурге. Его пригласил сюда герцог Эрнст, пфальц-граф Баварский, большой поклонник тайных наук. Здесь наконец Парацельс получил признание и обрел даже славу. Увы, длилось это недолго.

В сентябре 1541 года после непродолжительной болезни он скончался в гостинице «Белая лошадь»,

что на набережной тихоструйного Зальцаха. Похоронили Парацельса на кладбище св. Себастьяна. Причина его смерти так и осталась неясной. Некоторые из современников полагали, что она была преднамеренной. Будто во время званого обеда на Парацельса было совершено нападение бандитов, нанятых кем-то из его врагов — врачей. В результате он погиб, ударившись о камень и проломив себе череп.

Позже останки Парацельса были перезахоронены, и на памятнике сделали надпись: «Здесь лежит Филипп Теофраст звания доктора медицины, что те многие язву, проказу, подагру, водянку и некоторые неизлечимые заразные болезни тела чудесным искусством излечил и распределением и отдачей своего имущества бедных почил. В год 1541, в 24-й день сентября, сменил жизнь на смерть».

Под этими словами изображен герб Парацельса — серебристый луч, на котором расположены один над другим три черных шара, а внизу надпись: «Мир живым, вечный покой умершим».

Парацельс был хорошо знаком с терапевтическим воздействием магнита и применял его при различных заболеваниях. Он знал силы минерального, человеческого и звездного магнетизма, что получило подтверждение после его смерти. О силе магнетизма Парацельс говорил, что то, что составляет магнит, есть притягивающая сила, которая находится вне нашего понимания, но тем не менее вызывает притяжение железа и других вещей.

«Наши лекари всегда имели в своем распоряжении магниты, но они не уделяли им большого внимания, не ведая, что магниты можно использовать для чего-то еще помимо собирания гвоздей. Доктора наши, — продолжает он, — перестали учиться на опыте, но занимаются лишь пустой болтовней; стыдно и досадно, что представители нашей науки знают столь мало. Каждый день они имеют возможность видеть магниты и все же продолжают действовать так, словно магнитов не существует».

На вопрос о том, почему он не следует методам, завещанным древними, в свойственной ему манере с возмущением заявлял: «Почему я должен следовать тому, в чем, как я знаю, они не правы? Они не могли знать вещей, опыта которых у них не было, и было бы глупо следовать им в том, в чем они ошибались. Все, что я знаю, я постиг путем опыта, и я полагаюсь на собственное знание, а не на невежество других».

Доктора говорят, продолжал Парацельс, что магниты притягивают железо, и поистине не надобно много учиться, чтобы понять то, что может увидеть всякий невежественный мужик; но есть у магнита свойства, неизвестные невежде, и одно из них есть то, что магнит притягивает также все воинственные токи, что существуют в организме человека. Он любил пророчески повторять: то, что считают невозможным, непонятным, невероятным или

вообще невообразимым, станет поражающе верным.

О волшебных свойствах магнита в мире было известно давно. В Древнем Китае его называли «камнем материнской любви». Точнее говоря, это был магнитный железняк, являвшийся как бы «матерью» железа (из него выплавляли железо), преисполненный к нему материнской любви, которая и порождает таинственную силу притяжения. В древних книгах эпохи Борющихся царств (III век до н.э.) магнитный железняк упоминается как сырье для выплавки железа.

Узнав о свойстве магнитного железняка притягивать железо, китайцы открыли поляризацию этого минерала и использовали это свойство для определения стран света.

Так, в Китае, когда он только еще вступал в железный век, появился компас. Здесь его называли «сынань», то есть «указывающий на юг».

В труде известного китайского философа III века до н. э. Хань Фэй-цзы говорится: «Императоры древности создали «сынань» для определения направлений».

По дошедшим до нас его описаниям этот компас имел вид ложки из магнита. Ее выпуклая часть устанавливалась на отполированной пластине так, что черепок не касался пластины, а висел над ней. Это позволяло ложке свободно вращаться вокруг оси своего выпуклого доннышка. Пластина была деревянной или медной с нанесенными на нее для

указания стран света обозначениями циклических зодиакальных знаков, соответствующих делениям (градусам) компаса. Черепок магнитной ложки играл роль магнитной стрелки. Но почему компас имел форму ложки? Ответ дает старинная легенда. Компас был создан в глубокой древности богиней ветров Фын-хоу, избравшей для него форму созвездия Большой Медведицы, которую в Китае называют «Небесным Ковшом».

Известны были китайцам и лечебные свойства магнита. Вслед за ними индусы, арабы, евреи использовали его как лекарство, в качестве амулетов и как средство сохранения молодости, ускорения родов и успокоения нервов.

Магнит являлся обязательным атрибутом в изысканиях алхимиков, кабалистов и адептов черной магии. Жрецы черной магии и кабалистики объясняли «волшебные» свойства магнита единством и борьбой противоположностей. Они, например, говорили о жизни и смерти, боге и дьяволе, мужчине и женщине, праве и долге, тепле и холоде как о южном и северном полюсах магнита. Все противоположности кабалисты считали едиными.

В Европе, еще до того как здесь был также изобретен компас, магниты широко применялись а качестве универсального лекарства. О магните как о лечебном средстве писал Плиний (I век до н. э.). В главе «Магнит» своей «Естественной истории» он говорит об излечении магнитом болезней глаз. С помощью магнита знаменитый индийский хирург

Сусрута, живший за пять столетий до нашей эры, производил операции на глазу.

Римский врач Диоскурид (I век н. э.) в книге «О простых лечебных средствах» замечает, что у тех из меланхоликов, кто носит с собой магнит, улучшается настроение. А французский философ и врач Марцелл (IV век н. э.) рекомендовал при головной боли надевать магнитное ожерелье. Великий Авиценна (XI век) лечил магнитом больную селезенку, а Альберт Великий (XIII век) считал, что ношение магнита на левой руке избавляет от ночных кошмаров и излечивает безумие.

С начала XVI века магнит почти повсеместно использовался как лечебное средство против нервных болезней. Использовал его в своей врачебной практике и Парацельс. Особенно полезен магнит, считал он, при воспалениях, истечениях из глаз, ушей и носа, при язвах, заболеваниях кишечника и матки, кровотечениях у женщин, при внутренних и наружных болезнях. Кроме того, магнит оттягивает грыжу и исцеляет переломы, вытягивает желтуху, оттягивает водянку. Так, в случае падучей, при огромном притоке нервного флюида к мозгу, отталкивающий (отрицательный) полюс магнита прикладывается к спине и голове, а притягивающий (положительный) полюс других магнитов — к животу. Вообще же, заключал он, существует великое число прочих болезней, которые могут быть излечены правильным применением магнита.

«Ушат здоровья»

Летом 1774 года произошел случай, сразу возвысивший Месмера над своими коллегами-врачами. В Вене проездом оказался некий знатный иностранец. С ним была его жена. Внезапно у нее начались жуткие рези в желудке. Муж обратился к известному астроному, иезуитскому пастору Геллю, с просьбой изготовить ей для лечения магнит такой формы, чтобы его удобно было положить на живот. Для людей, знакомых с методами лечения магнитом Парацельса и других древних медиков, просьба эта не была такой уж сумасбродной.

Пастор Гелль изготовил то, что от него требовали, — магнит нужной формы. Когда его наложили на живот пациентки, боли в желудке совершенно прекратились.

Об этом пастор рассказал доктору Месмеру. Тот поспешил навестить больную и убедился, что все так и было: магнит принес быстрое облегчение.

Месмер решил испытать этот метод на своих пациентах. Эффект был поразительным. Стоило наложить больному на тело намагниченную подкову, и чудо исцеления совершалось.

Одной из первых подверглась опыту его пациентка фрейлейн Францель Эстерлин. Она страдала падучей, ее мучили головные боли. Никакие лекарства, до этого прописанные Месмером, не помогали. Тогда он наложил на ее тело несколько сильных

магнитов. По телу больной пробежали дикие судороги, продолжавшиеся несколько мгновений. После этого наступило полное облегчение. Несколько сеансов такого лечения абсолютно излечили пациентку.

Следующим стал профессор математики Бауэр, сильно страдавший от головных болей. Результат был тот же — боли прекратились.

Затем Месмер взялся вылечить барона Хараски де Харха от «спазмов», от которых до этого никому не удавалось его избавить. И барон выздоровел. Месмер приехал в имение знатного больного, спрятав под одеждой множество магнитов. Он был уверен, что он сам таким образом становится человеком-магнитом. В течение нескольких дней он держал больного за руки, за ноги, пускал ему кровь и твердо верил, что избавит тело пациента от воздействия вредных течений в окружающем эфире. И действительно, припадки ослабели, и все решили, что лечение помогло.

Месмер совершенствует метод. Он накладывает на своих больных по два магнита, один сверху, с левой стороны, другой снизу, с правой, чтобы таинственный флюид прошел в замкнутой цепи непрерывным через все тело и восстановил нарушенную гармонию. Чтобы усилить свое собственное благотворное воздействие, Месмер на шею носил магнит, зашитый в кожаный мешочек.

Не довольствуясь этим, он передает свой источающий силу флюид всевозможным предметам. Он

магнетизирует воду (здесь приходит на память наш современник А. Чумак с его «заряженной» водой и другими предметами), заставляет больных купаться в ней и пить ее, натиранием магнетизирует фарфоровые чашки и тарелки, одежду и кровати, зеркала, чтобы они отражали флюид, магнетизирует музыкальные инструменты, чтобы и в колебаниях воздуха передавалась целительная сила. Приходит, наконец, к выводу, что магнетическую энергию, или, как ее назовут, «животный магнетизм», можно передавать по проволоке, нагнетать в бутылки, собирать в аккумуляторы.

Месмер конструирует свой знаменитый «ушат здоровья» (или «бак»): большой деревянный чан, прикрытый сверху. В нем два ряда бутылок, наполненных намагнетизированной водой (в нее погружены магниты и железные опилки). Бутылки эти соединены со стальными пластинами у железного прута, от которого к больному месту пациента подведены провода. Вокруг этой магнетической батареи располагаются больные. Они должны касаться друг друга кончиками пальцев. Получается замкнутая цепь из человеческих организмов, сквозь которую, как утверждает Месмер, проходит ток или волны магнетической энергии.

Часто «ушат» ему заменяет намагнетизированный бассейн в парке. Пациенты, рассевшись вокруг, погружали в воду обнаженные ноги, в то время как их руки были привязаны веревками к деревьям, тоже намагнетизированным. Во время

сеанса Месмер играл на стеклянной гармонике, тоже намагниченной. При помощи ее нежных звуков он делал нервы больных более восприимчивыми.

Среди его пациентов были женщины и мужчины, старые и молодые, дети и подростки, жертвы тяжких недугов и слегка недомогающие. Ломота, шум в ушах, паралич, бессонница, боли в печени — многие болезни, до тех пор не поддававшиеся никакому воздействию, излечивает его магнит. Из 15—20 больных двум-трем становится лучше; один-два полностью исцеляются.

Молва о чудо-докторе и его волшебном методе распространяется по Вене. И вот уже толпы больных осаждают дом на Загородной улице. Их так много, что Месмер просто не успевает обслужить всех страждущих.

В этот момент успеха Месмер заметил, что у некоторых больных облегчение и выздоровление наступает абсолютно независимо от прикосновения целебных магнитов. У них еще до начала лечения, только при одном виде чудесного исцелителя, при предварительной краткой беседе с ним или просто от сознания, что они в доме у «волшебного доктора», наступает заметное улучшение. Это озадачило Месмера. Но пока что все говорят только о его чудо-«ушате».

Со всех концов Австрии к дунайскому магу спешат паломники, каждый страдает испытать прикосновение волшебного магнита. Доктора Месмера

возносятся до небес, его стремятся заполучить знатные вельможи, хотят видеть при дворе.

О его методе положительно отзываются медицинские светила той эпохи, появляются восторженные статьи о месмеровских опытах. Это способствует популярности венского доктора, у него появляются последователи, а число пациентов растет день ото дня.

Среди них однажды оказался заезжий француз, страдавший от ножевой раны и пожелавший пройти курс у популярного доктора Месмера. Звали его Пьер Огюстен Карон де Бомарше. Это был автор знаменитой комедии «Севильский цирюльник». Скандальная история с ее запретом и постановкой были известны в австрийской столице.

В августе 1774 года Бомарше привели в Вену особые обстоятельства.

Рассказ знаменитого гостя

Бомарше принял несколько сеансов у Месмера, и воспалившаяся рана затянулась, а вскоре от нее вообще остался лишь небольшой шрам. После каждого сеанса лечения Месмер приглашал знаменитого литератора отобедать. В разные дни здесь собирались поэт и либреттист да Понте, Глюк, Моцарт, Метастазиио и другие завсегдатаи месмеровских застолий. Во время трапезы словоохотливый гость на вопрос, откуда у него эта

рана, поведал невероятную историю, которая произошла с ним по дороге в Вену. Но этому предшествовал целый ряд удивительных событий.

...С некоторых пор в Лондоне стали появляться грязные сатирические книжонки против французского короля Людовика XV и его приближенных. Имена авторов этих пасквилей, мелких мошенников и шантажистов, в конце концов становились известны. Король не раз направлял в Англию секретных агентов, чтобы либо выкупить клеветнические сочинения, либо похитить злостных пасквильянтов. Но королевские агенты всякий раз возвращались ни с чем. А однажды толпа даже сбросила ненавистных французов в Темзу.

Надо заметить, что по английскому закону здесь каждый имел право писать все, что ему вздумается. На самом деле Англия вела тогда, как мы бы сегодня сказали, «холодную войну» против Франции и была рада появлению такого рода антифранцузских книжонок.

В последние годы царствования Людовика XV клеветники особенно изощрялись насчет госпожи Дюбарри, фаворитки короля. Она стала излюбленной мишенью лондонских памфлетистов. Вот заглавия этих сочинений, дающие представление о том, сколь злобны и опасны они были: «Жизнь йдной куртизанки на французском троне», «Как потаскуха становится любовницей короля», «Ночные и гуляющие султанши города Парижа под фонарем».

Особенно усердствовал на этом поприще некто

де Моранд. Терпение Людовика лопнуло, когда тот издал скабрезный памфлет «Мемуары публичной женщины», имея в виду Дюбарри. Целый ушат помоев вылил автор на королевскую фаворитку, а, значит, заодно и на самого монарха. Что являлось истинной целью сочинителя, нетрудно догадаться.

Король решил покончить с ненавистным пасквилянтом и шантажистом. Но как пресечь деятельность негодяя, а главное — предотвратить распространение его последнего грязного опуса? Надо послать в Лондон опытного человека, ловкого и смелого. Ему рекомендовали Бомарше. Людовик обратился к нему с личной просьбой об услуге, обещая отблагодарить за нее. Миссия была опасная и, естественно, секретная. Бомарше согласился.

В величайшей тайне он покинул Париж. Близким он заявил, что его собираются арестовать и поэтому он ночью должен бежать. В кармане у него был паспорт на имя Шевалье де Ронака. В карете добрался он до побережья, откуда на лодке пересек Ла-Манш и доплыл до Англии.

В Лондоне он напрямик направился к Моранду, поскольку адрес его был известен. И, не скрывая, рассказал о цели своего визита. Обаяние и сила убеждения господина де Ронака покорили шантажиста. За короткий срок Бомарше удалось сделать то, чего французские агенты не могли добиться за полтора года: Моранд согласился уничтожить тираж памфлета.

Бомарше поспешил в Париж сообщить о ре-

зультатах своей миссии, получить обещанные Моранду деньги, с ними вернуться в Лондон и завершить операцию. Но вмешался министр иностранных дел д'Эггйон. При встрече с Бомарше он сказал ему: «Вы либо сам дьявол, либо мсье де Бомарше». На что последовал ответ: «Только мсье де Бомарше, и он к вашим услугам». «Раз так, — обрадовался министр, — вы должны подвести Моранда под арест обманным путем». Заодно предложил выяснить связи Моранда в Париже, кто именно информирует его. Бомарше категорически отказался. Ему претила роль доносчика и провокатора. Министр пригрозил доложить об отказе королю. Бомарше опередил его, и тот признал, что он может действовать по своему усмотрению.

Двойной агент Бомарше — Ронак вновь отправился в Лондон, чтобы завершить свою миссию. Он вручил де Моранду двадцать тысяч франков наличными и документ на четыре тысячи пожизненной ренты. Такова была цена за обезвреженную клевету. Как условились, весь тираж — три тысячи экземпляров памфлета «Мемуары публичной женщины» — был сожжен в печи для обжига извести в присутствии Бомарше. Как бы в придачу он получил согласие Моранда стать секретным агентом Франции.

Докладывая об этом королю и подводя итог операции, Бомарше писал, что оставил в Лондоне своим политическим шпионом автора того самого пасквиля — он будет предупреждать обо всех за-

теях такого рода, готовящихся в Лондоне. «Это пронырливый браконьер, — характеризовал он его, — из которого мне удалось сделать отличного егеря. Под предлогом порученных ему мною литературных разысканий в хранящихся в Лондонской библиотеке древних хартиях, как трактуют взаимные права обеих корон, можно будет, прикрывая истинные мотивы, выплачивать ему скромное жалованье за шпионаж и тайные донесения о вышеупомянутых пасквилях».

К тому же, сообщал Бомарше, этот человек будет обязан собирать сведения о всех французах, прибывающих в Лондон, об их именах и намерениях относительно издания новых памфлетов. Его тайные сообщения, продолжал Бомарше, могут затрагивать много иных политических дел, благодаря чему король всегда будет в курсе затеваемых в Лондоне планов.

Вернулся Бомарше в Париж накануне смерти Людовика XV, успев, однако, заслужить его похвалу. Король умер 10 мая 1774 года от оспы, свирепствовавшей в Европе в XVIII столетии. От нее скончались в тот век Вильгельм Оранский, император Иосиф, дофин Людовик, герцог Бургундский, принц Баварский, королевы Мария и Анна, император Петр II и др.

В России слово «оспа» впервые употребил доктор Белау (прозванный Белоусовым) в своей переписке с Аптекарским приказом, которому он пред-

дожил чудодейственное средство «инрог» («едино-рог») против оспы.

Новый монарх, Людовик XVI, начал с того, что поспешил сделать себе прививку от оспы. Такая отвага молодого короля привела в восторг Бомарше. Ведь вакцина, самая первая, была только что открыта в Англии и прививка оставалась еще делом неизведанным. С этого момента Бомарше проникся восхищением и любовью к Людовику. Чего нельзя было сказать о самом короле. Несмотря на оказанные Бомарше его деду услуги, он не склонен был расточать благодарности за прежнюю службу. Более того, считал его человеком хитрым и опасным.

В этот момент от Моранда Бомарше узнал, что в Лондоне готовится памфлет на королеву Марию-Антуанетту под названием «Предупреждение испанской ветви о том, что она имеет право на французскую корону в связи с отсутствием наследника». Это было открытое обвинение королевы в бесплодии. И хотя королевская пара была еще очень молода и по части потомства у нее все было впереди, тем не менее появление такого пасквиля было весьма опасно. Тогда-то, чтобы задушить зло в зародыше, Людовик и вспомнил о Бомарше, известном специалисте по этой части. Правда, злые языки болтали, будто Бомарше все сам придумал и подстроил. Его цель была завоевать доверие нового монарха, а заодно получить то, чего не успел ему пожаловать за верную службу покойный король.

Как бы то ни было, новый король поручил Бомарше это щекотливое дело. И снова мсье де Ронак отправился в Англию. Однако в этой поездке на лесной дороге ему пришлось повстречаться с бандитами, он получил ножевые ранения, от которых и приехал лечиться к Месмеру.

Свои бесконечные истории Бомарше любил рассказывать знаменитому доктору и его друзьям.

«Фабрика» исцеления

Слава Месмера как чудесного исцелителя продолжала расти. Его дом буквально осаждали толпы страждущих и верящих в его могущество. Тем более что бедняков он лечил бесплатно. Женщины и мужчины, старые и молодые, подростки и дети, жертвы тяжких недугов и просто недомогающие — все становились объектами его врачевания.

Повторяется то, что за два столетия до Месмера наблюдал Парацельс. Из пятнадцати — двадцати пациентов двум-трем становилось лучше; некоторые и вовсе выздоравливали.

Неожиданный лечебный эффект был тем поразительнее, что достигался при помощи обыкновенного магнита. Впрочем, некоторые полагали, что название «магнетизм» (magnetisme), которым пользуется Месмер, произошло от слова *magic*, а не от «магнита» (*magnes*). А это говорит, мол, само

за себя. Разве может быть магнит «обыкновенным», если им излечиваются сотни болезней, ранее не поддававшихся никакому воздействию. Чудеса творятся в доме 261 на Загородной улице!

Со всех концов Австрии, а то и из-за границы, к Месмеру обращались с просьбой объяснить метод его магнетического лечения, чтобы продолжить опыт. Месмер и не думал скрывать свой способ исцеления с помощью магнита. У него появляются последователи, о нем становится широко известно в Германии и Швейцарии. Благодаря признанию за рубежом его вскоре приглашают в Баварию, в Мюнхен.

В Мюнхене он продолжает творить чудеса. Особенно всех поразил случай с исцелением советника Остервальда. С помощью наложенного магнита удалось вылечить разбитого параличом полуслепого старца. Восстав чуть ли не из мертвых, благодарный советник напечатал в аугсбургской газете отчет о своем поразительном исцелении Месмером. Он свидетельствовал: «Все, что он совершил здесь при различных болезнях, дает основание предполагать, что он подсмотрел у природы одну из самых таинственных ее движущих сил». И далее, еще недавно безнадежно больной досконально описал свое состояние до лечения и как, словно по волшебству, был избавлен от страшного недуга, не поддававшегося до сих пор никакой врачебной помощи.

Тем же, кто сомневается или вообще не верит,

что такое возможно, советник заявляет: «Если кто скажет, что история с моими глазами — одно воображение, то я отвечу, что удовольствуюсь этим и ни от одного врача в мире не потребую большего, нежели сделать так, чтобы я воображал себя совершенно здоровым».

Под впечатлением такого наглядного успеха Баварская академия торжественно избирает Месмера своим членом, «ибо убеждена, что труды столь выдающегося человека, увековечившего свою славу особыми и неоспоримыми свидетельствами своей неожиданной и плодотворной учености и своими открытиями, много будут содействовать ее блеску».

Такое официальное признание академии может вскружить голову кому угодно. И всего этого он достиг за какой-то один год! Окрыленный успехом, Месмер обнародовал основы своей теории «животного магнетизма», состоящей из двадцати семи пунктов.

1. Между небесными телами, землей и одушевленными телами существует взаимодействие.

2. Повсеместно распространен флюид, так что пустоты не существует; этот флюид отличается ни с чем не сравнимой проницаемостью и по природе своей обладает способностью воспринимать, распространять и объединять все проявления движения, чем и достигается его влияние.

3. Это взаимодействие подчинено механическим законам, неизвестным и поныне.

4. Результатом его являются сменяющиеся эф-

фекты, которые могут быть сравнимы с морскими приливами и отливами.

5. Эти отливы могут быть более или менее общими, более или менее частными, более или менее составными, смотря по природе причин, их определяющих.

6. Таким именно процессом, наиболее универсальным из всего, что может представить нам природа, и выражается взаимодействие между небесными телами, землею и ее составными частями.

7. От этого процесса зависят свойства материи и организованных тел.

8. Животные тела испытывают на себе альтернативные эффекты этого действия, которое проникает в субстанцию их нервов и непосредственно возбуждает их.

9. Это действие вызывает, особенно у человека, свойства, аналогичные свойствам магнита: наблюдаются те же разнородные и противоположные полюсы, которые могут сообщаться, изменяться, разрушаться или усиливаться; наблюдаются даже явления отклонения.

10. Способность животного тела воспринимать влияние небесных тел и вступать во взаимодействие с окружающим, аналогична магниту, почему и названа мною «животным магнетизмом».

11. Действие и свойство «животного магнетизма», таким образом охарактеризованные, могут сообщаться другим одушевленным и неодушевлен-

ным телам, поскольку те и другие способны к такому восприятию.

12. Это действие и это свойство могут усиливаться и изменяться самими телами.

13. Практические наблюдения свидетельствуют о существовании особой тонкой материи, которая пронизывает тела, не обнаруживая при этом заметного ослабления своей деятельности.

14. Влияние этой материи проявляется на большом расстоянии без содействия посредствующей среды.

15. Она может усиливаться и отражаться зеркалом, подобно свету.

16. Она сообщается, распространяется и усиливается звуком.

17. Эту магнетическую силу можно накапливать, концентрировать, переносить.

18. Я утверждаю, что одушевленные тела не одинаково способны воспринимать ее; возможно, хотя и очень редко, появление способности до того противоположной, что одного ее присутствия совершенно достаточно, чтобы разрушить все влияние «животного магнетизма» на другие тела.

19. Эта противоположная способность также пронизывает все тела и может, в свою очередь, сообщаться, умножаться, скопляться, концентрироваться, переноситься, отражаться зеркалом, усиливаться звуком, что указывает не только на отрицательную, но и положительную сторону противоположной силы.

20. Магнит, естественный или искусственный, также, подобно другим телам, чувствителен к «животному магнетизму» и противоположной ему силе, хотя ни в том, ни в другом случае его действие на огонь и иглу не испытывает никаких изменений, что показывает, что начало «животного магнетизма» существенно отличается от начала минерального магнетизма.

21. Эта система прольет новый луч как на природу огня и света, так и на теорию притяжения, приливов и отливов, магнита и электричества.

22. Она даст возможность понять, что магнит и искусственное электричество в отношении болезней отличаются свойствами, общими тысячам других агентов, известных в природе, и что если этот магнит и это электричество обнаруживают некоторые полезные действия на больных, то они этим обязаны «животному магнетизму».

23. С помощью практических правил, мною установленных, фактически будет доказано, что принцип «животного магнетизма» может излечивать непосредственно нервные болезни и опосредованно другие болезни.

24. С его помощью медицина получит ясное представление относительно употребления лекарств, усовершенствует их* действие, даст возможность вызывать и управлять благотворным кризисом и тем окажет услугу врачу.

25. Изложив свой метод, я постараюсь доказать с помощью новой теории вещества полезность уни-

версального принципа, который я противопоставляю современной медицине.

26. С этим знанием для медицины выяснится как начало, природа, так и развитие болезней даже наиболее сложных; оно воспрепятствует их усилению, и излечение будет достигнуто без риска для больного подвергаться тяжелым и нередко при-
скорбным по своим последствиям случайностям, каковы бы ни были его возраст, темперамент и пол, даже для женщин в состоянии беременности и родов.

27. Эта доктрина, наконец, даст возможность судить о степени состояния здоровья каждого индивида и о наличии уже существующих, но еще не проявившихся болезней. Искусство лечения достигнет, таким образом, своего наивысшего совершенства,

В правоте теории Месмера убеждают и признание Баварской академии, и многие врачи, а главное — сотни излечившихся благодарных пациентов. Но странное дело. Когда он разослал свою рукопись с тезисами во все ученые общества Европы, ни от кого не получил отклика. Только Берлинская академия удостоила его коротким ответом, назвав мечтателем, а его метод ошибочным.

Конечно, огорчительно, что медики разных стран проигнорировали его открытие. Приходится утешаться тем, что магнетическое лечение пользуется огромной популярностью у больных, верящих

в целебную силу магнита. Их становится все больше, и Месмер открывает в Вене в своем доме на Загородной улице собственный магнетический госпиталь.

С утра до ночи Месмер без усталости трудится на своей «фабрике» исцеления. В саду вокруг мраморного бассейна сидят, образуя замкнутую цепь, больные с различными недугами и, веруя в целебную силу магнетизма, благоговейно погружают ноги в воду. Для них несомненно, что магнетические сеансы способны излечить от любого недуга. Они свято верят в чудесную силу магнита.

И только коллеги-врачи полны скепсиса. Никто из них не пожелал посетить магнетический госпиталь Месмера, чтобы воочию убедиться в том, что он не знахарь, не шарлатан. Никто не захотел серьезно разобраться в его методе, в этих странных исцелениях. Его изумляло такое отношение коллег. Кроме насмешек, ему ничего не довелось услышать от них. Они потешались над лечением без лекарств, без клинического вмешательства. И в открытую смеялись над «ушатом здоровья».

Огорченный отношением со стороны коллег, Месмер жалуется секретарю Баварской академии: «Я по-прежнему делаю все новые физические и медицинские открытия в своей области, но надежда найти у других объяснение моей системы ныне тем более несбыточна, что мне приходится непрестанно наталкиваться на отвратительные интриги». В конце письма он с горечью замечает, что его объ-

являют обманщиком, а всех, кто верит ему, дураками. И заключает: «Так встречаются новую истину».

Впрочем, если честно признаться самому себе, он и сам не знает, в чем же состоит тайна его воздействия на больных. Он не склонен преувеличивать значение своего открытия. И не утверждает, что его метод единственный и универсальный, заменяющий все другие способы лечения. Лучше всего с помощью «животного магнетизма» излечивать нервные заболевания, болезни глаз, избавлять от резей в желудке, шума в ушах, ломоты в костях и бессонницы.

На пороге несостоявшегося открытия

Месмеру по-прежнему не дает покоя один странный факт, постоянно повторяющийся во время его магнетических сеансов. Факт загадочный и, кажется, опровергающий его собственную магнетическую теорию. Как и раньше, у некоторых больных облегчение и выздоровление наступает абсолютно независимо от воздействия магнитов. Еще до начала лечения у пациентов только при одном виде чудесного целителя, при самой короткой беседе с ним или просто от сознания, что они попали на прием к «волшебному доктору», наступает заметное улучшение. Так было, например, с группой оглохших и потерявших

голос женщин. Достаточно им было лишь увидеть этого волшебника Месмера и протянуть к нему с верой и мольбой руки, как у двух из них полностью восстановился слух и появился голос, а у трех других наблюдалось заметное улучшение.

Больным было все равно, отчего это случилось — с помощью магнита или без него. Но Месмер-то знал, что до применения магнита в данном случае не дошло. Тогда отчего же произошло исцеление? Не сам же он, в конце концов, выдумал эту целебную силу магнитов! Он заимствовал ее у самого Парацельса! А теперь выясняется, что для магнетического лечения магниты вовсе и не нужны?! Эффект достигается и без них...

Мало сказать, что Месмер был озадачен, — он растерялся. Сегодня мы можем сказать, что Месмер был на пороге большого открытия. Если бы ему удалось отказаться от своих мистико-фантастических наклонностей, он стал бы открывателем научной эры психотерапии. Ему и надо-то было лишь отбросить свой ложный кумир — магнетический флюид — и сказать, что все дело здесь в той вере в целительную силу магнита и в самого себя, которую он внушает своим пациентам.

Но вместо того чтобы объяснить все чудесные исцеления фактом внушения и самовнушения, он настаивает на существовании чудодейственного и божественного флюида, о котором писал еще в своей диссертации, говорил о том влиянии, какое якобы оказывает взаимное притяжение звезд на

живые тела, о проникающем в организм человека невесомом флюиде, который распространен по всей Вселенной. В сфере его влияния, его проникновения не только звезды, планеты, но и земные магниты. Он — та невидимая всевластная сила, которая пронизывает живые тела.

«Флюид, — как гласил один из его тезисов, — тоньше света, свет тоньше воздуха, а воздух тоньше воды. Поэтому флюид передает «животный магнетизм», подобно тому как световой эфир передает свет, воздух — звук». Иначе говоря, магнетический флюид — основа всего жизненного начала во Вселенной. Он приходит из глубин мироздания для того, чтобы, передаваясь от человека к человеку, наполнять его дыханием мировой жизненной силы, той силы, которая одна обеспечивает во Вселенной и разум, и чувства, и жизнеспособность.

Месмер, как автор гипотезы о «животном магнетизме», не был озабочен тем, чтобы экспериментально доказать существование своего флюида. Его интересует лишь практика. Он наделяет флюид мощными целительными свойствами. И отныне он, Месмер, — незаменимый целитель, пророк и чудотворец. Он первый из людей подарил им ключ к тайне исцеления от многих недугов. Месмер уверовал, что совершил революционный переворот в медицине и что ему уготована роль избавителя человечества от страшных болезней. Убеденный в этом, он продолжает врачевать, несмотря на сплет-

ни и наветы завистников коллег-докторов. Одни называют его бахвалом и пустозвоном, другие откровенно заявляют, что он обыкновенный обманщик и шарлатан.

Постепенно травля приобретает все больший размах, появляются анонимные статьи, высмеивающие его метод. Открыто критиковать целителя пока что не решаются. Но тут его недругам представляется долгожданный случай, который роковым образом повлияет на всю дальнейшую жизнь Месмера.

Прозрение девицы Парадиз

Однажды к Месмеру привели девицу Марию Терезию Парадиз. С четырех лет она была слепой из-за поражения зрительных нервов и считалась неизлечимой. В Вене она была хорошо известна благодаря своим выдающимся способностям. Считалась талантливой музыканткой, прекрасно играла на клавесине, писала музыку. Сама императрица опекала молодое дарование, назначила родителям девочки пенсию двести золотых дукатов и взяла на себя расходы по ее образованию.

До того как ее привели к Месмеру, девушку многие годы лечили самые знаменитые светила — первые глазные врачи Вены. Все их усилия не давали результатов.

Месмер обследовал пациентку. Он установил у

нее конвульсивное подергивание глаз, при этом выступающих из орбит, боли в области селезенки и печени, что вызывало нечто вроде припадков помешательства. Месмеру стало ясно, что причина этих явлений отнюдь не разрушение зрительного нерва, а нарушение психики. Он нашел у нее общее нервное расстройство и заявил, что болезнь ее поддастся лечению его методом.

Месмер решил взять девушку на время лечения к себе в дом, чтобы удобнее было следить за результатами магнетического курса. Стоит заметить, что лечил он ее бесплатно.

Через некоторое время Месмер констатировал, что почти полностью вернул девушке зрение. Так утверждал он. Иное мнение было у профессоров, тех самых врачей — его недругов. Никакого улучшения не произошло, заявляли они, все это обман и одно лишь «воображение».

В пользу этого утверждения говорит то, что к девице Парадиз никогда уже больше не вернулось зрение. В пользу Месмера — письменный отчет, написанный отцом девушки. Едва ли это могло быть подделкой, столь психологически точно и полно описывается в нем, как постепенно происходило прозрение пациентки Месмера.

Ее отец, уважаемый старый надворный советник, абсолютно трезвый в оценках процесса лечения, в частности, свидетельствовал:

«После непродолжительного интенсивного магнетического воздействия со стороны г-на доктора

Месмера она начала различать очертания поставленных перед нею предметов и фигур. Но новое чувство было столь обостренным, что она могла смотреть на все это только в очень темной, снабженной ставнями и занавесями комнате. Когда перед ее глазами, со впятеро сложенной на них повязкой, проводили зажженной свечою, хотя бы и очень быстро, она разом падала, словно пораженная молнией. Первой человеческой фигурой, которую она увидела, был г-н доктор Месмер. Она с большим вниманием наблюдала за ним и за всевозможными движениями его тела, которые он проделывал, чтобы испытать ее. Она была в известной мере испугана этим и сказала: «Как ужасно видеть это! Неужели таков облик человеческий?» К ней, по ее желанию, привели большую домашнюю собаку, очень ручную, ее всегдашнюю любимицу, и она осмотрела ее с тем же вниманием. «Эта собака, — сказала она потом, — нравится мне больше, чем человек; мне много легче переносить ее вид». Особенно поражали ее носы на лицах, которые она рассматривала. Она не могла удержаться от смеха. Вот что она сказала об этом: «Мне кажется, что они обращены на меня с угрозой и хотят выколоть мне глаза». После, увидев достаточное количество лиц, она привыкла к ним. Наибольшего труда стоит ей научиться различать цвета и степень отдаленности предметов, ибо в отношении вновь проявившегося у нее чувства зрения она столь же неопытна и неискушена, как новорожденный ребенок. Она

никогда не ошибается в различиях одного цвета от другого, но зато смешивает их наименования, в особенности если ее не навели на след — производить сравнения с окраскою, ей уже знакомою. При виде черного цвета она поясняет, что это образ ее бывлой слепоты. Этот цвет всегда пробуждает в ней некоторую склонность к меланхолии, в которую она часто впадала, пока длилось лечение. В то время она неоднократно раздражалась внезапными рыданиями. Так, однажды с ней случился столь сильный припадок, что она бросилась на софу, отбивалась руками, пыталась сорвать с себя повязку, отталкивала от себя все и, жалостно стелая и плача, являла своим видом такое отчаяние, что мадам Сакко или любая другая знаменитая актриса не могли бы найти лучшего образца для изображения женщины, потрясенной крайним горем. Через несколько мгновений печальное настроение прошло, и она вернулась к своей прежней приветливости и жизнерадостности, хотя вскоре после того с нею снова случился такой же припадок. Когда в первые дни распространившаяся молва о ее прозрении привлекла к нам многих родственников, друзей и высокопоставленных лиц, она стала сердиться. В своем недовольстве она однажды сказала мне так: «Почему это я чувствую себя не такой счастливой, как раньше? Все, что я вижу, вызывает во мне неприятное возбуждение. Ах, мне было гораздо спокойнее, пока я оставалась слепой!» Я утешил ее тем доводом, что ее нынешнее раздражение связа-

но с восприятием непривычной области, которая для нее открылась. Едва привыкнув к зрению, она станет такой же спокойной и довольной, как и другие. «Это хорошо, — отвечала она, — потому что, если при взгляде на что-нибудь новое мне и дальше суждено испытывать беспокойство вроде нынешнего, я готова теперь же вернуться к прежней слепоте».

Так как вновь обретенное чувство вернуло ее в первоначальное состояние, то она вполне свободна от предвзятых взглядов и именует вещи просто по тому непосредственному впечатлению, которое они на нее производят. Она очень хорошо судит о чертах лица и делает из этого выводы о свойствах характера. Знакомство с зеркалом повергло ее в большое удивление; она не могла понять, как это поверхность зеркального стекла улавливает предметы и вновь представляет их глазу.

Ее привели в великолепную комнату, где была высокая зеркальная стена. Она стала принимать перед нею самые необычные позы и особенно смеялась тому, что изображение в зеркале, когда она приближалась, подступало к ней, а при ее удалении отступало. Все предметы, которые она замечает в известном отдалении, кажутся ей маленькими, и в ее представлении они увеличиваются по мере того, как придвигаются к ней. Когда она с открытыми глазами подносила ко рту кусочек поджаренного хлеба, ей представлялось, будто он такой большой, что не поместится во рту.

Потом ее провели к бассейну, который она назвала большой суповой миской. Ей казалось, что шпалеры кустов в аллее движутся рядом с ней с двух сторон, а на возвратном пути она думала, что дом идет навстречу, причем особенно понравились ей освещенные окна. На следующий день пришлось исполнить ее желание и свести ее в сад при свете дня. Она опять внимательно осмотрела все предметы, но не с таким удовольствием, как накануне вечером. Протекавший перед домом Дунай она назвала длинной и широкой белой полосой и точно указала те места, где она видит начало и конец реки. До деревьев, стоявших примерно в тысяче шагов по ту сторону реки, на так называемой Пратерау, можно было, по ее мнению, дотянуться рукою.

Так как это было среди бела дня, она не могла долго вынести пребывания с открытыми глазами в саду. Она сама потребовала, чтобы ей опять завязали глаза, так как восприятие света не по силам ее слабому зрению и вызывает у нее головокружение. Когда у нее на глазах повязка, она не решается без провожатых и шагу ступить, хотя прежде, будучи слепой, расхаживала по хорошо знакомой комнате. Рассеянность, вызываемая новым чувством, служит причиной того, что она должна быть более внимательной за клавесином, чтобы сыграть какую-нибудь пьесу, в то время как раньше она исполняла целые концерты с безукоризненной верностью и при этом вела беседу с окружающими.

Теперь с открытыми глазами ей трудно сыграть и Небольшую вещицу. Она следит за своими пальцами — как они поднимаются над клавиатурой, — но при этом не попадает в большинстве случаев на нужные клавиши».

Свидетельство отца пациентки Месмера, человека серьезного и уважаемого, не походит на выдумку. И тем не менее венские врачи, недовольные вмешательством Месмера, ополчаются на целителя. Особенно усердствует глазной врач профессор Барт. Девушка Парадиз несколько лет лечилась у него, но безрезультатно. Врачебная корпорация из солидарности поддерживает коллегу профессора Барта, обвинившего Месмера в знахарстве.

После вмешательства влиятельных врачей возникает препятствие намерению Месмера лично представить императрице Марии-Терезии свою находящуюся на пути к выздоровлению пациентку. Более того, враждебно настроенные коллеги решительно выступают против того, чтобы Месмер продолжал лечение девушки Парадиз своим магнетическим методом. Но тут происходит непредвиденное. Сама пациентка высказывает неперемное желание, чтобы доктор Месмер продолжил свое лечение.

Тогда противники Месмера прибегают к другому способу. Они убеждают стариков родителей девушки Парадиз, что если их дочь прозреет, то они лишатся монаршей милости — пенсии двести дукатов, мало того, будет покончено и с концертами

их дочери, так как публика потеряет интерес к прозревшей музыкантше.

Угроза потерять финансовый достаток действует безотказно. Отец, еще недавно вполне доверявший Месмеру, является к нему в дом и требует немедленно вернуть ему дочь. При этом он даже угрожает саблей. Происходит, однако, удивительная вещь: дочь не желает подчиниться требованию отца. Она прямо заявляет, что не намерена возвращаться под родительский кров, а остается у Месмера. То ли настолько уверовала в его метод лечения, то ли просто-напросто влюбилась в своего врача.

Мать девушки набрасывается на непокорную и бьет беззащитную с яростью расвиревшей тигрицы. Побои приводят к тому, что девушка падает, у нее начинаются судороги. Однако и после этого родителям не удается сломить дочь и заставить покинуть дом своего исцелителя (кое-кто считает, что девица действительно влюбилась в доктора). Как бы то ни было, она остается в клинике Месмера.

Но все эти тревобления и скандалы не прошли даром для девушки. В результате перенесенных потрясений слабый проблеск света, возникший с таким трудом, угасает. Снова начать лечение, чтобы оживить расстроенные нервы, Месмеру не дают. Вмешивается корпорация медиков и по повелению императрицы берется «положить конец этому надувательству». Месмеру ничего не остается, как прервать лечение и выдать еще недолечив-

шуюся девушку ее родителям, несмотря на ее отчаянные мольбы.

Что было дальше, вернее, каковы были последствия всей этой истории, точно не известно. Либо Месмеру, как «нежелательному иностранцу», было велено правительством покинуть Австрию, либо он сам принял решение уехать, не желая больше видеть своих бессовестных венских коллег.

Так или иначе, после случая с девицей Парадиз Месмер покинул свой великолепный дом на Загородной улице, разошелся с женой (детей у них не было) и уехал из Вены. Спустя некоторое время он обосновался в Париже.

Париж. Поклонение и триумф

Враги и друзья

Первое, что Месмер делает в Париже, — открывает неподалеку от города в деревне Крейтель больницу. Он пишет письмо Леруа, президенту Академии наук, и приглашает членов академии посетить его клинику, чтобы подвергнуть его метод лечения серьезному рассмотрению. Академики вежливо отказываются. Но если ученые мужи проигнорировали приглашение, то простой люд, как и в Вене, валом валил в деревушку, где обосновался новоявленный пророк и врачеватель. Да что там простолюдины, даже аристократы жалуют его своим вниманием. Всех влечет к Месмеру молва о его чудодейственном методе.

Момент тем более благоприятствовал этому, что французское общество, вплоть до самых верхов, как никогда было увлечено тайными науками, ис-

пытывало страсть к белой и черной магии, верило и поклонялось всякого рода волшебникам и чародеям. Достаточно назвать графа Сен-Жермена, уверявшего, что ему более тысячи лет и он-де видел Иисуса Христа и знал Магомета. Принятый при дворе и ставший любимцем фаворитки короля мадам де Помпадур, таинственный граф ловко пользовался доверчивостью своих поклонников, жил на широкую ногу и вообще умел урвать лакомый кусочек.

Ему под стать был и другой маг и волшебник, так называемый граф Калиостро, ловко эксплуатирующий, как скажет Стефан Цвейг, золотые прииски глупости человеческой.

Помпадур тайком ночью посещала гадалку — некую мадам Бонтан, чтобы та предсказала ее будущее по кофейной гуще. А кардинал Роган настолько уверовал в искусство волшебника Калиостро, что поселил его в своем дворце, кормил и одаривал, слепо веря каждому его слову. Чем тот, естественно, не раздумывая пользовался и однажды чуть было не погубил своего покровителя, но об этом речь впереди.

Одним словом, тогдашнее общество было поражено разными суевериями и страдало от эпидемии мистического умопомешательства.

В салонах пророчествовали заезжие авантюристы, ловко облапошивая доверчивых слушателей. На стенах домов были развешаны афиши, сообщавшие об опытах кудесников и магов. Некий человек объ-

явил, что на глазах честной публики он влезет в бутылку. И ему верили. Еще бы — ведь об этом черным по белому напечатано на афише. Да и станет ли нормальный человек так нагло обманывать людей, до такой степени издеваться над почтенной публикой! О деньгах за билеты никто и не вспоминал.

Тогда же всплыл еще один кудесник, взбудораживший весь Париж. На улице Ножниц, перед домом, где он жил, постоянно стояли толпы калек и нищих. Они верили, что здесь живет пророк, исцеляющий прикосновением. У целителя был скромный, простой вид: он стал пророком к собственному великому удивлению и как бы невзначай. В конце концов его выслали из Парижа вместе с женой.

Затем объявился ребенок, который заявил, что видит все, что находится под землей. Ему поверили и академики, и журналисты, о чем оповестили в газетах.

Другой мошенник запросил сто тысяч ливров на постройку машины, на которой можно будет путешествовать по воздуху. Доверчивые обыватели собрали эти деньги, которые, естественно, осели в кармане проходимца.

Появились тогда же и всевозможные секты. Одна из них проповедовала философско-мистическое учение своего основателя Сен-Мартена. В книге «Заблуждение и истина» он доказывал, что творимое человеком добро есть реализация закона,

установленного некой высшей разумной силой, управляющей миром. По учению этой секты, человек представляет собой падшее создание и в своих нравственных страданиях виноват сам... Воззрения мистика Сен-Мартена оказали тогда большое влияние, в частности, на многих видных русских масонов.

Ненормальное воображение, коим были охвачены многие, толкало в область чудесного и сверхъестественного. Как писал Мерсье, автор вышедшего тогда труда «Картины Парижа», деятельность человеческого ума, возмущенного своим неведением, жажда все узнать и во все проникнуть силой собственного разума, смутное чувство, заложенное в человеке и заставляющее его думать, что он несет в себе зародыши самых высоких знаний, — вот что толкает людей с созерцательным воображением к познанию неведомого мира. И чем гуще покров, брошенный на этот мир, тем охотнее слабый и любознательный человек взывает к чуду и верит в чудесное. Воображаемый мир является для него миром реальным.

Вот почему Месмер с его загадочной теорией о «животном магнетизме» и практикой излечения пришелся, можно сказать, ко двору в тогдашнем Париже. Сам он, однако, не причислял себя ко всем этим магам и чудодеям. Он врач с дипломом, а не какой-то там шарлатан. И его метод лечения построен отнюдь не на знахарстве, а на строго научной, как он считал, основе. Единственно, чего он

добивался, это признания его учеными академии. Но те, как было сказано, проигнорировали просьбу Месмера посетить его больницу.

Тогда он обращается к только что основанному Медицинскому обществу. Он готов продемонстрировать коллегам своих излечившихся пациентов и ответить на все вопросы. Но и тут его ждет отказ под тем предлогом, что судить о результатах лечения можно лишь в том случае, когда известно предшествующее состояние пациентов, а этих данных у Месмера нет.

Месмер садится за стол и пишет новую работу — «Трактат об открытии «животного магнетизма». Это своего рода призыв к ученому миру оказать поддержку и содействие его опытам. Ничего чудесного и сверхъестественного он не обещает. «Животный магнетизм», — уверяет он, — это вовсе не то, что врачи понимают под словом «таинственное средство». Это наука, имеющая свои обоснования, выводы и положения. Он признает, что доньше об этом учении ничего не было известно. Но именно потому было бы несправедливо, чтобы о нем судили лица, ничего не понимающие в том, о чем они будут судить.

Месмеру нужны не судьи, а ученики. «Все мои намерения, — пишет он, — сводятся лишь к тому, чтобы официально получить от какого-либо правительства дом, где бы я мог поместить больных для лечения и без труда, не подвергаясь больше лож-

ным обвинениям, окончательно доказать действие «животного магнетизма».

Он готов взять на себя подготовку врачей и предоставить тому же правительству решить, в какой мере желает оно распространить его открытие — для всеобщего пользования или среди ограниченного числа людей. И дальше следуют слова, которые звучат как угроза всем, если мир отвергнет его открытие.

«Если предложения мои будут отвергнуты во Франции, я покину ее». Веря в свою правоту, свободный от укоров совести, он говорит о том, что соберет около себя частицу человечества, и тогда придет пора, когда он сможет лишь с собою самим советоваться, как поступать. «Если бы я действовал иначе, то к «животному магнетизму» отнесли бы как к моде», — заключает он.

В этот момент, можно сказать, впервые фортуна повернулась к нему лицом. Его метод лечения, особенно нервных болезней, привлекает влиятельных сторонников. Это прежде всего лейб-медик графа д'Артуа доктор Шарль Делон. Он выпускает брошюру в поддержку Месмера. Это открывает путь ко двору. Здесь он успешно вылечивает от паралича одну из придворных дам королевы Марии-Антуанетты, и та рассказывает своей повелительнице о чудо-докторе.

О Месмере королева слышит и от своей ближайшей подруги мадам Ламбаль. В салоне королевы о волшебнике Месмере говорят принц Конде,

герцог Бурбон, барон Монтескье. С особым восторгом о нем отзывается молодой маркиз Лафайет, который становится горячим приверженцем его учения.

К мнению маркиза королева особенно прислушивается — ведь имя этого двадцатичетырехлетнего героя гремело по всей Франции после того, как он стал по ту сторону океана, в Новом Свете, генералом повстанческой армии Вашингтона и сражался против англичан, тогдашних врагов Франции.

Месмер и Лафайет станут друзьями на долгие годы. А история маркиза, его личная жизнь, женитьба на Адриенне, к которой, надо думать, Месмер был равнодушен, будет ему хорошо известна с самого начала, когда аббат благословил союз Жильбера и Адриенны и новоявленная маркиза де Лафайет шепнула своему супругу: «Я принадлежу вам полностью без остатка». Как бы Месмеру хотелось услышать эти слова, адресованные ему самому, но, увы, Адриенна, перенеся многие испытания и пережив немало горя, осталась верной и преданной женой до самого последнего своего часа, когда в декабре 1807 года маркиз проводил ее на кладбище Пикпус.

История любви двух друзей Месмера — героическая и трогательная — всегда, когда он думал о них, приводила его в восторг и умиление.

История Жильбера и Адриенны

Все началось весной 1774 года, когда офицер королевских мушкетеров Мари-Жозеф Жильбер Мотье маркиз де Лафайет женился на одной из красивейших девушек Франции Адриенне де Ноэль, дочери Франсуа Ноэля графа д'Айен. Жениху было шестнадцать, а невесте четырнадцать лет и пять месяцев. Браки между детьми были тогда обычным явлением и редко становились удачными. Союз Жильбера и Адриенны был исключением из правила. Молодые обожали друг друга. Рождение сына еще больше их сблизило.

Но любящий муж редко был рядом с женой. Его отряд стоял в Меце. И к тому же с весны 1776 года маркиз загорелся желанием уехать в Америку, посвятив Вашингтону свою шпагу и судьбу. С этой целью он прибыл в Лондон и оттуда написал своему тестю, сообщая об отъезде в Америку:

«Мне предоставился прекрасный случай проявить себя и изучить военное дело. Я стал офицером армии Соединенных Штатов Америки. Искренностью и преданностью делу свободы заслужил я их доверие. Со своей стороны, сделаю все, что в моих силах, для них, и их интересы станут однажды для меня важнее моих личных». Вот так Адриенна узнала, что ей придется долго жить вдали от мужа...

В мае 1777 года небольшой корабль «Викто-

рия», вооруженный двумя плохонькими пушками, медленно шел по Атлантике. Судно покинуло испанский порт Пассаж и направлялось в Джорджтаун в Южной Каролине. Владелец корабля, молодой человек, которому еще не исполнилось и двадцати лет, пребывал в меланхолии. «Море так печально, — писал он своей жене, — надеюсь, наша печаль взаимна...» В то же время он должен был быть бесконечно счастлив: ему удалось, не без трудностей, осуществить свою мечту: отправиться сражаться на стороне инсургентов — восставших американцев, помогать им отстаивать свою свободу и независимость.

Итак, в начале мая 1777 года, закрывшись в своей каюте на «Виктории», в то самое время, когда его жена готовилась произвести на свет девочку, он написал ей письмо, которое смог отправить только через семь недель пути: «Защитник свободы, которую я идеализирую, свободный в выборе более других, как друг, я хочу предложить свои услуги этой республике. Ей я преподнесу только мою искренность и добрую волю — никаких амбиций, никакого личного интереса. Трудясь во имя моей славы, я работаю для их счастья. Я надеюсь, что ради меня Вы станете доброй американкой. Счастье Америки неразрывно связано со счастьем всего человечества. Америка станет уважаемым и надежным оплотом свободы. Прощай, ночная темнота не позволяет мне продолжить письмо, ибо я запретил всякий огонь на судне еще на

несколько дней. Вы видите, как я осторожен! Прощайте же! Моим пером движет сердце, и мне не нужен свет, чтобы сказать, как я люблю Вас и буду любить вечно».

Жильбер сдержит свое слово. Его «дорогая Адриенна» и любовь к свободе будут всегда в его мыслях — до самой смерти. Что до молодой женщины — фигуры, оставшейся в тени истории, потому что слава мужа затмила ее, — она станет героиней и жертвой супружеской преданности и любви, что так восхищало в ней Месмера.

Пока супруг пожинал лавры славы, молодая маркиза жила в Оверни, занимаясь воспитанием дочери. Когда же «дорогой Жильбер» после двух лет разлуки вернулся на родину, он смог посвятить своей «дорогой Адриенне» всего лишь несколько дней. И уже вскоре, получив помощь от французского двора, Жильбер вновь отправляется пожинать лавры на полях сражений за независимость Америки. И вновь он покрыл себя славой, выигрывая одно сражение за другим. Взял знаменитый

Йорктаунский редут — блестящая военная операция, которая вынудила англичан капитулировать.

Возвращение маркиза в 1781 году в Париж было апофеозом его славы! Людовик XVI произвел его в маршалы. И это в двадцать шесть лет! Мадам Лафайет присутствовала при этом. После церемонии Мария-Антуанетта сопровождала Адриенну в своей карете до особняка Ноэлей — жест, отмеченный всем Парижем.

Жильбер ненадолго задержался около жены - только чтобы наградить ее второй дочерью. И в третий раз он поднял паруса, отправляясь в Новый Свет, где был встречен почти как бог. Американский парламент советовался с ним, его жена и дети получили почетное гражданство Соединенных Штатов Америки.

По возвращении он едва поцеловал прекрасную Адриенну. Позже она писала, что была столь сильно привязана к мужу, что едва не теряла сознание, когда он входил в ее комнату, — столь сильны были ее чувства.

Маркиз решил ни много ни мало объехать все европейские государства, чтобы посеять там идеи свободы.

— Я знал одного молодого человека, который проповедовал то же, что и вы, — сказал маркизу «большой Фридрих», прусский король. — Знаете, что с ним стало?

— Нет, сир.

— Так вот, его повесили!

Дальнейшая судьба Жильбера и Адриенны станет известна Месмеру по рассказам знакомых, уцелевших во время революционного террора.

Когда во Франции началась революция, Лафайет стал депутатом Национального собрания, командующим Национальной гвардией. Но преуспешет он на революционном поприще на родине намного меньше, чем в Америке. Его честность плохо сочеталась с политическими интригами. В результате

перед ним встала дилемма — немедленное бегство или эшафот, то есть казнь на гильотине. (К тому времени изобретение доктора Гильотена было уже испытано на овцах в известном всему Парижу сарае, что находился в квартале Кордельеров. Гильотина была готова принять первые человеческие жертвы.)

В момент, когда Лафайет переходил границу, он был захвачен отрядом австрийской кавалерии и французских эмигрантов. Его сразу же узнали, он был пленен и посажен в тюрьму прусского городка Везель. Затем его перевели в Магдебург, где он провел в тюрьме ровно год.

Адриенна осталась на родине, где вскоре была арестована. Но еще до этого получила через американского посла несколько строк, начертанных на куске холста. Ее сердце забилося от волнения — она узнала почерк мужа. С трудом разобрала первые строки послания: «Я еще жив...»

После скитания по разным тюрьмам Лафайет оказался в Олмутце, одной из мрачайших австрийских крепостей в Моравии. Его камера шириной три шага и длиной пять находилась в подземелье, без света и свежего воздуха. Адриенна содрогалась от ужаса, воображая своего «горячо и нежно любимого Жильбера» в этой страшной клоаке. Здесь 8 ноября 1794 года была предпринята попытка побега. Организовали его давние почитатели Лафайета — доктор медицины из Ганновера Эрих Больман (кстати, знакомый Месмера) и аме-

риканский студент Хьюггер, сын майора, который первым встретил Лафайета на земле Америки в 1777 году. План был тщательно ими продуман. Но случилось непредвиденное. Во время схватки с охранником убежала одна из приготовленных двух лошадей. Лафайету передали оставшуюся лошадь, два пистолета и кошелёк с золотыми дукатами. На прощание Больман успел только крикнуть: «Get to Hof! (Следуйте в Хоф!)». Лафайету же послышалось «Got off! (Бегите!)».

Ни о каком городе Хоф он слыхом не слыхивал и тем более не знал о дальнейших планах организаторов побега. А между тем в Хофе, на австрийской границе, его ждали и оттуда должны были переправить дальше в Бреслау. В тот же день заблудившийся Лафайет был схвачен и водворен обратно в тюрьму. Его приговорили к содержанию в кандалах. Но австрийский император Франц отменил эту крайнюю меру. Его засыпали письмами о помиловании Лафайета. Одним из тех, кто вступился за героя американской революции, был сам Вашингтон. Однако пока что все попытки оставались тщетными. И когда Лафайет совсем было потерял надежду увидеть свободу _и_ свою семью, двери камеры отворились и он увидел свою драгоценную жену и дочерей.

Как жена эмигранта, она сама была почти пленницей, но все же ей удалось собрать некоторую сумму, чтобы поехать к мужу. Но Адриенна не успела осуществить свои намерения. Двенадцатого

ноября 1793 года маркиза де Лафайет была оторвана от своих детей, арестована и через несколько месяцев переведена в парижскую тюрьму. После короткого пребывания в тюрьме Форс ее перевели в Плесси — «лавку Фуке-Тенвиля», резервуар, куда этот общественный обвинитель нырял каждый день, чтобы насытить гильотину. Здесь Адриенна узнала о казни своих бабушки, матери и сестры.

Маркиза Лафайет была освобождена только в начале следующего года. Наконец-то она получила возможность реализовать свой план: найти того, кто составлял счастье всей ее жизни. С обеими дочерьми она села на корабль, который, как все уверяли, отплывал в Америку. Но на деле маркиза оказалась в Гамбурге, где консул Соединенных Штатов передал ей паспорт на имя мадам Мотье, американской гражданки. Адриенна пересекла всю Европу, прибыла в Вену и добилась с большим трудом аудиенции у императора Франца.

— Освободить Лафайета? Об этом не может быть и речи! Его идеи сравнимы с бочкой пороха;

Несчастливая Адриенна бросилась на колени перед императором, умоляя его разрешить хотя бы разделить с мужем его заключение. В этом Франц милостиво уступил.

— Вы найдете господина Лафайета в добром здравии, с ним хорошо обращаются и хорошо кормят. Ваше присутствие будет еще одной поблажкой для него.

Двадцать четвертого октября Адриенна, опья-

ненная счастьем, оказалась перед воротами мрачной цитадели Олмутц. Дочери поддерживали ее. Хватит ли у нее сил выдержать счастье столь долгожданной встречи?

Уже при входе в тюрьму их обыскали, отобрали все личные вещи, затем через темный коридор провели во двор тюрьмы, где стражник открыл дверь со множеством запоров и замков. Пройдя через вторую дверь с не меньшим количеством запоров, Адриенна наконец-то увидела своего дорогого Жильбера, исхудавшего, бледного, постаревшего и сторбленного, ослепленного ярким светом, проникшим в открытую дверь. Узнав наконец свою «дорогую Адриенну», он бросился с рыданиями в ее объятия. Она показала ему дочерей, ибо он видел их последний раз еще совсем крошками.

Лафайет рассказал им о своих мытарствах. У него отобрали в тюрьме все вещи, а после попытки бегства лишили даже света и имени. Обращались к нему, только называя тюремный номер. Он должен был есть руками — лишили его и столовых приборов. Но все это не так важно, раз теперь с ним была его семья.

Адриенна прожила два года в сумрачной камере своего обожаемого Жильбера. Она была счастлива, безраздельно владея мужем. Каждый день, в полдень, к ним приводили под конвоем дочерей, содержащихся в соседней камере, и они проводили часть дня с родителями. Все четверо мужественно переносили тяготы, смеялись над тем, что приходи-

лось рвать руками куски мяса за обедом, старались содержать в порядке свою одежду, превратившуюся в лохмотья.

Они смеялись над своими несчастьями до того дня, когда Адриенна заболела. Император Франц милостиво разрешил ей проконсультроваться с врачами в Вене, но с условием, что маркиза не вернется в Олмутц.

Адриенна предпочла отказаться. Ее болезнь и каменные стены тюрьмы не мешали ей находить посредников, чтобы вызывать сочувствие всего мира к судьбе ее мужа. Она посылала призывы ко всем американским дипломатам в Европе. Даже Париж потребовал освободить «мученика свободы». Сам президент Соединенных Штатов вмешался в дело освобождения Лафайета.

Наконец в октябре 1797 года маркиз, только что отметивший свое сорокалетие, и его семья были освобождены. Они могли возродиться для жизни. Увы! Мадам Лафайет, героиня супружеской любви, вышла из тюрьмы тяжело больная. Двадцать четвертого декабря 1807 года она была на пороге смерти. С любовью глядела Адриенна на мужа, который сидел у ее изголовья, с трудом сдерживая слезы.

Жильбер проводил ее в последний путь на кладбище Пикпус, где присоединился к ней через двадцать семь лет.

Из бездны своего горя маркиз писал другу: «За 33 года совместной жизни нежность, доброта, де-

ликатность и щедрость ее души очаровывали меня, украшали и облагораживали мое существование. Я так к этому привык, что почти не замечал и не отделял мою жизнь от ее. Ей было четырнадцать, а мне шестнадцать, когда ее сердце слилось со всем, что составляло мою жизнь...»

Месмер не дожидая смерти друга. Он глубоко уважал Адриенну, ее чувство к мужу, хотя и не осуждал его пылкие романы: его связь с Аглаей Юнольштейн и увлечение красавицей Аделаидой де Симмиан. Но мудрая в своей любви Адриенна никогда не попрекала мужа: пусть все идет как положено... Точно так же она могла ревновать и к Марте Вашингтон, с которой ее муж был в дружеских отношениях.

Первые последователи

Вернемся, однако, к тому моменту, когда Лафайет стал горячим поклонником опытов Месмера. Благодаря маркизу Месмер был принят при дворе. Сама Мария-Антуанетта заинтересовалась его опытами. Несмотря на враждебное отношение к Месмеру ученых кругов, с ним входят в переговоры от имени королевы. Министрам было дано распоряжение обеспечить ему пожизненное содержание в двадцать тысяч ливров плюс десять тысяч ливров на квартирные расходы.

Но Месмер гордо отказывается: «Я не могу

входить в договорные отношения с правительством, пока перед тем не будет непреложно признана и подтверждена правильность моего открытия». Больше того, после двух лет магнетической терапии Месмер, высланный из Вены, приобрел в Париже такой авторитет как целитель и пророк, что мог угрожать королеве тем, что покинет Париж. Он пишет Марии-Антуанетте: «Узнав, что Ваше Королевское Величество благоволили остановить на мне взор свой, я бы, конечно, должен был ощущать только живейшее удовольствие, но при всем том положение мое тяготит мое сердце.

Ваше Величество описали намерение мое уехать из Франции как противное человечеству, ибо я оставляю больных, нуждающихся в моем лечении. Теперь, конечно, отказ мой на условия, сделанные от имени Вашего Величества, будет приписан корыстолюбивому побуждению.

Ваше Величество, я поступаю так не по бесчеловечию, не по жестокости и смею надеяться, что Ваше Величество позволит мне представить на то доказательства, но прежде всего я должен помнить, что Вы меня осуждаете, и моя первая забота принести покорнейшее повиновение».

Он был согласен пробыть во Франции до 18 сентября. Но в конце концов все же покинул Париж и направился в Спа, курортный городок в Германии.

Его приверженцы во Франции ополчатся на тех, кто допустил отъезд такого человека, и прежде

всего на интриганов врачей из Медицинского общества и академии. В защиту Месмера появляются статьи и брошюры. В Бордо, в соборе, аббат Эрвье открыто проповедует с кафедры учение о магнетизме. В Марселе, Гренобле, Меце, Нанси — всюду находятся в большом числе сторонники и заступники Месмера. В самом Париже в роли его защитника и последователя выступает некто Эслон, который предпочел быть учеником Месмера званию члена Парижской академии наук и Королевского медицинского общества. Он издал ставшее знаменитым сочинение «Рукописи Эслона», открыл собственную лечебницу, отличавшуюся от месмеровской лишь тем, что в ней не использовали во время сеансов музыку, зеркала, резервуары и пр. Из-за этого у Месмера возникла с ним ссора, и они стали врагами. В Лионе методы Месмера использует Барбарен Спиритуалист, объявивший себя изобретателем нового «животного магнетизма». Ему удалось получить благословение своих методов у самого папы римского. В Страсбурге практикует ученик Месмера маркиз Пюисегюр. Он сосредоточил свои исследования на таком феномене, который назвал магнетическим сомнамбулизмом. Его открытие состояло в том, что, когда пациент находится в этом состоянии, можно воздействовать на симптомы словом. Пюисегюр первым понял, что магнетическое лечение может быть продолжительным и подчиняется точным правилам и проходит определенные этапы.

Учение Месмера, с триумфом воспринятое в Европе, попало за океан, в Америку. Здесь сыграл роль в его пропаганде все тот же Лафайет. Он сообщал Вашингтону, как нечто весьма важное, что везет американцам кроме ружей и пушек для Войны за независимость также и новое учение Месмера. «Некий доктор по имени Месмер, — писал Лафайет, — сделавший величайшее открытие, приобрел себе учеников, среди которых ваш покорный слуга считается одним из самых восторженных... Перед отъездом я испрошу разрешения посвятить вас в тайну Месмера — большое философское открытие».

Немало способствовали распространению учения Месмера и его собратья по масонству, приверженцем которого он стал еще в Вене. Все они, то есть его восторженные поклонники, добиваются возвращения Месмера в Париж на его условиях. Ему обещана финансовая поддержка его опытов за счет дворянства и буржуазии. Несколько его учеников во главе с известным адвокатом Никола Бергасом основало акционерное общество. Сам адвокат, человек честолюбивый и умный, но не всегда разборчивый в средствах, привлек к себе внимание парижской публики множеством статей в защиту магнетизера Месмера.

Но главное — энергичный Бергас сагитировал более ста поклонников Месмера, каждый из которых отдал по сто луидоров, «чтобы выполнить по отношению к Месмеру долг человечества». За это

Месмер обязывался передать им свои знания. Деньги, конечно, были весьма кстати. На них он получил возможность учредить свою собственную академию.

Магнетические акции превосходно расходились. За двенадцать месяцев подписка принесла триста сорок тысяч ливров. Кроме того, ученики Месмера объединились по всей стране в так называемое «Гармоническое общество». Можно сказать, Месмер переживает настоящий триумф. Теперь ему не страшны были козни академиков.

Под влиянием блестящих успехов Месмера многие зарубежные врачи стали практиковать лечение магнитами. Нужно, однако, сказать, что его последователи далеко превзошли в техническом отношении своего учителя.

В 1780 году эдинбургский врач Грэхем открыл в Лондоне «электротерапевтический кабинет» под звучным названием «Замок здоровья». Заплатив сто фунтов (колоссальные по тем временам деньги), больной допускался в «Замок здоровья» и получал право провести ночь на «звездной постели». Эта диковина покоилась на сорока крупных магнитах и была увенчана фигурами Амура и Психеи. «Курс лечения» сопровождался тихой музыкой и гаремными танцами.

Лечение магнитами проводил и швейцарец Де Герсю. Он придумал использовать вместо магнита «намагниченную воду», которой можно было пользоваться для умывания, питья, промываний, клизм,

примочек и ванн. В целебных свойствах «намагниченной воды» был убежден и французский врач Дюрвиль. На основе проведенных опытов он утверждал, что после лечения тридцати пяти больных водой, «намагниченной» при помощи подковообразного магнита, поднимавшего сто — сто десять килограммов, у больных исчезали язвы, лучше зарубцовывались раны.

Маг в лиловой мантии

Вернувшись в Париж, Месмер поселился в роскошной квартире на Вандомской площади. С утра около дома выстраивалась очередь из колясок и экипажей тех пациентов, кто еще за несколько дней купил себе место у «ушата здоровья». Для менее состоятельных тоже находится «ушат» — правда, размером поменьше.

Вскоре квартира становится тесной для приема такого количества больных, и Месмер снимает отель «Буйон» на улице Монмартр рядом с Биржевой площадью. Здесь он организовал клинику.

Пять лет подряд в Париже только и разговоров было что о чудесном докторе, о пророке, который использует магически-магнетическое лечение и творит сверхъестественное. Можно сказать, что месмеромания охватила весь город. Причем нередко попасть на магический сеанс «животного магнетизма» стремились абсолютно здоровые люди. Их

влекло обычное любопытство, они стремились на прием к чудодею как в театр. В известной мере это и было представление. Кудесник являлся перед пациентами в магическом ореоле, в атмосфере таинственности и загадочности.

Окна в зале, где проходил сеанс, были занавешены, чтобы создать легкий полумрак, на полу и стенах персидские ковры, приглушающие звуки. Повсюду странные символические знаки звезд. Все способствует мистическому настроению.

В центре зала находилось какое-то странное сооружение, напоминающее жерло колодца. Это тот самый «ушат здоровья», некоторые называют его баком. В глубоком молчании, словно в церкви, вокруг этого магнетического алтаря сидят, затаив дыхание, больные. Они держатся одной рукой за металлические стержни в баке, другой за руку соседа, образуя так называемую магнетическую цепь. Касаясь кончиками пальцев друг друга, по ней получают волны магнитной, или магнетической, энергии, передающейся чудодейственным и божественным флюидом. Все в благоговейном молчании сосредоточены и полны ожидания, что вот-вот произойдет чудо исцеления благодаря вбиранию в себя спасительного флюида. Из соседней комнаты слышатся звуки клавесина или тихое хоровое пение.

Так в течение приблизительно часа организм заряжается магнетической силой. И когда пациенты подготовлены, их нервная система утомилась от ожидания, неожиданно появляется сам пророк. На

нем расшитая золотом и серебром лиловая мантия. В ней он напоминает индийского мага. На пальцах бриллиантовые перстни. Медленно, словно замороженный, он подходит к больным. Те, как зачарованные, замерли в ожидании чуда. Месмер переходит от одного пациента к другому, касаясь железным жезлом каждого. По телу некоторых пробегают трепетная дрожь. Кто-то вскрикивает — ему показалось, что как бы электрический разряд прошел через него. Перед некоторыми Месмер задерживается и тихо справляется об их состоянии. Потом проводит своим жезлом по одной стороне тела книзу и по противоположной кверху. Одновременно властно и настойчиво приковывает к себе страдающий взгляд больного. Других он совсем не касается, но проделывает какие-то манипуляции своим жезлом над местом, где сосредоточена боль. При этом не отрывает взгляда от пациента.

В зале не слышно ни звука, лишь шаги по ковру и иногда вздох облегчения. Но вдруг один из больных начинает от прикосновения Месмера дрожать, конвульсии проходят по его телу, пот градом льется по лицу, он стонет. Через мгновение раздирающий душу вопль раздается в зале, заглушая убаюкивающую мелодию. Какая-то женщина падает на пол: она бьется в истерическом припадке. Словно электрическая искра пробегает от нее к другим, сидящим вокруг бака. И вот уже несколько человек впадают в истерику, корчатся, другие, закатив глаза, громко смеются, стонут, некоторые плачут...

Все как бы впадают под влиянием жезла или упорного взгляда Месмера в обморочное состояние или гипнотический сон. В этот момент Месмер торжественно произносит: «Кризис наступил». Специальные служители тотчас подхватывают особенно беспокойных больных и относят в «зал кризисов», где им свободно дают сотрясаться в самых неистовых истерических судорогах.

По учению Месмера, после такой разрядки, скорее похожей на массовый психоз, наступает освобождение от болезни. Флюид, проникший в тело пациента, вытесняет ее и приносит исцеление.

Недруги Месмера по-прежнему потешались над его методом. Теперь его обвиняли в том, что магнетическое лечение опасно для нравов. Бульварные писаки в глумливых статейках утверждали, будто в «зале кризисов» особо нервные дамы получают успокоение (читай — удовлетворение) обычным физиологическим путем. А завятые ловеласы ожидают от магнетизма одного — оживления своей утомленной мужской силы. Так, казалось бы, медицинская проблема становится в центре внимания, изрядно подпорченная гривуазным подтекстом.

От журналистов не отстает театр. Месмеромания переносится на подмостки, и осенью 1784 года итальянская королевская труппа разыгрывает фарс под названием «Современные доктора». Автор пьески некто Раде, мелкий стихотворец, высмеивает Месмера с его магнетизмом и флюидом. Но фа-

натики, слепо верящие в месмеризм, освистывают пьесу и ее автора.

Дальше больше — фанатизм нарастает. Стоит Месмеру показаться на улице, как больные и здоровые бросаются к нему, чтобы только дотронуться до его одежды. Все они слепо верят в магию его личности, в его способность творить чудеса. А так как не всем удастся попасть на прием к магу и волшебнику, в продаже появляются так называемые маленькие «ушаты», чтобы лечиться по методу Месмера на дому. Но и это не всем по карману. Тогда пророк и маг намагнетизировал дерево на улице Бонди, и сотни человек веревками привязывают себя к нему и ждут «кризиса». Возникают магнетические рощи и гроты, тайные кружки и ложи, дело доходит до открытых схваток между сторонниками и противниками Месмера, происходит даже несколько дуэлей.

Итальянец при дворе Турракины

Могущество Месмера растет, множится слава, растут и его доходы. Тем временем в его доме, как когда-то в Вене, часто, когда хозяин свободен от сеансов, собираются гости. Не забывают Месмера и старые друзья, знакомые еще по Вене. Когда оказывается в Париже, к нему непременно заглядывает Моцарт, бывает да Понте и Метастазию, посещает Касти. Всех

их интересуют сеансы волшебника, и каждый хочет незаметно присутствовать на них. А Касти даже решился на себе испытать метод Месмера и с его помощью излечился от мучившей его мигрени. После магнетических сеансов, как когда-то в Вене, они проводили вечера за беседой.

Касти был отличным рассказчиком и охотно поведал свою историю. В чем-то она походила на то, что пришлось пережить в Вене и Месмеру: преследование и изгнание. Это, несомненно, их сближало.

В шестнадцать лет, окончив семинарию, Джанбаттиста Касти уже имел звание профессора красноречия и был известен как сочинитель стихов. Однако как поэта его не очень привечали. Неудачи на поэтическом поприще не обескуражили его. Он начал писать новеллы. В них сразу же проявился его язвительный талант остролова и охальника.

Описание любовных похождений и насмешки над церковниками принесли ему скоро такую известность, которой не мог тогда похвастаться, пожалуй, ни один поэт. Из-за этого-то, собственно, и начались у него неприятности. За дерзкое поведение и слишком вольные сочинения Джанбаттиста Касти был предан анафеме и выдворен из Рима. Пришлось отправляться в изгнание. Впрочем, сожалеть об этом ему особенно не пришлось. Он обосновался во Флоренции, где стал близким ко двору поэтом. Отсюда он начнет свой путь к европейской известности, несколько, правда, скандальной, но все же славе.

После нескольких лет жизни во Флоренции Каста оказался в Вене. Его привез сюда Иосиф II, которому во время поездки во Флоренцию пригласился остроумный и веселый итальянец. В австрийской столице Каста пытался войти в милость Марии-Терезы, стремясь получить звание придворного поэта вместо подвизавшегося там Метастазιο. Оба они были однокашниками по итальянской академии «Аркадия», основанной в 1690 году в Риме. Метастазιο был приглашен в Вену, где стал очень популярен как поэт и либреттист многих опер. Здесь, в Вене, они и встретились вновь. Оба были завсегдатаями музыкальных вечеров в доме Месмера и ценили его тонкий вкус знатока музыки и литературы.

Тогда же Месмер прочел в рукописном списке нашумевшее сочинение Каста «Татарская поэма». Каста читал поэму при венском дворе. Иосиф II не присутствовал при чтении и пожелал сам познакомиться с ней. Автор поднес ему красиво переписанный от руки экземпляр. Прочитав, император остался недоволен.

Поэма являлась острым политическим сочинением и могла серьезно осложнить австро-русские отношения, с таким трудом только что налаженные во время свидания Иосифа II (он значился под именем графа Фалькенштейна) и Екатерины II в Могилеве. Встреча запомнилась своей пышностью и великолепием. Были сооружены триумфальные ворота, состоялся парад войск и маневры, по вече-

рам шли балы и запускали фейерверк, была заложена церковь во имя Иосифа, на строительство которой австрийский император и русская императрица выделили изрядные суммы. Словом, встреча прошла успешно, отношения между Австрией и Россией налаживались. И вот теперь из-за какого-то щелкопера-борзописца все могло сорваться.

Чем же такой опасной оказалась поэма Каста?

Продолжая свой рассказ, Каста напомнил содержание поэмы. Попутно пояснив Месмеру, что, для того чтобы понять ее подлинный смысл и то, о чем в ней идет речь, необходимо расшифровать имена героев и места действия. Узнать об этом можно из прилагаемого словарика, своего рода ключа к тексту. И тогда станет понятно, что поэма его довольно прозрачная аллегория. Судите сами.

...Томмазо Скардассаль, герой поэмы, претерпев целый ряд приключений и лишений — турецкий плен, любовь черкешенки Зельмиры, побег, — попадает наконец в Каракору и оказывается при дворе властной и хитрой Турракины. Кого скрыл под этим именем автор? Современники знали это очень хорошо. Недаром поэт строгих нравов Парни, осуждая Каста за его дерзкую поэму, возмущался тем, как он мог выступить «против владычицы огромной страны». Если заглянуть в упомянутый словарик, то мы узнаем, что Каракора — Петербург, а Турракина — венценосная Екатерина II.

Приключениям Томмазо в России и посвящены большинство из двенадцати песен поэмы Каста. В

ней, конечно, много фантазии, выдумки. И хотя Каста заканчивает свое сочинение словами о том, что сведения, изложенные в «Татарской поэме», получены от одного синьора из Венеции, который взял с него слово сохранить в тайне его имя, на самом деле она была написана им самим на основе личных впечатлений.

В 1778 году Каста прибыл в Петербург в свите сына всевластного министра Кауница. Екатерина II приняла заезжего поэта ласково. Однако это не помешало ему написать на нее, говоря словами современного венгерского литературоведа Ене Колтаи-Кастнера, «злую сатиру в форме романтического повествования с ключом и направленную против абсолютизма русской царицы». Если воспользоваться ключом к иносказаниям Каста и прочесть его поэму, так сказать, без маски, обнажится ее истинный смысл. Это тем более интересно, что и о поэме, и о ее авторе в России почти ничего не известно.

Какие же приключения происходят с Томмазо при дворе Турракины. и что он здесь увидел. Прежде всего — распутство, своеволие правительницы и поработенный народ.

Народ-раб сгибает спину
Под гнетущим тяжелым игом.
Человека здесь ценят меньше коня или вола.
Его покупают, продают и меняют...

Все больше погружаясь в жизнь русской столицы, Томмазо узнает, как был построен Петербург, знакомится с его достопримечательностями. Фор-

туна улыбается чужеземцу. Сам Тото (князь Потемкин) сообщает ему о том, что он зачислен в фавориты императрицы. Его одаривают поместьями, награждают орденами, ему присваивают генеральский чин.

Война с иноземцами требует денег — Турракина вводит новые налоги, поскольку доверенные ею Тото суммы тот прикарманил, ибо «не делал никакой разницы между государственной казной и своей». Недовольство народа скоро выливается в бунт. Во главе восставших встает Туркан (Пугачев). Паника охватывает столицу. И если бы, пишет Касти, Туркан прямо пошел на столицу, «то оказались бы в опасности Турракина, империя и трон и, может быть, последовала бы большая революция, так как угнетенные и поработанные видели в Туркане своего освободителя».

После усмирения непокорных царица вновь предалась пирам и забавам, расходуя на увеселения «деньги, предназначенные для необходимого». Каракору наводнили иноземные ученые и поэты, но еще больше здесь подвизается всяких проходимцев.

Прожекторы в этой столице,
Артисты и авантюристы появляются часто...

Но вот в столице узнают, что императрица намерена совершить паломничество. Она действительно покидает Каракору, но только совсем с иной целью: чтобы тайно родить ребенка. Когда же

Турракина возвращается, Сенат награждает ее титулом «чистойшая».

Скоро, однако, безмятежному житью Томмазо наступает конец. Он попадает в опалу, его ссылают в Сибирь. На помощь ему приходит Зальмира, ставшая к тому времени влиятельной дамой при дворе турецкого султана. Она вызволяет его из ссылки. Томмазо возвращается и умирает в объятиях черкешенки.

В отличие от других, пишет Людовик Корио в предисловии к поэме 1932 года итальянского издания, Касти не был ослеплен лучами Большой Медведицы, то есть Екатерины. «Близко увидевший эту Северную Семирамиду, он не столько восхищался ее прославленными талантами, сколько питал отвращение к жестокости и изощренному деспотизму, а также к разнузданным нравам, скрытым под покрывами внешней цивилизованности».

Начал писать свою поэму Касти еще в Петербурге. В ней множество исторических персонажей, выведенных под вымышленными именами: Казлукко — Григорий Орлов, августейший Оранцаб — Иосиф II, Ренодино — прусский король, Антоне — Густав III, король шведский. Первые семь песен были закончены Касти сразу же по возвращении в Вену. Но дописать здесь поэму ему не пришлось. Иосиф II, прочитав ее, понял, что это бомба под наложенные было отношения с Россией. Когда же из Петербурга поступили известия о том,

какой гнев вызвало это сочинение при русском дворе, император решил расстаться с этим смутьяном Касти. Он дал ему триста золотых и выгнал на все четыре стороны. Так Касти оказался в Париже, где и встретился со своим старым знакомым Месмером.

Несколько лет спустя они вновь увидятся в Вене, где Месмер ненадолго окажется в 1793 году. Касти вернется сюда уже после смерти Иосифа II. К тому времени умрет и старый его соперник Пьетро Метастазियो. Другой претендент на звание придворного поэта Лоренцо да Понте, которого поддерживал придворный музыкант Антонио Сальери, был уже не страшен ему. Только теперь осуществилась мечта Касти. Его назначили придворным поэтом с жалованьем две тысячи флоринов в год. В Вене он написал комические произведения «Теодоро из Венеции», «Грот Трифонии», «Кубилай, великий хан татарский» и другие. Сочинения его высоко ценили современники — в частности Гёте, их любил читать Стендаль, с похвалой о них отзывались венгерские писатели Шандор Кишфалуди и Ференц Казинци.

Конец жизни Касти провел в Париже. Здесь он опубликовал «Галантные новеллы» — «смесь остроумия и нелепостей», а незадолго до смерти, в 1802 году, поэму «Говорящие животные», о которой так же, как и о «Татарской поэме», Ене Колтаи-Кастнер отзывается как о произведениях, содержащих радикальные идеи. Недаром обе книж-

ки, хотя и были строжайше запрещены, пользовались большой популярностью.

Как только стало известно, что Касти — вольнодумец и безбожник — умер, в Италии появилась анонимная брошюра «Суд над аббатом Джанбаттиста Касти в потустороннем мире. Поэтический каприз в трех диалогах».

«Поэтические произведения этого известного автора, — говорилось в ней, — хотя и прославили его имя до такой степени, что он может конкурировать с любым итальянским классиком, все же они подлежат осуждению каждого честного и образованного человека, так как в большинстве своих произведений автор не придерживался правил хорошей морали, а выставлял слишком явно греховное, показывая его в самой неприличной и опасной обнаженности, а также высмеивая и глумясь над церемониями и догмами святой и великой религии».

Знал ли Месмер о дальнейшей судьбе своего знакомого, веселого и дерзкого поэта Касти, читал ли его новые произведения — об этом ничего не известно.

Тайна Бомарше

Жизнь в Париже то и дело сводила Месмера с разными знаменитостями. Он становился свидетелем или участником многих исторических событий. Впрочем, тогда современники, как водится, отнюдь не считали их тако-

выми. Шла обычная жизнь с ее повседневными заботами и тревожениями. И мало кто догадывался, что Франция сначала скрытно, а потом и вовсе не таясь, встала на сторону восставших против английского господства американских повстанцев.

Уже знакомый нам Лафайет стал героем освободительной борьбы американцев. И когда в 1776 году Конгресс провозгласил самостоятельность американских колоний Англии и началась Война за независимость, большинство французов сочувствовало борьбе американцев. В числе их оказался и Месмер. То ли потому, что и его преследовали и травили и он хорошо знал, каково быть в шкуре гонимого, то ли, возможно, из-за того, что не желал подчиняться всем этим хозяевам жизни. И когда в Париже объявился посол молодой Америки Бенджамин Франклин, Месмер стал одним из первых завсегдатаев на приемах в посольстве.

Человек незаурядный, Франклин был одним из творцов Конституции США, учредил первую в Америке публичную библиотеку, издавал знаменитый «Альманах Бедного Ричарда». Он пользовался славой мудреца, дипломата и писателя, умного политика. Был первым американцем, получившим признание за границей, в частности в Париже.

Месмера заинтересовали изобретения Франклина, прежде всего его исследования природы электричества. Широко было известно, как во время грозы он с сыном пускал воздушного змея и в него ударила молния (которая, к счастью, оказа-

лась не очень сильной). Случай этот показал, что молния несет электрический заряд. Франклин, человек деловой, тут же нашел практическое применение своему наблюдению: изобрел и разработал громоотвод.

Следует заметить, что электричеством Франклин интересовался всю жизнь и называл его особой «унитарной жидкостью». Он ввел принятые до сих пор обозначения «+» и «—» для двух противоположных (положительных и отрицательных) состояний заряженных тел. Кроме того, сделал открытия в области гидрографии (составил первую карту Гольфстрима), палеонтологии, метеорологии, астрономии и медицины.

Интересовался он и магнетизмом. Здесь у него с Месмером было о чем поговорить. Вот почему Месмер всегда охотно встречался с этим выдающимся человеком, избранным почетным членом Французской академии.

Месмеру импонировало то, что Франклин, пришедший бездомным бродягой в Филадельфию без цента в кармане и без друзей, благодаря лишь своему мужеству, наперекор судьбе вырвался на самый верх, достиг поразительного успеха, с баснословной скоростью составил себе состояние. Нельзя сказать, чтобы Месмер завидовал американцу, но поучиться у него было чему. Прежде всего настойчивости и умению, не обращая внимания на происки врагов, идти своей дорогой.

Однажды в американском посольстве Месмер

повстречался со своим старым знакомцем по Вене Бомарше. Слава его стала еще громче. Он был широко известен не только как драматург, автор чрезвычайно популярной трилогии «Севильский цирюльник», «Женитьба Фигаро» и «Преступная мать», но и как крупный делец и финансист.

Только теперь Месмер узнал, что в фаворе Бомарше оказался благодаря его величеству Случаю. Он был потомственным часовщиком и однажды сумел заинтересовать Людовика XV рассказом об устройстве часов. Благодаря этому был оставлен при дворе. Здесь ему пришлось, как и Фигаро, выполнять самые разнообразные обязанности. Будучи искусным музыкантом, он обучал принцесс игре на арфе, потом был назначен «контролером королевской кухни» и во время трапезы монарха шествовал впереди слуг с обедом.

Придворные связи способствовали успехам в его коммерческих и финансовых начинаниях. Игрок, любивший риск, Бомарше смело вкладывал деньги в рискованные и даже сомнительные предприятия, но сулившие в случае удачи большую прибыль.

Исполнял он, как мы знаем, еще одну роль — доверенного секретного агента короля. Одним словом, это был умный, ловкий малый, умеющий извлекать пользу из самых, казалось бы, невероятных ситуаций.

И вот этот делец и коммерсант, интриган и хитрец стал сторонником восставших американцев и

зачастил в посольство к Франклину. Он взялся поставлять им оружие и рассчитывал прилично заработать. Тайно его поддерживало французское правительство и даже сам король.

Знал ли Месмер об этой ипостаси своего знакомого, сказать трудно, но несомненно догадывался.

Бомарше договорился с представителем американцев и заключил соглашение о секретных поставках в Америку вооружения. Он обязался поставлять ружья, сабли, пушки, порох, сукно для мундиров, даже барабаны и кавалерийские горны. И все по низким ценам — из французского королевского арсенала. Под документом о соглашении стояла фиктивная подпись негодянта Родриго Горталеса. Это же имя получила и новая фирма. Но как товар переправить через океан? Пришлось Бомарше — главе фирмы — зафрахтовать корабли и снарядить их.

Под именем господина Дюрана в порт Гавр, где стояли корабли, прибыл сам Бомарше, чтобы наблюдать за погрузкой. Три судна с секретным грузом вышли в море. Первый рейс прошел удачно. Всего же за двенадцать месяцев через Атлантику перевезли оружия на шесть миллионов ливров.

Чтобы ускорить поставки вооружения восставшим американцам, Бомарше купил еще один шестидесятишестипушечный фрегат и дал ему название «Гордый Родриго». К этому времени между Францией и Англией вспыхнула открытая война.

Фрегат должен был охранять транспорт с оружием из двенадцати торговых судов. И «Гордый Родриго» покрыл себя бранной славой. Правда, в морском сражении с англичанами он сильно пострадал. Пушечным огнем на нем были сбиты мачты, погибла большая часть команды.

Убытки, которые понес Бомарше, исчислялись огромной суммой — около двух миллионов ливров. Ему ничего не оставалось, как утешаться тем, что вскоре англичане потерпели сокрушительное поражение от американцев в морском сражении.

Вся Франция, не говоря об Америке, только и говорила что об этой великой победе. Газеты обеих стран захлебывались от восторга, описывая подробности битвы на море.

Месмер, как за все, восхищался подвигом американских моряков. Ему удалось узнать кое-какие дополнительные сведения о сражении от Франклина во время встречи с ним в посольстве. А вскоре он увидел и главного героя коммодора Поля Джонса. Произошло это три месяца спустя после победы, когда Поль Джонс явился в Париж, где был встречен с триумфом, каким удостаивали лишь великих полководцев. Сам монарх Людовик XVI соизволил принять коммодора в королевском дворце, наградил его орденом и вручил шпагу с золотым эфесом.

В тот же день, сверкая новеньким орденом на мундире, при шпаге, Поль Джонс посетил оперу, где ему предложили войти в ложу королевы. При-

существующий в зале Месмер видел, как под гром рукоплескающего зала Поля Джонса увенчали лавровым венком, словно римского триумфатора. Тем же вечером Месмер услышал историю подвига Поля Джонса из уст самого коммодора. Началась эта история в 1775 году. Третье декабря того года считается днем рождения американского флота.

Подвиг коммодора

В этот день на мачте бывшего торгового парусника «Алфред», наспех приспособленного под военное судно, взвился флаг ставших свободными колоний. Правда, в то время еще не был учрежден звездно-полосатый флаг США и пришлось воспользоваться английским с красным крестом на белом поле, перечеркнув его двумя полосами, символизируя тем самым борьбу против тирании. Так вот, флаг этот был поднят над «Алфредом». И честь поднятия была предоставлена Полю Джонсу.

Месмер с удивлением узнал, что Поль Джонс никакой не американец, а шотландец, лишь поступивший на службу к восставшим колонистам. За это его еще больше ненавидели и проклинали на родине в Англии, называли предателем и пиратом.

Когда вскоре североамериканский Конгресс учредил новый государственный флаг США, поднять его доверили все тому же Полю Джонсу. На новом

знамени тогда можно было насчитать тридцать звезд — по количеству существовавших в тот момент штатов. Флаг был поднят на корвете «Скиталец».

Интересно, что постановление Конгресса о новом флаге и назначение Джонса на «Скиталец» были приняты в один день — 14 июня 1777 года. Мало того, оба постановления оказались напечатанными рядом на одной странице, что дало повод Джонсу в шутку называть себя и американский флаг близнецами, появившимися на свет в один день и час.

На самом деле, как рассказывал сам Поль Джонс в присутствии Месмера, будущий коммодор родился в семье садовника, служащего в шотландском поместье у графа Селькирка. Случилось это в 1747 году. А двадцать пять лет спустя, будучи морским офицером, он решил сменить зеленые луга старой Англии на полудикие леса и прерии Нового Света. Родину покинул без сожаления, скорее с радостью, ибо к тому времени по неизвестной причине воспылал ненавистью к британской короне — чувством, сопутствовавшим ему всю жизнь. В Америке он вступил в армию Вашингтона, откликнувшись на призыв служить на флоте.

Уже в первых боях доброволец Поль Джонс показал себя бесстрашным и искусным моряком. Победы Поля Джонса выглядели тем значительнее, что в других местах американские корабли

действовали не столь успешно. Напротив, они терпели поражения, теряли капитанов.

Особенно отличился Поль Джонс в сражении у мыса Фламбаро-Хед. У Поля Джонса было четыре судна. Кроме сорокапушечного «Бедного Ричарда» в эскадру входили еще три легких фрегата.

На стороне англичан был пятидесятипушечный «Серапис» — линейное военное судно новейшей конструкции с экипажем триста с лишним человек. Как писал Поль Джонс в письме к Б. Франклину, «он никогда в жизни не видал такого славного корабля». Вскоре показался и второй корабль неприятеля — сторожевой шлюп «Графиня Скарборо» с двадцатью орудиями на борту.

Битва, которая произошла вечером этого дня, считается самым впечатляющим эпизодом войны на море в годы борьбы американцев за независимость. И эта битва стала величайшим подвигом Поля Джонса.

Итак, 23 сентября 1779 года. Место действия — восточное побережье Англии, близ мыса Фламборо-Хед, меловые скалы которого высотой более ста пятидесяти метров круто обрываются в море.

Капитан «Сераписа» Ричард Пирсон, несмотря на численное превосходство противника — два против четырех, — принял решение вступить в бой.

На «Бедном Ричарде» канониры, матросы и офицеры заняли свои места, судовые барабанщики

забили боевую тревогу. На носу и на грот-мачте появился условный сигнал — синий вымпел: принять боевой порядок. Но тут произошло нечто странное. Корабли эскадры Поля Джонса, казалось, не заметили приказа. Больше того, они оставались без движения, явно предпочитая держаться подальше и издали наблюдать предстоящий бой, обрекая тем самым «Бедного Ричарда» сражаться один на один с противником.

Коммодору Джонсу (незадолго до этого он был удостоен этого звания командующего флотом) ничего не оставалось, как атаковать в одиночку.

Когда противники оказались на расстоянии пистолетного выстрела, амбразуры орудийных портов с грохотом отворились и корабли приняли грозный вид. Но судно Джонса в целях маскировки шло под английским флагом, и капитан «Сераписа» потребовал подтверждения принадлежности корабля королевскому флоту. Вместо ответа на «Бедном Ричарде» спустили британский флаг и подняли американский. В тот же миг орудия его правого борта открыли огонь по «Серапису». Тот не заставил ждать с ответом. Последовал залп из всех двух рядов его пушек.

Первые минуты боя сложились неудачно для капитана «Бедного Ричарда». Два его орудия сразу же разорвались, при этом погибли и канониры. На борту возник пожар. К тому же после ответного огня «Сераписа» корабль Джонса дал течь. Коммодору стало ясно, что дальнейшая дуэль с фрега-

том, превосходящим его по огневой мощи, может плохо кончиться. Оставалось одно: подойти как можно ближе и взять «Серапис» на абордаж.

Продолжая вести ожесточенный огонь с дистанции тридцать метров, «Бедный Ричард» стал заходить на правый борт противника. Однако попытка взять англичанина на абордаж не удалась. После чего оба корабля начали маневрировать с целью протаранить один другого, срезать нос или ударить в корму. Задача Поля Джонса по-прежнему состояла в том, чтобы не дать возможности «Серапису» использовать свое превосходство в огневой мощи. С этой целью «Бедный Ричард» пошел наперерез «Серапису», намереваясь дать залп по британскому фрегату.

«Маневр прошел не совсем так, как мне хотелось», — признается Поль Джонс. Корабли столкнулись. «Ветер, продолжавший наполнять паруса обоих кораблей, развернул их, и они сошлись бортами — нос к корме и корма к носу по оси север — юг. Лапа якоря, висевшего на правом борту «Сераписа», скрепила эти роковые узы, зацепившись за правый фальшборт «Бедного Ричарда», надводные борта кораблей оказались так тесно прижатыми, что дула пушек уперлись друг в друга».

Непредвиденная ситуация, когда оба судна попали в клинч, оказалась как нельзя лучше на руку Полю Джонсу. По его приказу матросы начали бросать на борт противника кошки и крючья, гото-

вась к абордажу. Только ближний бой мог принести победу. Понимал это и капитан «Сераписа» и предпринимал всяческие попытки оторваться. Однако в результате корабли сцепились еще крепче.

'В какой-то момент показалось, что «Бедный Ричард» не выдержал и готов спустить флаг. Капитан Пирсон поспешил убедиться в этом. Сквозь грохот боя он прокричал: «Вы сдаетесь?» На что последовал знаменитый ответ Поля Джонса: «Я еще и не начинал драться!»

Перебравшись по реям на верхушки вражеских мачт, матросы Поля Джонса открыли огонь из мушкетов и пистолетов по палубе «Сераписа», забрасывали судно горючим материалом, а один находчивый матрос, связав несколько ручных гранат, умудрился зашвырнуть их через люк на батарейную палубу. От взрыва гранат и находившихся рядом с орудиями зарядов погибло двадцать человек и многие были обожжены. Этот взрыв вновь сравнял шансы, когда победа уже начинала клониться на сторону «Сераписа».

Что же делали в это время остальные корабли эскадры? Почему не шли на помощь? Они предпочли держаться в стороне, не решаясь приблизиться.

Между тем положение судна Поля Джонса становилось все более критическим. На его израненном теле было столько пробоин, причем многие приходились ниже ватерлинии, что он начал медленно погружаться. Сам капитан попеременно то

занимал место убитого у пушки канонира, то боролся вместе со всеми с пожаром, стрелял из мушкета, а главное, подавал пример своей нестигаемой волей к победе.

К исходу третьего часа сражения положение «Бедного Ричарда» действительно казалось безнадежным всем, кроме его капитана.

На судне полыхал пожар, в трюме стояла на полметра вода, противник не прекращал яростного огня. Любой на месте капитана спустил бы флаг, но не таков был Поль Джонс, не в его правилах было отступить. В этот момент с борта «Сераписа» вновь донеслись слова: «Вы сдаетесь?» На что Поль Джонс прокричал изо всех сил: «Не сдаюсь, а даю сдачи!»

И он выиграл эту битву. В половине одиннадцатого Поль Джонс дал двойной залп по готтмачте «Сераписа», и она рухнула, вызвав полное замешательство в рядах противника. Капитан Пирсон не выдержал и решил спустить флаг. После чего с галантностью истинного джентльмена передал свою шпагу победителю.

Победа Поля Джонса произвела в Париже настоящую сенсацию. А на его второй родине в честь Поля Джонса выбили золотую медаль. Такой же награды, кроме него, удостоены были всего шестеро генералов, в том числе и Вашингтон. Конгресс постановил также выразить от имени народа Полю Джонсу благодарность за то, что он поддержал честь американского флага.

История Поля Джонса чем-то напомнила Месмеру его собственную судьбу. Разве ему не приходится сражаться с целой армией так называемых ученых, с завистниками врачами и прочими недругами? Разве ему не пришлось не по своей воле покинуть Вену и искать убежища в Париже? Здесь также одни пытаются его уничтожить, не признают как великого исцелителя, пророка будущего научного прогресса, а другие превозносят выше небес как новатора и открывателя новых путей в медицине.

Что касается дальнейшей судьбы Поля Джонса, то о ней Месмер узнает через несколько лет, когда знаменитый мореход летом 1792 года умрет от водянки в том же Париже. Но до этого он будет служить на русском флоте и прославится и здесь как искусный моряк. К сожалению, он окажется никудышным политиком и дипломатом.

Поначалу его встретили в русской столице с почетом, он был принят и обласкан самой императрицей Екатериной II. После столь явной милости к иностранцу весь светский Петербург, как сообщал Поль Джонс маркизу Лафайету, добивался его внимания, «подъезд осаждали кареты, а стол был завален приглашениями». Но интриги завистников вынудили его в конце концов покинуть Россию.

Восемнадцатого июля 1792 года в толпе, провожавшей в последний путь знаменитого моряка, шел и Месмер, воздавая должное, как отметило Национальное собрание, «человеку, хорошо послужившему делу свободы».

Масоны в Париже

В Париже Месмер возобновил знакомство с графом Сен-Жерменом, которого знал еще по Вене. Тогда граф, почитавшийся магом и волшебником, приехал сюда тайно под именем «американца из Фельдерхофа». (Говорили, что он уроженец Трансильвании, то есть части тогдашней Австро-Венгрии.) Месмер, создавший, можно сказать, целое направление в оккультизме, заинтересовал чародея Сен-Жермена. Он вникал в сущность «животного магнетизма», влияния планет на человеческое тело и видел возможность использовать это учение для своих пророчеств и предсказаний.

В Вене они часто встречались. Вместе посещали обсерваторию розенкрейцеров — место это издавна славилось как район привидений, сошлись со многими мистиками и алхимиками, с разного рода чудотворцами, которых в Вене всегда хватало. И еще надо сказать, что оба они, и Месмер и Сен-Жермен, принадлежали к братству «вольных каменщиков», то есть были масонами. Месмер входил в одну из их лож в Вене.

Возник союз масонов из строительных товариществ в Средние века. Возведение церковных зданий длилось многие годы, а то и века, в течение которых рабочие и художники, поселившиеся близ построек, вступали в тесное общение. Соби-

рались они обычно в бараках, где хранились инструменты.

Со временем эти сообщества составили организацию со своими правилами касательно отношений между членами, приема новых братьев, разрешений споров. Был выработан своеобразный церемониал на разные случаи жизни. Ячейки масонского общества назывались ложами; допущенный в члены ложи давал клятву, что не разгласит тайн общества. Особо оберегались от посторонних архитектурные секреты, числовая мистика, орнаментальная символика. Запрещалось записывать их на бумаге. Так родился символический язык.

Немецкие каменотесы занесли основы своей организации в Англию, где их стали называть «фри масон» (потом «франкмасоны»). От немецких братьев была воспринята символика — циркуль, наугольник, остроконечный молоток, сохранено своеобразное одяние каменотесов: передники, перчатки, шляпы. Масоны отрицали церковную догматику и культ, но чтити Бога как «великого архитектора вселенной».

Во времена Месмера масонство как религиозно-этическое учение окончательно оформилось и распространилось по Европе. Этическое учение привлекало своей целью: «объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи». Не чужды были лозунги масонства, направленные против социальной несправедливости и религиозной нетерпимости, с конечной целью —

объединения человечества в религиозном братском союзе.

Пышной мистической, а порой просто жуткой церемонией обставлялся прием в ложу. При этом широко использовались такие символические атрибуты, как мечи и шпаги, пустые гробы, свечи, черепа и скелеты, на которых висела надпись: «Ты сам таков будешь»... Объясняя весь этот мистический антураж, сами масоны говорили, что «желающий света должен прежде узреть тьму, окружающую его, и, отличив ее от истинного света, обратиться к нему все свое внимание».

Нравственное совершенствование, просвещение разума и очищение его, поддержка и взаимовыручка — вот путь к исправлению рода человеческого. Масонство было весьма популярно среди просвещенных кругов. Масонами были Бетховен, Метастазио, Гете, Бомарше, Дидро, Руссо и Вольтер. Масонами были и Людовик XVI, и Фридрих II.

Месмер состоял в одной масонской ложе с Моцартом. Принадлежал к «вольным каменщикам» и Сен-Жермен. Надо сказать, что граф вполне вписался в облик «старой Вены» с ее оккультными тайнами и секретами масонов. Это их сблизило еще больше, граф даже записывал все новейшие теории доктора Месмера.

Теперь в Париже Сен-Жермен, желая отплатить за гостеприимство, оказанное ему в Вене, водил Месмера по знакомым ему домам знати, свел со многими знаменитостями, в том числе со своим

«коллегой» магом и чудотворцем графом Калиостро (настоящее его имя было Джузеппе Бальзамо). Ходили слухи, что Калиостро был одно время камердинером Сен-Жермена, у которого и выучился тайным наукам и был посвящен в масоны. В Париже их видели вместе на спиритических сеансах во дворце кардинала Луи де Рогана.

Как и многие авантюристы до него, Калиостро пытался использовать принадлежность к братству «вольных каменщиков» для мошеннических проделок. Стремление масонов к тайне, к секретности способствовало этому. Благодаря алхимическим трюкам посредством мистических процедур Калиостро внушал, что масоны способны управлять духами и вызывать тени умерших. На спиритических сеансах у Рогана он, на удивление присутствующих, вызывал духов умерших и разговаривал с ними. То есть, как мы говорим сегодня, подвергал реципиентов массовому гипнозу.

Об этом писали даже французские газеты. В них сообщалось, что в доме на улице Сен-Клод состоялся фантастический ужин на тринадцать персон, среди которых был кардинал Роган. В тот вечер гости «встретились» и «разговаривали» с умершими знаменитостями, в частности с Вольтером, Монтескье и Дидро. Больше того, Калиостро основал выдуманную им самим ложу «египетского ритуала» и на «магических сеансах» показывал при помощи обыкновенных фокусов чудеса своего «сверхъестественного могущества».

Неудивительно, что доверчивый кардинал Роган подпал под влияние этого мага и волшебника. В честь «учредителя и гроссмейстера египетского масонства» кардинал устраивал празднества и пиры, щедро одаривал его.

Но вдруг разразился грандиозный скандал, связанный с похищением ожерелья королевы. В нем помимо кардинала Рогана оказались замешанными многие. Вот почему Месмер с особым вниманием следил, как разворачиваются события этого беспримерного дела. Тем более что вместе с главной виновницей, похитившей ожерелье, Жанной де Ламотт на скамье подсудимых оказался и его знакомый Калиостро.

Судебные процессы того времени публика рассматривала как забавное развлечение. Следить за ходом дознания помогал обычай публиковать выступления обвинителей и защитительные речи или, как их еще называли, «Объяснительные записки» адвокатов. Таким образом поединок прокурора и защиты становился всеобщим достоянием. Материалы эти, печатавшиеся во время процесса, широко распространялись среди тех, кто не имел возможности присутствовать в зале суда, но жаждал узнать подробности скандального дела. Из этих публикаций Месмер и узнал, как ловкая авантюристка Жанна де Ламотт задумала и осуществила поразительную по замыслу и дерзкую по воплощению кражу.

Скандал с ожерельем

Жанна, входя в дом Рогана, случайно узнала о сокровенном желании кардинала стать первым министром страны. Помешать этому могла известная всем, но необъяснимая неприязнь к нему Марии-Антуанетты. И сколько ни пытался кардинал завоевать симпатии королевы, все было напрасно. Он признался Жанне, что счел бы высшим счастьем быть королеве преданным слугой, благоговейно поклоняться ей.

Мошенница быстро сообразила, какую пользу можно извлечь из этого. Отныне всякий раз при встрече с Роганом, уверенным, что Жанна, по ее словам, близка к Марии-Антуанетте, она как бы между прочим дает понять, как доверяет ей королева, сколь откровенна с ней. Так исподволь она подводит Рогана к мысли, что может замолвить за него словечко перед Марией-Антуанеттой.

И вскоре легковерный кардинал слышит то, во что ему так хочется верить. Он узнает, что разговор о нем состоялся и королева сменила гнев на милость. На радостях доверчивый простак одаривает посредницу кругленькой суммой.

Вкусив от щедрот кардинала, Жанна принимается усердно разрабатывать эту золотую жилу. У нее созревает план. Для пущей убедительности надо продемонстрировать доказательство королевской милости, например письма.

В игру включается так называемый секретарь

графини де Ламотт, некий Рето де Вильет. Мастер на подделки, Рето изготавливает письма королевы к ее подруге Жанне. Но этого мало, вошедшая во вкус мошенница предлагает кардиналу самому написать королеве, а она, мол, берется передать послание. Словно загипнотизированный, Роган соглашается, сочиняет текст и вручает его своей наперснице. Через несколько дней в руках у него собственноручный ответ королевы, а у Жанны солидный куш, полученный «за услуги».

В своем ответе королева пока отказывает в аудиенции нетерпеливому кардиналу и, естественно, просит держать их переписку в тайне. Как только позволят обстоятельства, его известят. Галантный священнослужитель садится за стол и пишет ответ, а услужливая Жанна вновь исполняет роль посредницы. Так возникает переписка — хитроумная игра, которая позволяет ловкой пройдохе извлекать из кармана кардинала лудоры.

Аппетит приходит во время еды. Эту банальную истину Жанна де Ламотт подтверждает следующим своим шагом. Ей становится известно, что Мария-Антуанетта мечтает купить бриллиантовое ожерелье — красивую вещь, столь же великолепную, сколь и дорогую — стоимостью миллион шестьсот тысяч ливров. Цифра огромная!

Изготовлено это чудо-ожерелье было более десяти лет назад и составлено из 629 великолепных бриллиантов. Ювелиры Бемер и Бассанж вложили

в это ожерелье все свои деньги, даже влезли в долги, закупив камни в кредит.

Итак, Жанна де Ламотт узнает, что существует бриллиантовое ожерелье, которое ювелиры не могут никак сбыть. В ее голове рождается замысел дерзкой аферы. Почему бы не заставить этого глупца кардинала тайно приобрести драгоценность для королевы? Не откладывая замысел в долгий ящик, Жанна начинает действовать. Она доверительно сообщает кардиналу, что королева желает втайне от супруга приобрести ожерелье, но ей нужен посредник. Как она и рассчитывает, тот с готовностью соглашается.

Утром следующего дня ювелир доставляет ожерелье кардиналу, а вечером тот передает его Жанне в собственные руки, чтобы она вручила желанную драгоценность королеве.

Что предприняла главная виновница всей этой аферы? Она вырабатывает план, каким образом сбыть товар. Наиболее крупным бриллиантам предстоит путешествие в Лондон, где их продадут ювелирам на Нью-Бонд-стрит и Пикадилли. Пытается она сбыть бриллианты и в Париже. Через доверенных лиц ей удастся продать бриллиантов на огромные суммы.

Тем временем неотвратимо приближается срок, когда ювелиры потребуют свои деньги. Жанна предпочитает нанести удар первой. С наглостью она заявляет ювелирам, что их надули. Тем не менее деньги им выплатит лично кардинал.

Таким образом, Жанна рассчитывает отвести удар от себя и надеется, что ошеломленные ювелиры бросятся к Рогану. Узнав правду, тот из страха стать всеобщим посмешищем будет молчать и предпочтет выложить миллион шестьсот тысяч. Но вопреки этим вполне логичным рассуждениям ювелиры кидаются в другую сторону — к королеве. Она для них более платежеспособный должник, и, кроме того, как они думают, ожерелье — драгоценный залог — находится у нее.

В ответ на их причитания о каком-то ожерелье, о каких-то деньгах, которые она якобы должна, Мария-Антуанетта отказывается понимать двух этих ювелиров.

История, которую рассказывают они, кажется ей если не фантастической, то по крайней мере странной. Никакой графини де Ламотт, а тем более подруги с таким именем она не знает. Что касается кардинала Рогана, то поручений ему не давала.

На другой день по велению короля кардинал был арестован у себя во дворце. Началось дознание. Мадам де Ламотт заключили в Бастилию. За решеткой оказался и граф Калиостро. Он жил в доме кардинала, имел на него огромное влияние и пользовался безграничным доверием, ловко извлекающая из карманов хозяина звонкую монету. В этом смысле он был достойным соперником авантюристки в юбке.

Уверовав в сверхъестественные возможности графа-чародея, кардинал уповал на его волшебное

искусство и надеялся, что тот с помощью магии и заклинаний поможет ему вернуть расположение королевы. Разумеется, тот не возражает. Он убеждает Рогана, что королева переменяла к нему отношение на более благосклонное.

Видимо, «маг и волшебник» не разгадал подлинных намерений Жанны де Ламотт. Более того, ведя свою игру и убеждая кардинала в симпатии к нему королевы, он невольно содействовал планам авантюристки. Она оказалась ловчее. И во время следствия обвинила Калиостро в том, что он является главным организатором похищения ожерелья. Именно он осуществил аферу чужими руками, присвоив себе самые крупные бриллианты. Другие, более мелкие, переправил в Лондон. Что касается ее, Жанны, то она стала всего лишь исполнительницей воли кардинала, вовлеченного в обман «подлым алхимиком».

Еще во время следствия, а потом на суде словно приоткрылся ящик Пандоры, из которого разлетались сенсации одна чище другой. На улицах распевали:

Наш красавчик кардинал за решетку вдруг попал.

Ну, смекни-ка, почему угодил дружок в тюрьму?

Потому что правит нами не закон — мешок с деньгами.

Ситуация, что и говорить, складывалась незавидная. Защищаясь, Жанна ловко пользовалась тем, что не было вещественных доказательств, улик. Бриллианты уплыли в Лондон. Это было на руку Жанне, она продолжала цинично опровергать

изобличающие факты, измышляя свою версию преступления.

На вопрос, откуда у нее оказалось сразу так много денег, отвечала, что это должно быть лучше известно кардиналу, ведь она была его любовницей и он ее содержал. Одному свидетелю, показавшему против нее, заявила, что с его стороны нахальство выдвигать против нее обвинения, после того как он хотел ее изнасиловать. Другого, священнослужителя, обвинила в том, что он распутный монах, поставлявший молодых девушек ее мужу, к тому же крававший вещи из ее ящичков. В Калиостро она швырнула бронзовый подсвечник после того, как он назвал ее «дьявольской проституткой», и, громко хохоча, напомнила ему, как он любезничал со «своим голубком» и приставал к ней с прочими воркованиями. Но ничто ей не помогло.

Следует сказать, что процесс являл собою красочное зрелище. Месмер лично в этом убедился. Ему удалось благодаря связям в высших кругах проникнуть в зал заседаний суда и стать свидетелем того, что там происходило. На скамье подсудимых сидел кардинал в длинной шелковой рясе фиолетового цвета — знак траура; на седеющих волосах красная кардинальская шапочка; красные чулки, туфли на красных каблуках, короткая накидка такого же, как и ряса, фиолетового цвета, только из драпа на красной подкладке; голубой муаровый пояс и крест на золотой цепи.

Перед Роганом за пюпитрами целый отряд его

защитников — его «совет» из шести человек, цвет парижской адвокатуры во главе с мэтром Тарже, членом Французской академии, вторым адвокатом, кто был удостоен этой чести после Патру, избранного за полтора века до этого. Его колоритная, массивная фигура привлекала всеобщее внимание, но еще больше — необычайное красноречие, которое он блестяще продемонстрировал в своей «Объяснительной записке» для кардинала. Несмотря на то что сочинение это распространялось бесплатно, ловкие спекулянты продавали его по довольно дорогой цене.

Мадам де Ламотт защищал пожилой юрист Дуало, которому его подзащитная ухитрилась вскружить голову. Этот всеми уважаемый седой человек, словно околдованный демоницей, положил свою репутацию на крылья любви.

Его «Объяснительные записки» имели бешеный успех. Газеты писали, что дверь его дома на улице Масон постоянно осаждает толпа, так как несколько тысяч экземпляров его сочинения не хватило, чтобы удовлетворить спрос. Дошло даже до беспорядков, и около дома пришлось выставить охрану из солдат.

Не меньший успех выпал и на долю Калиостро. Его записка, написанная им самим по-итальянски, которой молодой адвокат Тилорье придавал живую и пикантную форму, потешила весь город. «О, как бы это сочинение было прекрасно, если бы только в нем все соответствовало истине», — писала га-

зета «Корреспонданс литтерэр». В этой записке Калиостро рассказывает самые невероятные истории о своем рождении, о той волшебной науке, которую он постиг, о чудодейственных исцелениях, которые творит, не преминув вспомнить и целителя Месмера, как бы в подтверждение, что не он один творит чудеса. Распространялся о странствиях, якобы совершенных по Европе и Африке. Защищаясь, он напоминал, что мадам де Ламотт называла его эмпириком, низким алхимиком, мечтателем, колдующим над философским камнем, лжепророком, и отвечает ей:

«Эмпирик! Мне часто приходилось слышать это словечко, но, по правде говоря, так никогда и не смог выяснить, что же оно означает. Может, это человек, который, не будучи врачом, обладает познаниями в медицине, посещает больных и не берет плату за свои визиты, лечит бедных без вознаграждения, — в таком случае я действительно эмпирик. Низкий алхимик! Алхимик или нет, но определение «низкий» здесь не подходит, так как относится только к тем, кто выпрашивает милости у меценатов и низкопоклонничает, а всем хорошо известно, что граф Калиостро никогда не искал ничьего расположения.

Мечтатель, колдующий над философским камнем! Никогда публике не причиняли никакого беспокойства, а тем более ущерба, мои мечтания.

Ложный пророк! Я им никогда не был. Если бы

кардинал мне верил, то он бы поостерегся мадам де Ламотт и мы бы не находились сегодня здесь».

В конце он воскликнул: «Выслушайте и любите того, кто пришел, чтобы творить добро, кто терпеливо позволяет нападать на себя и смиренно защищается».

Но еще больший ажиотаж, чем записки адвокатов, вызывали многочисленные памфлеты, которые выплеснуло наружу это на шумевшее дело: «Письмо аббата графине», «Письмо по случаю ареста кардинала», «Неподдельные мемуары Калиостро», «Последний кусок ожерелья» (из серии «Ожерелье») и множество других.

За день до суда парламент собрался, чтобы в последний раз заслушать обвиняемых. Месмер находился в зале. Начали со второстепенных свидетелей. Затем наступила очередь Жанны. На ней была черная шляпа, украшенная золотисто-желтыми блестками и лентами, завязанными в узелок; платье из голубовато-серого атласа, отороченное черным бархатом; такой же пояс с раскрашенным под жемчуг рисунком; на плечах короткая накидка из расшитого кружевами муслина.

Она бросила высокомерный взгляд на судей и слегка усмехнулась. С отменной грацией опустилась на позорную скамью и спокойно начала расправлять складки своего наряда. Могло показаться, что она не на скамье подсудимых, а самым удобным образом расположилась на мягкой софе в каком-нибудь салоне. Говорила она ясным, немного

сухим голосом, четко, казалось, рубит фразы, демонстрируя полную уверенность в себе и неустранимость.

Затем давал показания кардинал. Последним допрашивался Калиостро. С его приходом сцена меняется. У него гордый вид триумфатора, облаченного в замысловатый наряд из зеленой тафты, расшитый золотом.

— Кто вы такой и откуда прибыли? — следует первый вопрос.

Слегка улыбаясь, он отвечает громким голосом:

— Благородный путешественник. — В ответ раздался взрыв хохота. Это его не смущает. Он продолжает рассказывать невероятную историю своей жизни, разукрашивая ее самыми немислимыми фантазиями. Изъясняется он на каком-то жаргоне, в котором смешались латинский, итальянский, греческий, арабский и еще бог весть какие языки. Его жесты, как, впрочем, и все поведение, под стать самому настоящему шарлатану. Все в зале в душе были довольны доставленным удовольствием, отметили его юмор, присутствие духа, остроумие и находчивость.

И вот наступает день вынесения приговора.

С утра перед Дворцом правосудия собралась огромная толпа, и конной полиции с трудом удавалось поддерживать порядок. С нетерпением все ждали решения шестидесяти четырех судей. Они заседали шестнадцать часов, и все это время взоры тысяч людей были обращены на двери Дворца,

ожидая оглашения вердикта. Наконец суд выносит решение. Толпа встречает это известие ликованием. Над площадью звучат возгласы в честь парламента.

Какое же решение вынес суд?

Перед правосудием была нелегкая задача. В особенности это касалось кардинала Рогана. Одни настаивали на обвинении прелата. Другие считали его жертвой обмана. Наконец после бурных дебатов в притихшем зале прозвучало: «Невиновен».

Полностью и безоговорочно был оправдан и Каллиостро. В отношении Жанны де Ламотт судьбы также оказались единодушны: сечь плетью, заклеить буквой «V» (*voleuse* — воровка) и пожизненно содержать в тюрьме Сальпетриер.

Всю ночь после оглашения приговора у Дворца правосудия продолжала бушевать толпа. Торговки с рынка «Чрево Парижа» собрались на площади с букетами роз и жасмина в руках, чтобы приветствовать судей, когда они будут покидать Дворец.

Кто-то вознамерился даже организовать иллюминацию. «Неизвестно, куда бы укрылся парламент, если бы он принял противоположное решение», — подумал Месмер.

Когда стали приводить приговор над Жанной и четверо дюжих палачей начали готовить ее к экзекуции, она изрыгала потоки грязной брани, пыталась укусить их, отбивалась.

Силой ее заставили встать на колени. Она кричала, обращаясь к толпе, собравшейся поглазеть на

казнь. С уст ее срывались проклятия, она требовала отрубить ей голову, но не подвергать позору и отказалась раздеться. Сопротивляясь, она изорвала в клочья платье.

Первые удары плетью пришлись по плечам, кожа тут же вздулась красными жгутами. Вырвавшись, она начала кататься по доскам помоста, из-за чего палач наносил удары куда попало. Еще труднее пришлось палачам в момент клеймения. Чтобы выжечь на плече Жанны букву «V», ее силой уложили и прижгли раскаленным железом кожу. Тело ее содрогалось, словно в конвульсиях, и клеймо вышло не четким. Пришлось вторично выжечь его на ее груди. После этого она потеряла сознание.

От магнетизма к гипнозу

Месмер, присутствовавший на площади во время экзекуции и наблюдавший сцену клеймения, покидал лобное место с чувством горечи из-за человеческой жестокости, полный сострадания к несчастной воровке. Он вновь подумал, что лечить следует не только тело, но и душу заблудших, что одно связано с другим и обусловлено природой. Смутно он начал догадываться, что воля пациента, желание выздороветь играют не последнюю роль при лечении магнетизмом.

Дома он записал слова, содержащие намек на роль чувства в его теории о флюиде: «Животный

магнетизм» призван в первую очередь передавать чувство. Только чувство способно сделать теорию доступной пониманию. Так, один из моих больных, привыкший испытывать действие, которое я на него произвожу, обладает по сравнению с другими людьми дополнительной возможностью понимать меня».

Сегодня мы знаем, что Месмер воздействовал на больных прежде всего как психотерапевт. Месмеровский метод (в чем сам он до конца не отдавал себе отчета) состоял в том, чтобы посредством ряда телесных воздействий (пассов) вызвать «исцеляющий криз», который нес с собой облегчение для больного, а иногда и исчезновение симптома, то есть излечение. Некоторые больные при этом впадали в летаргию, сохраняя, однако, способность говорить, ходить и т. п.

Обнаружил это состояние ученик Месмера маркиз Пюисегюр, продолживший изыскания в магии предсказаний. Про него говорили, что он «открыл миру чудо ясновидения» и доказал восприимчивость человеческой психики к тому, что позже назовут гипнозом. Сосредоточив свои исследования на этом феномене, он обнаружил, что, когда пациент находится в состоянии, которое он назвал магнетическим сомнамбулизмом, можно воздействовать на симптомы словом. Правда, природу сомнамбулизма он объяснял, исходя из теории «животного магнетизма», тем, что состояние это вызывалось якобы циркуляцией флюида между врачом и

пациентом. Когда пациент подвергается воздействию магнетизма, с ним происходит ряд явлений, указывающих, что он находится в каком-то особом состоянии. В этот момент он подпадает под особенно сильное подчинение воле магнетизера.

Пюисегюр в 1784 году сообщил Месмеру о своем открытии спровоцированного сомнамбулизма и возможности входить в словесный контакт с субъектом. Однако Месмер не придал значения этому сообщению.

О существовании подобных явлений он знал, но не задерживал на них своего внимания, не желая выходить за рамки физиологии. Вот почему Месмера можно считать родоначальником физиологического течения в объяснении гипноза. Психология была для него продуктом воображения и, как таковая, представлялась трудной для изучения.

Иначе говоря, Месмер смутно предугадывал действие внушения. К этому времени он перестал пользоваться магнитом и писал, что «животный магнетизм» «существенно отличается от магнита». Все дело в магнетическом флюиде, твердил он.

Как же Месмер ошибался! Но лишь полвека спустя английский врач Брэд совершит настоящую революцию, поставив под сомнение теорию «животного магнетизма». Он отказался при погружении в летаргический сон (Брэд назвал его гипнозом) от магнетических пассов, которые считались необходимыми для передачи флюида. Брэд сначала заменил их зрительной фиксацией блестящего

предмета, а позднее добавил к этому словесное внушение. Это означало, что флюид не существует и термин «гипноз» вытеснил термин «животный магнетизм». Впрочем, произошло это далеко не сразу. Оба термина одно время сосуществовали, между ними шла борьба и каждый имел своих сторонников.

Убежденным антифлюидистом был знаменитый аббат Фариа, он широко использовал словесное внушение для усыпления пациентов. В те годы Фариа был в Париже популярнейшей личностью. И не столько из-за своего происхождения. Он родился в Гоа, португальской колонии в Индии, и по отцовской линии происходил от богатого индийского брамина Анту Синая, который в конце XVI века перешел в христианство. Полное его имя было Хосе Кустодио Фариа. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, отец отправился с ним в Лиссабон. С этого момента начались приключения Хосе. В 1780 году он закончил курс теологии в Ватикане. Был проповедником в королевской церкви в Лиссабоне. Но в 1788 году неожиданно бежал из португальской столицы и оказался в Париже. Вынудило его к бегству участие в заговоре, возникшем в Гоа и раскрытом колониальными властями.

Во Франции Фариа участвовал в революционных событиях, стал членом Медицинского общества, был профессором Марсельской академии. Здесь был арестован наполеоновской полицией и заключен в замок Иф. После падения Наполеона

оказался на свободе и вернулся в Париж. На улице Клиши в доме номер 49 открыл зал магнетизма. Надо было заплатить всего пять франков, чтобы стать свидетелем или участником поразительных по тем временам опытов аббата Фариа. Какие же чудеса совершались в доме на улице Клиши?

Еще до того, как Фариа впервые приехал в Париж, он познакомился с маркизом Пюисегюром — учеником «излечителя» Месмера, с упорством фанатика проповедующего свое учение о «животном магнетизме». От маркиза узнал, что тот, следуя наставлениям Месмера, научился улавливать некие сверхъестественные токи, от которых якобы зависят все явления, носящие название магнетических. В итоге он открыл особое состояние, названное им искусственным сомнамбулизмом. Пюисегюр и посвятил Фариа в практику магнетизма. С тех пор аббат, вспомнив о своих предках браминах, широко использовавших гипноз, стал последователем ученого маркиза.

В доме на улице Клиши отбоя не было от посетителей, в основном женского пола. Одних приводила сюда надежда на исцеление от недуга, других — возможность себя показать и мир посмотреть, третьих — просто любопытство. Странная личность аббата, высокий рост и бронзовая кожа, репутация чудодея и врачавателя немало способствовали успеху его предприятия.

Очень скоро опыты убедили его в том, что нет ничего сверхъестественного в так называемом сом-

намбулизме. Он не прибежал к «магнетическим» пассам, не использовал ни прикосновения, ни взгляды. Словно маг из восточной сказки, аббат вызывал «магнетические явления» простым словом «Спите!». Произносил он его повелительным тоном, предлагая пациенту закрыть глаза и сосредоточиться на сне.

Свой опыты он сопровождал разъяснениями. «Не в магнетизме тайна магнетического состояния, а в магнетизируемом — в его воображении, — наставлял он. — Верь и надейся, если хочешь подвергнуться внушению». Это было за четверть века до английского врача Джемса Брэда, раскрывшего тайну гипнотических состояний. Тайна эта — внушение. Никаких особых сил, будь то «животный магнетизм» или сомнамбулический сон, не существует.

Тем не менее церковники с яростью и хулой обрушились на аббата. И хотя был человеком верующим, он не колеблясь встретил эти нападки теологов, утверждавших, что магнетизм — результат действия флюидов адского происхождения.

И снова, как и в случае с Месмером, ретрограды ученые и схоласты церковники победили. Их проклятия и наветы заставили клиентов забыть дорогу в дом на улице Клиши. Маг и волшебник аббат Фариа был всеми покинут. Без пенсии, сраженный превратностями судьбы, покинутый теми, кто еще недавно ему поклонялся и славословил, он оказался в нищете.

Чтобы не умереть с голоду, пришлось принять скромный приход. Тогда-то он и написал книгу, посвятив ее памяти своего учителя Пюисегюра. Называлась она «О причине ясного сна, или Исследование природы человека, написанное аббатом Фариа, брамином, доктором теологии». Умер он в 1819 году. Имя его, как и имя Месмера, осталось в списках тех, кто проложил пути психотерапии, стал предтечей открытий в медицине XIX и XX веков, таких имен, как доктор Шарко и других, а вслед за ним и великого Зигмунда Фрейда с его учением о психоанализе.

Ревнители нравственности

Увлечение магнетическими сеансами Месмера стало повальным. Словно эпидемия охватила многих и продолжала распространяться. Кроме больных к Месмеру на его сеансы стремились попасть и просто любопытные. Провести два-три часа в доме чудо-доктора возле его магнетического волшебного чана было не только интересно — это стало модным времяпрепровождением. Для одних это было чем-то вроде посещения выступлений популярного проповедника, для других — присутствием на представлении знаменитого фокусника. Вот именно фокусника! — возрадовались противники Месмера. Более того, кричали

они на всех перекрестках, что это шарлатанство, а сам Месмер обыкновенный знахарь.

Особенно усердствовали Общество врачей и академия. И если культурные круги Парижа, включая и часть аристократов, были за «божественного немца», как они называли Месмера, то Медицинский факультет яростно нападал на него.

Похоже, повторялась история, случившаяся с ним в Вене. Каждый шаг вперед в изучении любого таинственного явления в области медицины вызывал бурную реакцию протеста. Характеризуя нравы, царившие в медицинской среде, современник писал: «Медицинский факультет в наше время все еще преисполнен ошибок и предрассудков самых диких, варварских веков. В то время как естествознание, действуя помимо медицины, достигло такого прогресса, последняя, по-видимому, прекрасно себя чувствует в сплошных потемках старых формул и боится света...»

Доктора, писал Мерсье в своей книге, защищая Месмера, не приняли торжественного вызова, сделанного им коллегой. Может быть, после этого они станут поскромнее и перестанут рассуждать о непонятных для них операциях, производимых их противником, и подождут, пока само время выскажется по этому поводу. Но каковы бы ни были итоги опытов, продолжал Мерсье, им все же придется упрекать себя за то, что они не смогли ни пойти навстречу полезному открытию, ни указать на заблуждение противника, в то время как общий

голос призывал их к этому, а их нападки, брань и раздражение против автора сделанного открытия нуждались в каком-либо обосновании.

Доктора предпочли всячески преследовать своего коллегу, который скромно говорил им: «Я был очевидцем исцелений; посмотрим, расследуем; мы ничего не знаем; не надо торопиться; припомним историю всех вообще открытий...»

Мерсье, автор объективный и честный, утверждал, что не может быть двух мнений о том, что Месмер прав, а медики ошибаются и что «животный магнетизм» действительно представляет собой нечто чудесное и из ряда вон выходящее. «Все, что мне удалось узнать по этому поводу, — писал он, — заставляет меня так думать» и заверял, что посвятил себя защите истины, насколько хватит у него сил ее распознать и бороться за нее.

Такая позиция дорого обошлась Мерсье. Когда вышли в свет первые тома его книги, полиция начала поиски автора. Он же, будучи уверен в своей невинности, сам явился к префекту полиции Ленуару, смело заявив: «Не ищите автора, это я». Затем ему все же пришлось уехать в Швейцарию, где он и прожил несколько лет.

Месмер чувствовал, что с ним может случиться то же самое и ему придется спасаться бегством. Но пока до этого не дошло, хотя нападки и клевета становились все злее и настойчивее.

Что это за флюид — невесомый, невидимый, неосязаемый, не поддающийся измерению и взве-

шиванию?! Кроме Святого Духа не может быть ничего сверхъестественного, потустороннего. Тот, кто утверждает наличие флюида, выступает против католической церкви.

Когда начали раздаваться подобные обвинения, насторожился Людовик XVI. Особого интереса к вопросам врачевания души он не проявлял, но тут пришлось вмешаться. Еще ранее, когда Лафайет перед вторым отъездом в Америку явился на аудиенцию к королю, тот съязвил: «Что-то скажет Вашингтон по поводу того, что он пошел в аптекарские ученики к господину Месмеру».

И вот теперь, когда обстановка вокруг этого Месмера с его изобретением накалилась до предела, Людовик решил покончить с распрей по поводу магнетизма. Был издан указ, по которому Обществу врачей и академии вменялось немедленно официально исследовать магнетизм «как в его полезных, так и вредных проявлениях».

Была создана авторитетная комиссия из ученых академии, светил того времени. В нее вошли крупнейшие научные авторитеты — знаменитый химик Лавуазье, изобретатель громоотвода Франклин, астроном Байли, впоследствии мэр Парижа, и Жюсье, известный ботаник. Находился в ее составе и некий доктор Гильотен, который через несколько лет прославится тем, что изобретет машину, названную по его имени гильотиной, — «национальную бритву», как ее окрестят в народе. По иронии судьбы, двое из членов комиссии, Лавуазье

и Байли, сложат свои головы под ножом изобретенной их коллегой машины.

Но это будет позже. А пока комиссия в дружеском единении исследует магнетизм. Окончательный приговор прозвучал через несколько месяцев. В отзыве комиссии говорилось о поведении пациентов при лечении магнетизмом:

«Некоторые тихи, спокойны и испытывают блаженное состояние, другие кашляют, плюют, чувствуют легкую боль, теплоту по поверхности всего тела, начинают усиленно потеть; третьих охватывают конвульсии. Конвульсии, необычные по частоте, продолжительности и силе. Едва начавшись у одного, они появляются тут же и у других. Комиссия наблюдала и такие, которые продолжались три часа, они сопровождались выделением мутной, слизистой жидкости, исторгаемой силою такого напряжения. Наблюдаются в отдельных случаях и следы крови. Эти конвульсии характеризуются быстрыми произвольными движениями всех членов, судорогами в глотке, подергиванием в области живота и желудка, блуждающим и застывшим взором, пронзительными криками, подскакиваниями, плачем и неистовыми припадками смеха; затем следуют длительные состояния утомления и вялости, разбитости и истощения. Малейший неожиданный шум заставляет вздрагивать в испуге, и замечено, что изменения силы звука и темпа исполняемых на фортепьяно мелодий действуют на больных, причем более быстрый темп возбуждает их еще больше и

усиливает неистовство нервных припадков. Нет ничего поразительнее зрелища этих конвульсий; тот, кто их не видел, не может составить о них никакого понятия. Удивительно, во всяком случае, спокойствие одной части больных и возбужденное состояние остальных; удивительны различные, неизменно повторяющиеся промежуточные явления и та симпатия, которая возникает между больными; можно наблюдать, как больные улыбаются друг другу, нежно разговаривают друг с другом — и это уморяет судорожные явления. Все подвластно тому, кто их магнетизирует. Если они даже, по-видимому, находятся в полном изнеможении, его взгляд, его голос тотчас же выводят их из этого состояния».

Таким образом, было как бы официально установлено, что Месмер влияет на своих пациентов внушением или как-либо иначе. В этом профессора усмотрели нечто необъяснимое, нечто незнакомое им. Они констатировали, что, «судя по этому стойкому воздействию, нельзя отрицать наличие некой силы, которая действует на людей и покоряет их и носителем которой является магнетизер».

Иначе говоря, сама того не желая, комиссия как бы подметила, что удивительные явления, возникающие при магнетизировании, имеют источником человека, особое личное воздействие магнетизера. То есть члены комиссии были близки к тому, чтобы подтвердить невольное открытие Месмером

непонятной «связи» между магнетизером и медиумом.

Но шаг этот они не сделали, а ограничились тем, что, согласно королевскому указу, установили, существует или нет магнетически-жизненный флюид. Ее вывод: «животный магнетизм» может существовать и вместе с тем не быть полезным, но ни в коем случае он не может быть полезным, если не существует».

Таким образом, комиссию занимал не таинственный контакт между врачом и пациентом, между магнетизером и медиумом, то есть не суть проблемы, а один-единственный вопрос, можно ли осязать, обонять или видеть таинственный флюид. Ответ однозначный — нет. «Если он и существует в нас и вокруг нас, — заявляют почтенные академики, — то лишь в абсолютно не воспринимаемой органами чувств форме». Но возможно, эта незримая субстанция все же оказывает какое-то действие.

Члены комиссии решают подвергнуть магнетизации прежде всего самих себя. Результат отрицательный. «Никто из нас ничего не почувствовал, и прежде всего ничего такого, что можно было бы назвать реакцией на магнетизм».

То же самое наблюдают они и при воздействии магнетизма на других. Из чего делают окончательный вывод: действие магнетизма — шарлатанство, одно лишь воображение. В своем отчете они записывают: «После того как члены комиссии призна-

ли, что флюид «животного магнетизма» не познается ни одним из наших чувств и не произвел никакого воздействия ни на них самих, ни на больных, которых они при помощи его испытали, после того как они установили, что касания и поглаживания лишь в редких случаях вызывали благотворное изменение в организме и имели своим постоянным следствием опасные потрясения в области воображения, после того как они, с другой стороны, доказали, что воображение без магнетизма может вызывать судороги, а магнетизм без воображения ничего не в состоянии вызвать, они единогласно постановили, что ничто не доказывает существования магнетически-жизненного флюида и что, таким образом, этот не поддающийся познанию флюид бесполезен, что разительное его действие, наблюдавшееся при публичных сеансах, должно быть частично объяснено прикосновениями, вызываемыми этим прикосновением воображением и тем автоматическим воображением, которое, против нашей воли, побуждает нас переживать явления, действующие на наши чувства».

Вместе с тем комиссия считает себя обязанной присовокупить, что «эти прикосновения, эти непрестанно повторяющиеся старания вызвать кризис могут быть вредными и что зрелище таких кризисов опасно в силу вложенного в нас природою стремления к подражанию, а потому всякое длительное лечение на глазах у других может иметь вредное последствие».

Следует отметить, что академики, как, впрочем, и сам Месмер, обошли уже близкую к разрешению проблему личного воздействия, передаваемого посредством внушения или флюидальным путем. Иначе говоря, просмотрели колоссальную проблему универсальной полезности магнетического (говоря нынешним языком, психотерапевтического) лечения.

Больше того, к официальному отзыву академики сочли нужным приложить секретный доклад специально для короля. В нем говорилось: «Магнетизируют неизменно мужчины женщин; разумеется, завязывающиеся при этом отношения — всего лишь отношения между врачом и пациенткой, но этот врач — мужчина; как бы тяжела ни была болезнь, она не лишает нас нашего пола и не освобождает нас полностью из-под власти другого пола... Женщины достаточно привлекательны, чтобы воздействовать на врача... Длительное пребывание наедине, неизбежность прикосновений, токи взаимных симпатий, робкие взгляды — все это естественные и общеизвестные пути и средства, которые испокон века способствовали передаче чувств и сердечных склонностей. Во время сеанса магнетизер обыкновенно сжимает коленями колени пациентки, — следовательно, колено и другие участки нижней половины тела входят в соприкосновение. Его руки лежат на ее подреберье, а иногда опускаются ниже в область придатков... Нет ничего удивительного, что чувства воспаляются...

Разумеется, многим пациенткам не довелось пережить описанные аспекты, а некоторые, испытав их, не поняли их природы. Говорят, что немало женщин, заподозрив истину, прекратили магическое лечение. Тех же, кто о них не догадывается, следует от этого оградить».

Далее следовал вывод секретного доклада, он гласил: «Магическое лечение, безусловно, опасно для нравов».

Забота о нравственности — это, конечно, хорошо, но похоже, что престарелые академики больше исходили из своего разгоряченного воображения, чем из существа дела. Впрочем, чего можно было ожидать от ученых, которые отвергли многие великие изобретения, в том числе громоотвод Франклина, прививки против оспы Дженнера, паровое судно Фултона...

Однако справедливости ради надо все же сказать, что среди академиков, членов комиссии, нашелся один, кто отказался поставить свою подпись под «великой хартией опалы». Им стал знаменитый ботаник Жюсье. Он не вникал в суть месмеровского учения, а всего лишь констатировал, что при лечении магнетизмом на больного действует какая-то сила. Подтвердить осязаемость и зримость этого флюида он, как и остальные, не может, но вполне допускает, что он «может переноситься от одного человека к другому и часто оказывает на этого последнего видимое воздействие». Какого рода этот флюид — психического, магнетического или элект-

рического, об этом он не решается судить. Возможно, говорит он, это сама жизненная сила, цо, во всяком случае, какая-то сила здесь, несомненно, налицо.

Заступничество это, что и говорить, прозвучало абсолютно неожиданно. Месмер получил огромную моральную поддержку. И в тот же год его ученик и последователь маркиз Пюисегюр открывает явление искусственно вызываемого того самого сомнамбулизма. Тем самым он обращается от магнетизма к психологии, к взаимодействию души и тела.

Кающийся грешник

Однажды проездом в Париже оказался старый знакомый Месмера по Вене известный поэт Лоренцо да Понте. Не один год он сотрудничал с Моцартом — писал либретто к его операм. Месмер не преминул встретиться с да Понте, пригласил к себе. За ужином они вспоминали старую Вену, музыкальные вечера на Загородной улице, когда оба были моложе и жизнь, казалось, будет такой долгой и счастливой. Впрочем, они и теперь были не такими уж старыми. И хотя да Понте был моложе Месмера на пятнадцать лет, но это никогда не мешало им быть на равных. Короче говоря, они встретились как старые друзья, и Месмер жадно расспрашивал о том, что творится

в Вене, где сейчас Моцарт, что он пишет и над чем работает сам да Понте.

— Сочиняю либретто к его будущей новой опере, — ответил да Понте. — Вольфганг получил заказ написать музыку на известный сюжет о наказанном развратнике. Это будет основанная на адаптированной итальянской пьесе «Дон Джованни Тенорио» морализаторская история о Дон Жуане. Помните одноименный балет Глюка? Эта средневековая притча широко известна. Еще в прошлом веке ее использовал Тирсо де Молина, как и многие другие потом, в том числе Мольер и Гольдони. Так вот, моя задача сочинить новое либретто, основанное на предании о Дон Жуане, великом грешнике, совратителе женщин.

— Да, я знаю легенду о Дон Жуане, — заметил Месмер. — И даже был однажды на балете Глюка.

— Вот вы говорите «легенда», то есть что-то давнее и, возможно, вымышленное. А ведь легенда о коварном соблазнителе — это, можно сказать, история на все времена. И еще лет сто назад она произошла в действительности.

— Не может быть, — удивился Месмер.

— Да-да, именно произошла. Я даже подумывал одно время положить эту подлинную историю в основу будущей нашей с Моцартом оперы. Так сказать, осовременить известный сюжет.

— Что же это за история? — полюбопытствовал Месмер.

— Извольте, слушайте. — Да Понте поудобнее уселся в кресле, прихлебнул вина из бокала и начал: — Образ смелого и ловкого соблазнителя женщин в разные времена изображали по-разному. То это был грубый сластолюбец, получивший заслуженное возмездие и низвергнутый в бездну. То — вертопрах и бездельник, цель которого соращение женщин. То — славный малый, бесстрашный искатель любовных приключений в надежде обрести свой идеал. Но ни разу никто не рассказал о соблазнителе как о раскаявшемся грешнике. В пьесе Тирсо де Молины на требование покаяться Дон Жуан отвечает гордым «нет» и предпочитает гибель, но не покаяние. А между тем чуть ли не в одно время с автором пьесы о севильском соблазнителе в том же городе жил граф Мигель де Маньяра — великий развратник. Некоторые считали, что он ради удовлетворения своей разнузданной чувственности убивал мужчин — мужей обольщенных им женщин — и заставлял рыдать всех тех, кого коснулся его сладострастный взгляд. Одним словом, любовные похождения этого демона-соблазнителя, его сердечные безумства были широко известны в тогдашней Севилье. А началось все с того, что как-то он присутствовал на представлении «Севильского соблазнителя». Автор пьесы преследовал одну цель — правоучительную. «Так обманывать женщин! — говорит слуга Дон Жуана своему господину. — Вы попла-

титесь за это в свой смертный час!» И возмездие настигает развратника.

Усвоил ли этот урок дон Мигель? Скорее всего, нет.

На следующий день после спектакля дон Мигель отправился к Жиральде, мавританской башне, бывшей когда-то мечетью, которая гордо высилась в виде обелиска. Там он произнес, как клятву: «Хочу быть Дон Жуаном!»

— И представьте, — воскликнул да Понте, — он стал им. Он стал мужчиной Тысячи и трех жертв. Вся Севилья, — продолжал он, — затаив дыхание следила за безумными любовными похождениями и шумными дуэлями на шпагах того, кого весь старый город согласился называть Дон Жуаном.

Как бы то ни было, но по вечерам женщины и юные девицы бросались к окну, едва заслышав с улицы возгласы: «Вот идет Дон Жуан!» И, может быть, каждая мечтала стать добычей этого наглого соблазнителя и ждала, когда ее осчастливит неотразимый Дон Жуан.

Однажды весной 1648 года дон Мигель зашел в бедную церквушку в квартале Ресолана, неподалеку от Гвадалквивира. Это была церковь святого Хорхе. Началась месса. Дон Мигель истово молился. Внезапно он вздрогнул, увидев рядом с собой прехорошенькую девушку. Сердце дона Мигеля учащенно забилося. В этот момент для него все перестало существовать — он видел перед

собой лишь один прекрасный силуэт и хрупкую фигурку. Месса кончилась. Девушка, сопровождаемая дуэньей, села в карету и исчезла. словно окаменевший, дон Мигель еще долго пребывал в ошолоблении. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Его охватило какое-то совсем новое, неизведанное чувство.

Узнать имя той, которая, сама того не сознавая, пленила соблазнителя, было не так уж трудно. Вскоре он уже знал, что звали ее донья Херонима, она была дочерью дона Диего Карильо де Мендосы, главы одной из самых достойных андалусских семей.

Дон Мигель представился дону Диего и стал часто бывать в его доме. Иногда ему доводилось увидеть и донью Херониму. Но никакие коварные помыслы не тревожили его ум, ему и в голову не приходило пуститься в любовную интригу. От потомков дона Мигеля известно о первой беседе, которая произошла между ним и той, которая вскоре станет его женой.

Жаркий летний день близился к вечеру. Дон Мигель пришел, как обычно, в дом к дону Диего. Но того не оказалось. К гостю вышла донья Херонима.

— Дон Мигель, мой отец, скорее всего, не очень задержится, но не желаете ли вы пока пройтись по нашему саду? В цветнике сейчас как раз расцвели розы...

Дон Мигель последовал за доньей Херонимой по садовой аллее.

— Расскажите мне о себе, донья Херонима...

— Я ничего не сделала такого, о чем стоило бы рассказать. Я забочусь о своем отце, который часто болеет, занимаюсь домом и садом. Вечерами читаю вслух отцу. Кроме того, я занимаюсь благотворительностью, собираю пожертвования, навещаю больных... В Севилье и Гренаде так много бедняков, дон Мигель. Столько бедных!..

— Ваше сердце полно сострадания, оно — сама нежность. Увы, мое — совсем иное.

Девушка поглядела на него, не опуская глаз.

— Я вас очень хорошо знаю, дон Мигель. Я знаю, кто вы и что о вас говорят.

— Замолчите, прошу вас! Вы не можете всего знать!

— Дон Мигель, вас считают самым дурным человеком во всей Севилье. Вы довели до отчаяния многих женщин, и вы говорили им совсем не то, что думали. Но я вас ни капельки не боюсь. Ваш взгляд — я знаю его хорошо — меня не пугает. А ведь в этот момент я наедине с тем, о котором говорят столько плохого.

Воцарилось молчание. Затем дон Мигель сказал:

— Я очень переменялся. Звук вашего голоса проник в мою душу, и меня охватило желание обрести наконец покой.

Они сделали еще несколько шагов по аллее.

— Если я попрошу вас, донья Херонима, доверить мне свое сердце, вы послушаете меня?

Его голос был почти умоляющим.

— Берегитесь, дон Мигель, — вскричала девушка. — Над нами Бог, и он слышит все, что вы говорите. Подумайте как следует, о чем вы меня просите.

Он ответил серьезно, взвешивая свои слова:

— Хотели бы вы любить меня, Херонима?

Она не раздумывая ответила:

— Клянусь перед Небом, перед лицом нашего Творца, Мигель, перед Богом — да!

Тридцать первого августа 1648 года дон Мигель де Маньяра обвенчался с доньей Херонимой Карильо де Мендоса.

Наконец Севилья вздохнула спокойно. Дон Жуан по-настоящему влюбился. Донье Херониме удалось удержать подле себя этого вечного «странника любви», этого любителя любовных увлечений. Она укротила в Дон Жуане страсть!

Целых тридцать лет длилась их взаимная любовь.

Но однажды осенним вечером донья Херонима почувствовала себя плохо. Это были симптомы недуга, который ее погубил. В замке Монтесак она испустила дух. Горе дона Мигеля нельзя описать. Его жену, возлюбленную похоронили в монастыре Неж, в горах, и безутешный муж не пожелал покинуть гробницу. Полгода днями и ночами он пребывал рядом с Херонимой, чье тело все это время

оставалось безмянным под мраморной плитой склепа, ибо ему было невыносимо смириться с ее уходом...

Испуганные монахи видели, как он блуждает по церкви и бормочет: «*Todo est nada!*» («Все — и ничего!»).

Близкий к безумию, он вернулся в Севилью, но кошмарные галлюцинации не оставляют его ни днем ни ночью.

Как-то вечером выйдя из своего дворца, ему представилась странная процессия. Она двигалась совершенно бесшумно и казалась призрачной. Скорбный кортеж проплыл мимо застывшего дона Мигеля. Вдруг он услышал собственный голос:

— Какого святого вы чествуете?

В ответ прозвучало:

— Мы несем, чтобы предать земле, тело дона Мигеля де Маньяры.

Дон Мигель было расхохотался, но смех застрял у него в горле. Он заметил гроб, покрытый черным бархатом, который несли четыре монаха. У дона Мигеля хватило мужества проследовать за процессией и присутствовать до конца церемонии...

Наутро его нашли в глубоком обмороке, без чувств в церкви святого Исидора. Он пояснил, что осмелился поднять бархат, покрывавший тело, и увидел, что у мертвеца его лицо!

На следующее утро он встретил на улице женщину, которая фигурой удивительно напоминала донью Херониму, и бросился за ней. Женщина,

которая и походкой походила на покойницу, пошла быстрее. Чтобы сбежать от назойливого преследователя, она скрылась в церкви. Дон Мигель вошел туда же и приблизился. Вдруг незнакомка обернулась, и он под плащом увидел ухмыляющийся скелет...

Эти кошмары продолжались до тех пор, пока дон Мигель не усмотрел в них божественный знак. Он должен завоевать себе вечное блаженство, чтобы соединиться с Херонимой.

Тогда он покинул свой дворец, отказался от богатства и стал скромным братом милосердия, единственная задача которого — утешать приговоренных к смерти.

Севилья, помнившая еще о великом Дон Жуане, соблазнителе Тысячи и трех жертв, теперь сбегалась поглазеть, как новоявленный брат милосердия вынимает из петли тела повешенных. Потом он просил милостыню, чтобы заплатить за заупокойную мессу и погребение, и толкал тачку с телом повешенного. Не раз на глазах у хорошеньких севильянок он терял сознание от усталости или падал в обморок от отвращения, но поднимался вновь и брел как во сне по своей скорбной дороге. Иногда его лицо освещала слабая улыбка: быть может, в конце пути его ожидает Херонима.

А по воскресеньям бывшего Дон Жуана можно было видеть перед собором. В отрепьях, с чашей для подаяний в руках, он просил милостыню. Девушки, не решаясь поднять глаза на этого странно-

го нищего, дрожащей рукой подавали ему свою лепту.

Скоро при виде столь смиренной гордыни, самоуничужения и самозабвения монахи, движимые восхищением, избрали брата милосердия главой своей общины. Он был самым деятельным братом в общине. Его творения милосердия существуют и поныне — госпиталь, приют Каридад, убежище для пилигримов и учрежденная им Конгрегация грешных братьев. Скончался дон Мигель после ужасной агонии в 1679 году. На его могиле эпитафия гласила: «Здесь покоится худший из приходивших в мир». Несмотря на предсмертные страдания, он улыбался: наконец-то вновь увидит свою Херониму.

— А недавно, — закончил свой рассказ да Понте, — в 1778 году, Конгрегация ритуалов в Ватикане и лично папа Пий VI своей буллой канонизировали Дон Жуана Севильского. Отныне он носит титул преподобного. Это первый шаг по дороге к лику Блаженных¹.

— Однако, — продолжал да Понте, — я в конце концов решил использовать в качестве основы моего либретто традиционный сюжет о севильском соблазнителе. Я напишу его в стиле «веселой драмы», то есть трагикомедии. Моцарт, когда я рассказал ему о своем замысле, одобрил его.

¹ Двести лет спустя, в 1985 году, папа Иоанн Павел II причислил «расскавшегося грешника» дона Мигеля де Маньяру к лику Блаженных.

В опере образ Дон Жуана будет представлен отважным и обаятельным. Это искатель приключений и одновременно жаждущий чувственных наслаждений.

Убив на поединке старого командора — отца донны Анны, которую пытался соблазнить, Дон Жуан глумится над могилой покойного, бахвалится своими любовными похождениями перед его статуей и приглашает ее к себе в замок на ужин. Ближится час возмездия. Внезапно раздаются тяжелые шаги статуи командора. Минуты Дон Жуана сочтены, но он без страха идет навстречу гибели. На требование командора покаяться он гордо отвечает: «Нет». Слышатся страшные удары грома, сверкает молния. Командор увлекает Дон Жуана в бездну. Заслуженная кара настигает грешника.

Премьера назначена на октябрь 1787 года, — уточнил да Понте, — и Моцарту предстоит много потрудиться, чтобы успеть к сроку. Приглашаю вас на первый спектакль, который состоится в Праге.

Месмер поблагодарил и обещал, если позволят обстоятельства, непременно прибыть на премьеру, тем более что представится случай повидаться с Моцартом.

Бегство из Парижа. Скитания и уединение

Революционный террор

Приближался 1789 год — год великих потрясений и страшных бедствий. В Париже началась революция. Толпы народа, словно зачарованные массовым гипнозом, более неистовым, как скажет Стефан Цвейг, чем конвульсии возле «ушата» Месмера, потрясали страну. Было не до лекаря с его магическим флюидом и чудесными исцелениями. На смену его магнетическим сеансам приходит новое всеисцеляющее средство — железный нож гильотины. «Национальная бритва» в одну минуту «излечивает» тысячи несчастных. Настает время террора и массовых убийств.

Клиника опустела, «ушат» забыт, а заработанные деньги превратились в дым. Правда, самого

его пока что не тронули. Но не ровен час, и за ним придут. Ведь он, что ни говори, иностранец, из враждебной Вены.

Некоторые немцы и австрийцы, проживавшие в Париже, уже поплатились своей свободой, например, барон Тренк. Его арестовали не то как немецкого, не то как австрийского шпиона. Самое смешное и горькое в том, что этот несчастный барон уже сорок лет провел в немецких и австрийских тюрьмах за то, что посмел влюбиться в сестру прусского короля. И вот, обретя наконец свободу, он вновь угодил в тюрьму Сен-Лазар — теперь уже в качестве подозреваемого в шпионаже (через пару лет он будет гильотинирован).

Смерть Моцарта: новые факты

В этот момент из Вены пришла скорбная весть — там скончался Вольфганг Моцарт. Месмер прочитал об этом в начале декабря 1791 года в «Берлинском музыкальном еженедельнике». В корреспонденции из Вены говорилось о кончине известного музыканта, капельмейстера императорского двора Вольфганга Амадея Моцарта.

Траурное извещение было напечатано в уголке страницы мелким шрифтом. Текст далее гласил: «Моцарта больше нет. С тех пор как вернулся из Праги, он все время хворал. У него находили во-

дянку, а после смерти его тело раздулось; полагают даже, что он был отравлен».

Газета, первая запустившая версию об отравлении, никакими доказательствами, разумеется, не располагала. Ее редактор собирал по городу различные толки, прислушивался к сплетням о странной смерти сравнительно молодого человека. В результате, решив, что дыма без огня не бывает, он и высказал предположение об отравлении. Его подхватили другие издания.

Версию о насильственной смерти подкрепляли еще и тем, как был похоронен Моцарт — в спешке, без должного уважения, на которое мог бы рассчитывать капельмейстер собора святого Стефана, имеющий звание придворного капельмейстера и композитора.

Официальной причиной смерти было признано острое инфекционное заболевание «просовидовая лихорадка». Тогда это считалось широко распространенным заболеванием, протекавшим с ознобами, высокой температурой, лихорадкой, судорогами и сыпью. Нередко она кончалась смертью больного.

Так отчего же все-таки умер Моцарт? От болезни или был убит? И если убит, то кем и почему? Тайна смерти великого композитора не давала покоя и Месмеру. Родилось несколько версий причины смерти. Одна из них: Моцарт был отравлен завистником Антонио Сальери. Эта версия оказа-

лась наиболее устойчивой и многие годы преобладала.

На протяжении двухсот лет вплоть до конца XX века подозрения, положенные в ее основу, использовали не только историки, но и писатели. Достаточно назвать трагедию А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», романы Дэвида Вайса «Возвышенное и земное» и «Убийство Моцарта». Но несоизмеримо большее число родила эта версия последовательских работ, не говоря об исторических очерках и эссе. Причем до последнего времени в большинстве из них авторы прямо обвиняют Сальери в том, что он отравил Моцарта.

Однако в последние годы все чаще раздаются голоса в защиту Сальери. В 1982 году в Зальцбурге на традиционной музыкальной неделе, посвященной творчеству великого Моцарта, был поставлен спектакль по пьесе Г. Унгара «Aqua Toffana». Этот спектакль представлял собой судебный процесс, который эксперты XX века ведут по «делу Сальери». На основании множества документальных свидетельств доказывалась непричастность итальянского композитора к смерти Моцарта. А в 1997 году аналогичный суд над Сальери состоялся в Милане. И здесь он был оправдан.

В биографическом исследовании о Моцарте Массимо Мила доказывает, что версия о Сальери-отравителе не стоит внимания. «Счастливец и известнейший композитор, — пишет он, — Сальери не имел даже самого отдаленного намерения зави-

довать такому несчастному бедняку, каким был Моцарт. Могущественный и преуспевающий музыкальный вельможа, Сальери был в расцвете творческих сил, в зените успеха, его всячески призывали при императорском дворе. Жил он в полном достатке. Его опера «Грот Трофония» была принята современниками гораздо лучше, чем «Свадьба Фигаро» Моцарта. Чудесные оперы «Татар» и «Данаиды» принесли Сальери успех больший, чем «Дон Жуан» Моцарту. Одним словом, для современников Сальери был великим маэстро и его личность оставалась вне всяких подозрений. И только спустя годы, когда, наконец, оценили грандиозный талант Моцарта и его слава затмила Сальери, миф об отравлении получил широкую огласку.

Опровержению легенды о том, что Сальери отравил Моцарта, посвящена и вышедшая в Австрии в 1986 году работа Ф. Враунберна «Моцарт в Вене».

Допустим, Сальери как совершивший преступление отпадает. Но мог быть кто-то еще, второй, кто отравил великого Моцарта, а молва приписала чье-то злодеяние Сальери. Немецкие медики терапевт из Майна Дитер Кернер и доктор из Мюнхена Гунтер Дуда взялись доказать, что именно кто-то другой отравил Моцарта. Кто же этот таинственный незнакомец?

Авторы утверждают, правда без ссылок на какие-либо факты и свидетельства, что еще летом 1791 года Моцарту давали небольшие дозы яда.

Решающую же, смертельную порцию композитор будто бы принял 18 ноября — за два дня до того, как слег в постель, и за шестнадцать дней до смерти.

Дата 18 ноября указана потому, что в этот день состоялось исполнение в масонской ложе под управлением Моцарта его «Кантаты вольных каменщиков», специально написанной к открытию в тот день ложи «К вновь коронованной надежде» (не забудем, что Моцарт был массоном). Здесь, во время концерта Моцарта и отравили его братья массоны. Но почему? За что ревностного массона подвергли казни его же единомышленники?

Доктор медицины Матильда Людендорф выпустила в 1928 году книгу «Неискупленное злодеяние против Лютера, Лессинга, Моцарта и Шиллера».

С Моцартом (по Матильде Людендорф) дело обстояло так: когда началась революция во Франции, масоны заставили Моцарта и его старого приятеля Эмануэля Шиканедера (либреттиста, антрепренера и масона) написать оперу в прославление их ордена. Но Моцарт, узнав в ложе, что братья готовят покушение на австриячку Марию-Антуанетту, французскую королеву, ужаснулся и повернул сюжет против них. Герой оперы («Волшебной флейты») принц Тамино — это сам Моцарт, его отец — немецкий народ, а Памино, которую спасает Тамино-Моцарт своей волшебной флейтой

(немецкой музыкой), — это Мария-Антуанетта. За это его покарала враги немецкого народа.

О бредовом опусе Матильды Людендорф можно было бы и не вспоминать, если бы эта книга не стала библией современных германских обвинителей мифа о смерти Моцарта.

В 1961 году Кернер в брошюре «Смертельная болезнь Моцарта» пишет: «Событие 1791 года простирается существенно дальше, чем в личную сферу того, кого это непосредственно касается, так как для убийства из личных побуждений или из чистой зависти рамки были слишком пышными, слишком внушительным было культово-ритуальное облачение действий той волшебной оперы и ноябрьских событий того же года!»

«Ноябрьские события» — это роковое исполнение кантаты, а «волшебная опера» — «Волшебная флейта». На титульном листе изданного к премьере оперы либретто Кернер усмотрел грозное предзнаменование — масонские знаки, символизирующие вестника богов Меркурия. С Меркурием, известным своей подвижностью, средневековые алхимики связывали представление о ртути. А Моцарта, утверждает Кернер, отравили двухлористой ртутью — сулемой!

«Волшебная опера, — глубокомысленно обобщает майнцский терапевт, — стала мавзолеем чудо-ребенка и позднейшего **чудо-человека**». Слова о чуде-ребенке не случайны. В одной из работ Кернера на тему о смертельной болезни Мо-

царта, напечатанной в кельнском медицинском журнале в феврале 1963 года, в качестве криминальной улики воспроизведена гравюра с портрета семилетнего «композитора и маэстро музыки». Под портретом — стихотворная цитата из так называемого гомеровского гимна Гермесу.

Возможно недоумение: какое отношение могут иметь портрет вундеркинда и гомеровские стихи к смерти Моцарта и медицинскому журналу?

Ответ дают мифология и алхимия: Гермес — тот же Меркурий, как его звали римляне, Меркурий — ртуть, а ртуть — яд.

«От того юношеского портрета Моцарта на восьмом году жизни, — торжественно заявляет Дитер Кернер, — с помещенным под ним гомеровским гимном Гермесу «Гимну Меркурию» до смерти замыкается ужасный круг...»

Этой анекдотической мистификацией, казалось, можно было бы замкнуть и круг исследований «тайны смерти» Моцарта. Но оказалось точку ставить рано.

В 1933 году английский литератор Фрэнсис Карр провел своеобразное «судебное разбирательство» по делу об убийстве Моцарта. В процессе участвовали юристы, адвокаты, музыковеды и журналисты из разных стран. На воображаемой скамье подсудимых находилось четверо, однако имени Сальери среди них не было. Вывод, к которому пришли, гласил, что преступление совершил неизвестный, скорее всего наемный убийца, опла-

ченный венскими масонами. В ходе дознания всплыло имя Франца Хофдемеля, связанного с кругами масонов, и раньше редко упоминаемое в связи со смертью Моцарта.

Зрители на суде выступили в роли присяжных. Они должны были проанализировать все факты, новые и старые, а также слухи, касающиеся смерти Моцарта, особенно версию об отравлении. Большинство «присяжных» вынесло общий вердикт о том, что имело место убийство. Но конкретно, кто же его совершил? Тут голоса разделились следующим образом: 60 назвали убийцей Хофдемеля, 39 — ученика Моцарта Зюсмайра, 28 — Сальери. Решение жюри присяжных в значительной мере основывалось на выводах Фрэнсиса Карра. Вскоре он выпустил об этом книгу, ставшую своего рода сенсацией. В ней впервые было обстоятельно рассказано о «взбудоражившей всю Вену» драме, происшедшей 6 декабря 1791 года в доме Хофдемеля.

Толчком к созданию книги послужило неизвестное письмо Моцарта. В декабре 1970 года на аукционе «Штаргардт» в Марбурге было продано за 28 тысяч марок письмо Моцарта от 2 апреля 1789 года и адресованное члену масонской ложи, юристу Францу Хофдемелю. В нем содержалась просьба о денежной ссуде в размере 100 гульденов для поездки в Берлин. Просьба была удовлетворена. Но из-за болезни композитора поездка не состоялась.

Кто же такой этот Хофдемель? Это был пре-

успевающий член судебной палаты, юрист, вполне обеспеченный, отличавшийся, однако, дурным характером. Слыл мрачным субъектом, честолюбцем и бешеным ревнивцем. Его молодая красивая жена отличалась весьма легким нравом. Звали ее Магдалена. Она была начинающей пианисткой и любимой ученицей Моцарта. Он посвятил ей свой «самый интимный» фортепианный концерт с оркестром и некоторые сонаты.

Для Ф. Карра является несомненным, что молодой красивый и знаменитый Моцарт и прекрасная Магдалена были любовниками. Рассказывали, что Моцарт никогда не брал девушку в ученицы, если не был в нее влюблен. Как говорится, по долгу службы Моцарт часто бывал в доме четы Хофдемеля на улице Грюнангергассе, 10. Здесь он музицировал и часто обедал. Но главной целью посещений были занятия музыкой с Магдаленой. Случалось, молодые люди оставались наедине — муж Магдалены скрепя сердце по делам покидал свою 23-летнюю супругу.

6 декабря 1791 года Вена взбудоражило известие о драме, происшедшей в доме Хофдемеля. Сразу же следует напомнить, что случилось это сразу же после смерти Моцарта.

В тот день Магдалена возвратилась домой из собора святого Стефана, где заказала службу в память по умершему днем раньше Моцарту, своему учителю. Едва она вошла в комнату, как муж бросился на нее с бритвой в руке, намереваясь убить.

Она была на пятом месяце... В ужасе закричав и разбудив годовалого ребенка, который тоже залился криком, Магдалена пробовала защищаться.

К счастью, на крики прибежали соседи. Хофдемель бросился из комнаты и заперся у себя. На просьбу отворить дверь не отвечал. Тогда ее выломали и увидели страшную картину: тридцатишестилетний судья лежал на кровати с перерезанным горлом, все еще сжимая в руке бритву. Он скончался от потери крови.

Жену его нашли без сознания. У нее на лице, шее, руках и груди имелись многочисленные раны. Ее спасли усилия двух врачей, но она так и осталась обезображенной. Позже, после длительного лечения, ее сослали к отцу в Брюнн (Брно), назвав это «великой милостью императрицы, взявшей вдову под свое покровительство». Там она и разрешилась от бремени.

Была оказана императорская милость и Францу Хофдемелю. Монарх явно был убежден, что виновны Магдалена и Моцарт, а не Хофдемель. Вот почему разрешили похоронить самоубийцу как добропорядочного католика в нормальной могиле, а не в безвестной яме, зашитым в коровью шкуру.

Учитывая, что Магдалена была женой состоятельного человека, талантливой натурой и отличалась красотой, трудно представить, считает Ф. Карр, чтобы она хоть однажды не позировала художнику, как это было принято в те времена. Но так как ни одного ее портрета не сохранилось,

Ф. Карр полагает, что они (или он) были впоследствии уничтожены.

Ниссен, за которого позже вышла замуж вдова Моцарта Констанца, даже не упоминает Хофдемеля в своем жизнеописании Моцарта. Так же как нет ни строчки о нем в довольно полной биографии композитора, написанной Вольфгангом Хильдесхаймером.

Зато семейная драма Хофдемелей нашла отражение в художественной литературе. Ей в 1841 году Леопольд Шефер посвятил свою новеллу «Моцарт и его подруга». А в 1932 году на эту полузабытую новеллу опирался писатель Вольфганг Гётц, работая над рассказом «Франц Хофдемель». Но еще раньше австрийский драматург Франц Грильпарцер подозревал в совершении убийства не Сальери, а Хофдемеля и намекал, что полиция приказала молчать всем, кто был хоть как-то связан с композитором.

Но почему же Франц Хофдемель пытался убить свою жену? Только ли из ревности, потому, что ему стало известно, как далеко зашли отношения учителя музыки с его ученицей?

Тут все гораздо сложнее. Видимо, Хофдемель задумал свою месть давно и не без «подначивания» со стороны братьев масонов. По тайному решению ложи Моцарта приговорили к смерти за то, что он попал в скандальную ситуацию со своей оперой «Волшебная флейта». В ней он разгласил тайны мистерий посвящения в масоны. За разглашение

тайны в XVIII веке полагалась смерть. К тому же Моцарт ушел из той ложи, в которой состоял, и перешел в новую — «К вновь коронованной надежде». Всего этого члены ложи не могли простить, они считали, что брат Моцарт преступил их закон.

Тогда-то и выбрали они Хофдемеля своим орудием, ловко играя на его ревности.

Во время обедов в его доме ревнивец регулярно подливал Моцарту в вино яд.

Но вот Моцарт скончался. Казалось, рогоносец отомщен, любовник жены устранен и можно испытать облегчение. Однако вместо этого Хофдемель пытается убить и Магдалену. Что это — безрассудство или просто глупость? Ведь убийство жены не удастся скрыть. Но выше личного здесь присутствует общественное — то есть интересы масонской ложи. Магдалена догадывалась, кто отравил Моцарта, он и сам не раз говорил ей о своих подозрениях. Опасаясь, что она заявит, кто отравитель, муж решил ее устранить.

Что касается яда, которым пользовался убийца, то это был страшный смертоносный напиток, известный еще со времен Древнего Рима. Назывался он «*Agua Toffana*» («Вода Тофаны») — по имени придумавшей его отравительницы. Состав этого яда, проявлявший свое действие лишь месяцы спустя, долгое время был неизвестен. Только в середине XX века установили, что он состоял из мышьяка, сурьмы и окиси свинца,

И это еще одно подтверждение того, что Сальери не был отравителем. Он не мог давать такой яд Моцарту. Ведь они виделись не регулярно, от случая к случаю, а Моцарта травили долго и педантично в течение года.

Разумеется, свои выводы о том, кто был отравителем, Ф. Карр основывает не только на трагическом происшествии в доме на Грюнангергассе. Как считает, например, немецкий драматург Рольф Хоххут, тщательно изучивший версию Карра, тот приводит в подтверждение своему весьма убедительному детективному расследованию факты, от которых нельзя отмахнуться. Как минимум они являются косвенными доказательствами.

Что касается роли Сальери во всей этой истории, то он скорее всего стал просто-напросто ловко подставленной фигурой. Император, обозленный и шокированный случаем с Хофдемелем, потребовал любыми средствами скрыть скандал, крайне нежелательный при дворе. Версия с Сальери как виновником смерти Моцарта вполне устраивала монарха и его окружение. Отсюда и поспешные похороны композитора, как безродного бедняка.

Станным выглядит и молчание до конца жизни (1842 год) Констанции, жены Моцарта. И то, что в течение многих лет она не пыталась отыскать могилу мужа, а побывала на кладбище спустя шестнадцать лет, когда это стало не так опасно и прошла обида на супруга за его неверность. Ни слова она не проронила по поводу смерти мужа и

его похорон. Как и оба знаменитых врача, лечивших его в последние дни.

Молчал ученик и друг Моцарта Зюсмайр. А ведь ему Констанция вполне могла кое-что рассказать, хотя бы в порядке самооправдания, поскольку месяцами жила с ним в Бадене и у нее от него, как некоторые полагают, был сын. В пользу этого говорит и тот факт, что она впоследствии затушевывала в письмах имя Зюсмайра и поначалу не хотела выполнять последнее желание покойного мужа о том, что ученик должен закончить его «Реквием».

Молчали и другие свидетели смерти композитора.

Новое дело против Месмера

В Париже, охваченном лихорадкой революции, в атмосфере всеобщей подозрительности и жестокости Месмеру оставаться было опасно. Здравый смысл подсказывал, что хочешь не хочешь, а надо срочно покинуть город, бросив дом, и спастись бегством от робеспьеровского террора. Так, в одночасье, он лишился всего — и жилья, и состояния, и славы. В пятьдесят восемь лет, одинокий и усталый, он вынужден был стать эмигрантом.

Сначала он думал переждать лихолетье на родине, в тиши Боденского озера. Однако потом решил вернуться в Вену — ведь у него там есть дом, доставшийся ему после смерти жены, тот

самый знаменитый когда-то дом на Загородной улице. Ему казалось, что здесь он обретет наконец покой и сможет продолжить свои опыты по лечению больных. С тех пор, как он оставил Вену по злой воле недругов, минуло целых пятнадцать лет.

За давностью времени Месмер мог надеяться, что ненависть местных врачей прошла, тем более что многие из них уже в могиле. Умерла Мария-Терезия, вслед за ней ушли и два императора, Иосиф II и Леопольд. Одним словом, мало осталось тех, кто бы помнил злосчастную историю с девицей Парадиз!

Но если не осталось современников скандала, то сохранилось досье венской полиции. И едва Месмер появился в Вене, он тут же в сентябре 1793 года был вызван в комиссариат как «пользующийся дурной славой врач». Ему задают вопрос, где он пребывал до этого. Он отвечает, что был на родине около Боденского озера и в «тамошней местности».

Венские полицейские тотчас же запросили магистрат швейцарского города Фрайбург, около которого, по словам Месмера, он проживал до того, как приехал в Вену. Ответ бургомистра Фрайбургского округа не содержал ничего предосудительного: поведение Месмера было «безупречно, и жил он весьма одиноко», так что факты, вопреки утверждениям о его взглядах и поступках, не подтвердились.

Тем не менее венская полиция и ее глава граф Перген затеяли новое дело против Месмера.

Так случилось, что в доме Месмера, в садовом домике, жила принцесса Гонзаго. Как человек благовоспитанный, Месмер посещал свою квартирантку. Ей тогда было интересно с человеком, только что приехавшим из Франции, где происходили такие события. Как-то речь зашла о революционерах-якобинцах. Принцесса крайне негативно отзывалась о них. С возмущением говорила об «этих нищих как о царубийцах, разбойниках, ворах». Она была уверена, что Месмер, сам бежавший от террора и потерявший из-за революции все состояние, разделяет ее мнение. Но он, как человек широко мыслящий, говорит о том, что те, кто боролись за свободу, сами не являются ворами. Больше того, он оправдывает их, то, что они обложили налогами богатых, — так ведь и австрийский император тоже вводит налоги.

Эти речи приводят принцессу Гонзаго в ужас. Перед ней самый настоящий якобинец! И недолго думая, едва Месмер покидает ее, бросается с этой поразительной новостью во дворец. Здесь, что неудивительно, находится доброхот, который тут же строчит рапорт в полицию, а заодно донесение в высочайшую канцелярию. Когда страшное известие доходит до императора Франца, он приказывает учинить строгое дознание. После этого Месмера приводят в полицию. В ходе следствия выясняется, что «Месмер не признал себя виновным в произ-

несении указанных, противных государству речей и что таковые не доказаны установленным законом образом». Министру полиции ничего не остается, как «Месмера отпустить, сделав ему настоятельное внушение и строгий выговор».

Император оглашает «высочайшую резолюцию»: «Освободить из-под ареста Месмера, и поскольку таковой сам заявляет, что намерен в скорейшем времени отбыть отсюда к месту своего рождения, то следить за тем, чтобы он скорее отбыл и за время своего хотя бы и краткого пребывания в Вене не пускался ни в какие подозрительные речи».

Однако полиция уязвлена, и ей не по нутру такой исход затеянного ею дела. Тем более что сыщики опасаются жалобы со стороны Месмера на их незаконные действия. И тогда в полицейском управлении сочиняют с целью благополучно замять дело следующий поразительный документ:

«Ввиду того что освобождение Месмера не может почитаться доказательством его невиновности, ибо он искусным отрицанием произнесенных им, согласно имеющимся показаниям, предсудительных речей отнюдь не очистился в полной мере от тяготеющего над ним подозрения и избегнул, в соответствии с сим, официального объявления «предписания удалиться», лишь поскольку сам настоятельно представил о своем намерении отбыть без задержки; посему следует поставить его в известность о том, что оглашение через печать не

должно иметь место и что он, Месмер, поступил бы правильно, отказавшись от официального оправдания и тем паче признав мягкость, каковая в обращении с ним проявлена».

Так дело было замято, и в Австрии могли думать, что с «непокорным и опасным» Месмером покончено навсегда.

Закат мудреца

Что было ему делать? В Вене оставаться он не мог, во Франции террор, в Европе бушует война. С трудом он добирается до благословенной Швейцарии и поселяется в тихом кантоне Фрауэнфельде. Здесь в небольшой горной деревушке он живет в полном уединении, замкнуто. Занимается частной врачебной практикой, лечит местных крестьян.

И никто не подозревает, что это тот самый доктор, имя которого еще недавно гремело по миру, с которым боролись академики и чуть ли не все врачи Европы, о котором написали сотни трудов и брошюр.

Теперь он забыт. Как скажет Стефан Цвейг, «едва ли найдется во всей мировой истории пример столь стремительного падения с вершины шумной славы в бездну забвения и безвестности; едва ли мы найдем чью-либо биографию, в которой полная безвестность пришла бы за поражающими триум-

фами и так же скоро, как в этой замечательной и, можно сказать, неповторимой судьбе, судьбе Франца Антона Месмера».

И что удивительно, Месмер свое изгнание переносит стоически, он не ропщет на судьбу, кажется, он смирился. Но вот отгремели пушки революционного Парижа, погасли кровавые сполохи, и друзья предложили ему вернуться, открыть клинику, собрать вокруг себя новых учеников. Месмер отказался. Он не хочет больше словесных битв и научных споров, с горечью и одновременно с гордостью заявляет: «Если, несмотря на мои усилия, мне не выпало счастье просветить своих современников относительно их собственных интересов, то я испытал все же внутреннее удовлетворение, исполнив свой долг перед обществом». В душе он надеялся, что идеи его будут жить и после его смерти. Будущее, пророчески предчувствовал он, воздаст должное его открытию и трудам. И он окажется прав.

Впрочем, еще при его жизни последователи Месмера, ничего не зная о его судьбе, будут распространять его методы. Повсюду растет интерес к его учению. В Берлине указом прусского короля учреждается комиссия для повторной проверки «животного магнетизма». И та самая академия, которая отвергла его учение, теперь, почти сорок лет спустя, в 1812 году, берется за исследование магнетизма. Кто-то вспоминает, что выдвинувший проблему доктор Месмер еще жив. «Не может

быть!» — удивляются члены комиссии и решают вызвать человека, открывшего магнетизм, в Берлин, чтобы он разъяснил свой метод. На приглашение приехать Месмер отказывается, ссылаясь на старость и усталость. Тем более он не хочет больше ввязываться в борьбу. Но академики не унимаются. К Месмеру посылают королевского эmissара, профессора Вольфарта, с полномочиями «просить изобретателя магнетизма господина доктора Месмера сообщить все сведения, которые могут служить к ближайшему установлению, описанию и уяснению этого важного предмета, с тем чтобы содействовать этой поездкой целям комиссии».

Профессор Вольфарт посетил Месмера в его уединении. В своем отчете он написал: «Я увидел, что первое же личное знакомство с изобретателем магнетизма превзошло все мои ожидания. Я застал его погруженным в ту благотворную деятельность, которой он себя посвятил.

В его преклонном возрасте тем более удивительными показались мне широта, ясность и проницательность его ума, неутолимое и живое рвение, с которым он делится своими сведениями, его столь же простая, сколь и выразительная, крайне своеобразная благодаря удачным сравнениям речь, а также изящество его манер и любезное обхождение.

Если взять огромный запас положительных знаний во всех отраслях науки, какой не часто встретишь у одного ученого, и благожелательную мяг-

кость сердца, сказывающуюся во всем его существе, в словах, поступках и во всем окружении, если взять еще и могучую, почти чудесную силу воздействия на больных, оказываемого его пронизательным взором и даже спокойным поднятием руки, если прибавить ко всему благородную, внушающую благоговение внешность, — то таковы будут главные черты в портрете Месмера, такого, каким я его нашел».

И действительно, Месмер оказал самый радушный прием профессору, щедро делился с ним опытом и идеями, позволил присутствовать во время приема больных. Больше того, он передал ему свои заметки, чтобы тот сохранил их для потомства. Он заявил при этом: «Так как путь моей жизни вот-вот оборвется, для меня нет дела более важного, чем посвятить остаток своих дней исключительно практическому применению того средства, в огромной пользе которого убедили меня мои наблюдения и опыты, с тем чтобы мои последние труды умножили число фактических данных».

Вот так, как справедливо заметит тот же Стефан Цвейг, нам неожиданно достался портрет этого замечательного человека в преклонных летах, после того как он прошел все ступени славы и ненависти, богатства и бедности и, наконец, забвения, с тем чтобы спокойно и величественно встретить смерть убежденным в непреходящей ценности своей жизни.

Его последние годы — закат мудреца, иску-

шенного и просветленного духом исследователя. Материальные заботы не угнетали его, так как французское правительство назначило ему пожизненную ренту в возмещение миллиона франков, потерянного им во время революции. Его ум сохраняет прежнюю живость, зрение ясность, а слух остроту, он применяет свою магнетическую силу ко всем, кто обращается к нему за помощью; часто посещает больных в отдаленных селениях. Из прежних привычек, а точнее, увлечений он сохранил любовь к музыке. Каждую неделю он посещает концерт у князя Дальберга. Особенно ему доставляет удовольствие игра на стеклянной гармонике. Слушая, Месмер переносится в молодые годы, вспоминает юного Моцарта, других посетителей в его доме на Загородной улице — Глюка, Гайдна, да Понте, Метастазियो, Касти...

Месмер завещал похоронить его как простого смертного, без какой-либо пышности. Так и сделали. Тело его (он умер 5 марта 1815 года) предали земле на кладбище в Мерсбурге, что по ту сторону Боденского озера, в Южной Баварии, напротив города Констанц, возле которого он родился. На могиле соорудили символический памятник в форме мраморного треугольника, с мистическими знаками, солнечными часами и буссолью, которые должны аллегорически изображать движение во времени и пространстве. Позднее над могилой воздвигли новый памятник в знак уважения к трудной судьбе

великого пророка и врача — предтечи современной психотерапии.

Месмер пророчески предчувствовал, что не современники, а будущее воздаст дань его трудам и лишь после его смерти идеи его начнут полнокровную жизнь. Хотя сам он оказался, как мы уже сказали, лишь предтечей открытий в психотерапии. Месмер — первый профессиональный врач нового времени, открывший то благотворное воздействие, которое оказывает на больного человека владеющий даром внушения.

К сожалению, он не пошел дальше и не объяснил эти явления, а видел в них лишь магнетическое действие на психику. Это сделают его ученики и последователи, объяснив, что непостижимый флюид — это психическая передача воли в чужое сознание, то есть внушение — один из самых решающих факторов при всяком психическом воздействии. С развитием науки о психологии внушение, прежде именовавшееся месмеризмом, признают научно обоснованным лечебным средством те, кто когда-то травил и преследовал Месмера.

Вместо послесловия.

Свидетельства А. Дюма-отца

Верно сказано, что из опороченного открытия Месмера возникнет совершенно новый род науки: психотерапия. Но и на оккультные науки месмеризм окажет влияние, в том числе на религиозные и мистические течения. Без него немислим был бы спиритизм (без той самой впервые примененной Месмером цепи), без понятия транса и связанного с ним ясновидения немислима и Блаватская с ее теософическим учением. Все оккультные науки, все телепатические, телекинетические опыты, все ясновидящие, вещающие по снам, — все в конечном счете опираются в своих методах на «магнетические» изыскания Месмера. И не случайно до середины XIX века не применяли термин «гипноз», а использовали понятие «магнетизм».

Яркое тому подтверждение мы находим в произведениях Александра Дюма-отца. Об этом не

так давно говорил наш видный психотерапевт М. И. Буянов. Михаил Иванович — известный также дюмавед. В его исследовании «Дюма, гипноз, спиритизм» собраны удивительные факты о сомнамбулизме — самом глубоком гипнотическом состоянии, которое наблюдал еще Пюисежюр. М. И. Буянов приводит отрывки из редкой книги Александра Дюма «Мои воспоминания», никогда не издававшейся на русском языке, и, когда требуется, комментирует их. Во втором томе этих воспоминаний Дюма писал о Месмере и его последователях.

В оглавлении у Дюма сказано: «Магнетизм. — Операция на одной сомнамбуле. — Я даю себя замagnetизировать. — Мои наблюдения. — Я тоже магнетизирую. — Эксперименты в дилижансе. — Эксперимент у прокурора Жуани. — Маленькая Мари Д... — Ее политические предсказания. — Я вылечиваю ее от страха».

«Как и я, и Казимир Делавинь, — пишет А. Дюма, — так и весь научный мир был очень озабочен примерами великой силы магнетизма, оспариваемой со времени Месмера.

Один из лучших хирургов нашего времени, Жюль Клоке, прооперировал мадам Пл. от рака груди. Та, приведенная магнетизером в состояние транса, не проявила никаких признаков боли.

Мадам Пл., на которой был совершен этот необычный эксперимент, было 74 или 75 лет; прошло уже 10 лет, как она овдовела. Мадам Пл. во второй

или третий раз перенесла припухание желез правой груди.

Доктор Шап лечил эту больную; в этих целях он неоднократно использовал магнетизм для излечения мадам Пл. от опухоли, но болезнь зашла слишком далеко, и он решил воспользоваться магнетизмом лишь для того, чтобы облегчить, если удастся, мучения пациентки в момент операции.

Вызвали Жюля Клоке и попросили оперировать усыпленную больную; он согласился: ему ведь хотелось убедиться в существовании явления, в котором сомневался, и, понятно, ему хотелось одновременно избавить пациентку от страданий, связанных с одной из самых болезненных в хирургии операций.

Доктор Шап намагнетизировал больную и привел всю правую сторону ее груди в состояние полной нечувствительности.

Вначале был сделан разрез в И дюймов, затем второй — длиной в 9 дюймов. Благодаря этим разрезам можно было тщательно вырезать несколько разных желез (в том числе и подмышечных). Во время операции, которая длилась 10 минут, больная не выказала никаких признаков боли. Хирургу даже казалось, по его собственным словам, будто он резал труп; только когда операция закончилась и рану стали обмывать губкой, больная, не выходя из транса, дважды воскликнула: «Кончайте же! Не щекотите меня!»

Едва операция закончилась, больную вывели из

состояния транса; она ни о чем не помнила, не испытала никакой боли и выразила большое удивление, узнав, что ее прооперировали.

Повязки были наложены как обычно. Налицо были симптомы быстрого выздоровления.

На седьмой день мадам Пл. уже совершила прогулку — правда, в коляске.

Выделение гноя уменьшалось, рана быстро зарубцовывалась, как вдруг к вечеру на пятнадцатый день после операции больная стала жаловаться на сильное удушье, появился отек нижних конечностей. Вот так шли дела.

И вдруг случилось нечто сверхординарное.

У мадам Пл. была дочь; эта дочь приехала из провинции, дабы ухаживать за матерью. Доктор Шап привел ее в состояние сомнамбулизма и обнаружил у нее склонность к ясновидению.

У дочери вызвали магнетический сон и спросили о состоянии матери. Дочь как бы напряглась, ее лицо сморщилось — вдруг она расплакалась.

Она сообщила, что на следующее утро тихая, но неизбежная смерть настигнет ее мать.

Ее спросили о состоянии внутренних органов матери. На это дочь заявила, что легкое с правой стороны не действует вообще, оно полно гноя — особенно со стороны спины. С левой же стороны легкое здоровое, именно оно и поддерживает жизнь. Печень и другие внутренние органы были, по ее словам, нарушены, окрашены в беловатый цвет; кишечник не был поражен.

Эти заявления были сделаны в присутствии свидетелей.

На следующее утро в указанный час мадам Пл. умерла. Вскрытие было проведено в присутствии представителей Академии наук: состояние трупа полностью соответствовало описанию, сделанному сомнамбулой.

Это все сообщили газеты, все это было зафиксировано в соответствующих протоколах, все это подтвердил мне и сам Жюль Клоке однажды, когда мы беседовали — еще до изобретения хлороформа — о тех великих тайнах природы, в которых теряется человеческий разум.

Позднее, когда я писал свою книгу «Жозеф Бальзамо», где предполагал поосновательней рассмотреть давно интересовавший меня вопрос о силе или бессилии магнетизма, я решил провести несколько самостоятельных экспериментов, не доверяя тому, что могли сделать для меня другие люди, заинтересованные в изучении магнетизма.

Таким образом, я стал магнетизером. Вот мои наблюдения.

Я обладал большой магнетической силой, воздействию которой обычно поддавались две трети людей, с которыми я работал.

Оговорюсь, что я проводил опыты только с девушками и женщинами.

Эта сила, основывающаяся на каких-то физических явлениях, была неоспорима.

Женщина, испытывавшая однажды магнетический

сон, становилась рабыней того, кто ее усыпил, даже после пробуждения.

Она помнит все, что ей снилось, или забывает, в зависимости от желания магнетизера. Ее можно заставить убить кого-то в магнетическом сне вопреки ее воле, и она никогда об этом не узнает. (Тут Дюма был не прав, он разделял заблуждения и опасения своих современников, своего добродетельного века. Мой опыт говорит, что Дюма был не прав только в принципе, ибо в жизни встречаются отдельные случаи резкого ослабления сопротивляемости человека, он поддается внушению, особенно если от него требуют то, что он втайне желает и если заодно еще и гарантируют безопасность. Массовые убийства разве не результат массового внушения со стороны всевозможных гитлеров и Сталиных? — М. Б.)

Можно заставить ее почувствовать боль в том или ином месте: достаточно для этого дотронуться до этого места кончиком пальца, кончиком трости или металлической палочки.

Можно заставить ее почувствовать тепло при помощи льда, холод — при помощи огня; можно опьянить при помощи стакана воды или даже пустого стакана.

Можно привести в состояние каталепсии руку, ногу, все тело, сделать его напряженным, как железная балка, или мягким и податливым, как шелк.

Можно сделать тело нечувствительным к уколу иглы, острию скальпеля, японскому прижиганию.

Можно даже привести мозг в состояние экзальтации, это позволит обычному человеку стать поэтом, а ребенку двенадцати лет выражать свои мысли и чувства, словно ему двадцать — двадцать пять лет.

В 1848 году я путешествовал по Бургундии. В экипаже, в котором я ехал с дочерью, была очень грациозная женщина тридцати — тридцати двух лет; мы едва обменялись несколькими фразами; было одиннадцать часов вечера, и из того, что она успела сказать, я узнал, что она никогда не спит в экипаже.

Через десять минут она не только спала, но спала, положив голову на мое плечо.

Я разбудил ее. Она была вдвойне удивлена — тем, что заснула, и позой, в которой находилась.

Я возобновлял эксперимент два или три раза за ночь, и каждый раз он удавался. Мне не надо было даже касаться моей соседки, достаточно было моей воли. В то время когда экипаж стоял (меняли лошадей), я резко разбудил ее и спросил, который час. Она открыла глаза и хотела достать часы.

— Нет,— заявил я, — скажите, который час, не глядя на часы.

— Без трех минут три, — немедля ответила она.

Мы подозревали ямщика, зажгли фонарь и убедились, что было именно без трех минут три.

Вот такие эксперименты ставил я на этой особе; вот такие были результаты, которые, за исключе-

нием времени, названного не глядя на часы, относятся также к физическим категориям.

В Жуани я нанес визит прокурору республики мсье Лорену, видел я его впервые. Это было время, когда я только что опубликовал «Жозефа Бальзамо» и когда благодаря этой публикации магнетизм снова вошел в моду. Как только я переступал порог того или иного салона, меня сразу же начинали расспрашивать об этом таинственном явлении. В Жуани я отвечал так, как отвечал всегда: магнетическая сила существует, но еще на уровне отдельных фактов, а не науки; она находится как раз на той же стадии, что и аэростаты — научились поднимать шары, но еще не научились ими управлять.

Присутствующими, особенно женщинами, были высказаны определенные сомнения в моей правоте. Тогда я попросил у одной из них, мадам Б., разрешения усцпить ее. Она отказала, но я понял, что она не слишком рассердится на меня, если я, несмотря на ее отказ, проведу эксперимент. Я сделал вид, что подчиняюсь.

Через пять минут, встав, будто бы для того чтобы рассмотреть гравюру, висящую за ее креслом, я призвал на помощь всю мощь своего магнетизма, настойчиво приказывая ей заснуть, — через пять минут она уже спала.

Тогда я начал проводить на этой совершенно незнакомой мне женщине, в доме, куда я пришел впервые и куда я больше никогда не приходил после, серию чрезвычайно любопытных экспери-

ментов. Мадам Б. волей-неволей исполняла мои приказы — и произнесенные вслух, и безмолвные. Моя воля сделала все ее ощущения прямо противоположными: огонь стал льдом, лед — огнем. Она пожаловалась на сильную головную боль, я повязал ей лоб воображаемой повязкой, содержащей, как я ей сказал, лед. Она ощутила изумительное чувство свежести, потом через минуту вытерла со лба воду, вытекающую из несуществующей повязки по мере того, как от тепла ее лба таял этот воображаемый лед. Вскоре платка стало не хватать — она занимает платок у подруги; наконец, она попросила полотенце; затем попросилась пройти в туалетную комнату, чтобы сменить платье и другую промокшую одежду.- Я дал ей почувствовать ощущение холода — до дрожи; затем я приказал одежде высохнуть, и она высохла.

У сомнамбулы был очень красивый голос, довольно широкой октавы, но который останавливался на си. Я приказал ей петь и подняться до ре; она запела и точно воспроизвела две последние ноты — то, что наяву ей сделать было невозможно, и то, что она тщетно пыталась сделать после того, как я вывел ее из состояния магнетического сна.

В соседней комнате работала какая-то женщина. Я вложил в руку сомнамбулы нож для разрезания бумаги, сказав, что это настоящий нож, и приказал пойти пырнуть ножом эту работницу. Тогда все, что еще оставалось у нее от собственной

воли, возмутилось; мадам Б. вся изогнулась, стала цепляться за мебель; но мне достаточно было подтвердить свой приказ и протянуть руку в ту сторону, в которую я хотел ее направить, как она подчинилась и пошла к растерявшейся работнице, подняв нож.

Глаза ее были раскрыты, красивое лицо приняло, как в пантомиме, восхитительное выражение. Это было прекрасно, совсем как мисс Фосетт, играющая сцену сомнамбулизма в «Гамлете». Прокурор республики был напуган мыслью о той силе, которая могла толкнуть человека на преступление вопреки его желанию.

Когда, согласно моей воле, она успокоилась, я вызвал у мадам Б. ясновидение на большом расстоянии.

В Жуани она недавно познакомилась с полковником С. М., одним из моих друзей. Я попросил мадам Б. сообщить, где находится полковник в этот час и что он делает.

Она ответила, что полковник находится в своем гарнизоне в Лионе, в этот момент пребывает в офицерском клубе, где около биллиарда беседует с подполковником.

Потом вдруг она увидела, что полковник побледнел, покачнулся и сел на банкетку. У него случился ревматический приступ боли в колене. Я дотронулся до ее колена и пожелал, чтобы она испытала такую же боль, она вскрикнула, напряглась, заплакала крупными слезами. Мы все так перепу-

гались, видя ее страдания от боли, вызванной магнетизмом, но неотличимой от подлинной, что я разбудил ее.

Проснувшись, мадам Б. вспомнила лишь, то, что я захотел, забыв все, что я приказал ей забыть.

Затем началась другая серия экспериментов, но уже в бодрствующем состоянии.

Я заключил мадам Б. в воображаемый круг, начерченный моей тростью, и покинул комнату, запретив ей выходить за пределы круга.

Минут пять спустя я вернулся и нашел ее в середине салона; она ждала моего разрешения, чтобы выйти на свободу. Она села в углу салона, а я устроился на противоположном его конце.

Я попросил сопротивляться изо всех сил моему зову и в то же время приказал ей прийти ко мне.

Она уцепилась за кресло, однако, увлекаемая неодолимой силой, вынуждена была отпустить его; тогда она легла на пол, чтобы сопротивляться притяжению, но и эта предосторожность оказалась бесполезной, она приближалась ползком. Когда мадам Б. уже была у моих ног, мне стоило лишь поднести руку к ее голове и медленно поднять руку, как она послушно поднялась, и вопреки своему желанию, очутилась стоящей.

Она попросила стакан воды — попробовала, что это действительно была вода; затем, пока она еще держала стакан, я сказал ей, что это не вода, а вишневая наливка; хотя она прекрасно знала, что

это не так, тем не менее после первого же глотка вскрикнула — ей показалось, что она обожгла рот.

Бедная женщина! Юное, очаровательное создание, соприкоснувшееся не с тайной жизни, а с тайной смерти, скажите мне отсюда, из тех глубин: знаете, понимаете ли вы, что происходило с вами в реальности, или просто ничего не помните об этом?

Впрочем, я не закончил свой рассказ о магнетизме; напротив, мне еще остается поведать о самом необыкновенном из того, что видел собственными глазами. То, что я сейчас расскажу, случилось в присутствии 12—15 свидетелей. Это безыскусный рассказ, во всем соответствующий протоколу, составленному двумя свидетелями и который тогда же был подписан всеми нами.

Во время моего пребывания в Осере я был принят мсье Д. Он имел двух детей: мальчика шести лет и девочку одиннадцати лет. Мари, так звали дочь мсье Д., была прелестным ребенком, прямо-таки ангелочком, щеки у нее были бледные, глаза черные. Это было восхитительное, какое-то утонченное создание, но имевшее все качества и умственное развитие детей своего возраста. Я сказал своей дочери:

— Посмотри, как она прелестна!

И моя дочь, будучи такого же мнения, нарисовала портрет ребенка.

Однажды мы обедали в столовой, выходящей в сад. Подали десерт, дети вышли из-за стола в сад и играли там среди кустов и цветов. Речь опять

зашла о магнетизме, ведь это вечная тема, о которой периодически все много говорят. Меня же эти разговоры утомляют и даже раздражают, ибо я не располагаю никакими доказательствами, кроме фактов. Поскольку сообщаемые мною примеры магнетизма почти всегда происходили в других местах, а не в том, где завязывалась дискуссия, я вынужден был выбрать из присутствующих объект, подходящий для сеанса магнетизма, и воздействовать на него, невзирая на то, расположен я к этому был в этот момент или нет.

Каждый же, кто это делал, знает, что подобное упражнение столь же утомительно для магнетизера, как и для магнетизируемого.

Я привел некоторые факты, уже известные читателям, но они были встречены с полным недоверием.

— Я поверю в магнетизм лишь в случае, если, например... — сказала мне мадам Д. и стала выискивать что-нибудь, по ее мнению совершенно невозможное, — вы усыпите мою дочь Мари.

— Позовите мадемуазель Мари, усадите ее за стол, дайте ей печенье, а также что-то из фруктов. Пока она будет есть, я постараюсь ее усыпить.

— Тут нет никакой опасности?

— Для чего?

— Для здоровья моей дочери.

— Никакой.

Ребенка позвали, дали ей бисквит и сливы, велели съесть это за столом.

Ее место было рядом со мной, слева. За столом беседа продолжалась, как будто ничего особенного не готовилось. Я же молча протянул руку за головой девочки и сконцентрировался на желании усыпить ребенка. Через полминуты она прекратила всякое движение и, казалось, погрузилась в созерцание сливы, которую собиралась поднести ко рту.

— Что с тобой, Мари? — спросила у нее мать.

Ребенок не ответил — она спала. Сон пришел так быстро, что я и сам не поверил.

Я положил на спинку стула ее голову, не дотрагиваясь до нее.

Лицо девочки являло собою символ абсолютно-го покоя. Я провел рукой перед ее глазами, снизу вверх, с намерением открыть ей глаза. Глаза открылись, зрачки устремились кверху, открыв тонкую перламутровую полосу снизу — ребенок был в трансе. В этом состоянии веки не испытывают необходимости мигать. Можно сколь угодно близко подносить предметы к глазам — мигание все равно не наступит.

Моя дочь набросала еще один, ее портрет. На втором рисунке надо было только подрисовать крылья, и тогда рисунок становился похожим на этюд с одного из самых прекрасных ангелов Джотто или Перуджино.

Ребенок был в трансе. Оставалось выяснить, заговорит ли она.

Простое прикосновение моей руки к ее руке вернуло девочке голос; легкое приглашение под-

няться и походить возвратило ей движение. Только голос был жалобный и монотонный. Однако движения были больше похожи на движения автомата, чем живого создания. С открытыми или закрытыми глазами, вперед или назад, она шагала одинаково прямо и с абсолютной уверенностью. (Спешу выразить свое удивление, свое восхищение и потрясение тем, как точно, полно, ясно, убедительно этот писатель, которого невежды или легковверные люди считают символом несерьезности либо вранья, на самом деле как замечательно, лучше любого врача, Дюма описывает разные проявления сомнамбулизма, и особенно так называемый взгляд сомнамбулы. Эти описания достойны войти в учебники гипнотерапии... — М. Б.).

Я начал с того, что изолировал девочку, с этого момента она слышала лишь меня и отвечала только мне. Голоса отца и матери перестали доходить до нее; простое мое желание, выраженное бессловесно, одним только жестом, возвращало ребенку способность общаться с тем лицом, которое я желал ей в собеседники. Я задал ей несколько вопросов, на которые она ответила точно, четко, разумно.

Ее дяде пришла в голову одна мысль, и он попросил меня:

— Поспрашивайте ее о политике.

Повторяю: девочке было одиннадцать лет, то есть все политические вопросы были ей совершенно чужды. Почти в одинаковой степени она не пред-

ставляла себе ни названия явлений, ни имена людей.

Я скрупулезно воспроизвожу протокол этого сеанса чудес, ни в малейшей степени не веря в предсказания, сделанные ребенком, предсказания, которые, как я вижу, как признаюсь себе с большим огорчением, все же исполняются. Появление способности к этим пророчествам я отношу к лихорадочному состоянию, вызванному воздействием на мозг девочки с помощью магнетизма. Я сохраняю форму диалога и все те слова, которые использовались во время сеанса магнетизма.

— Каково общественное устройство в нынешнее время, дитя мое, в стране, в которой мы живем?

— У нас, мсье, республика.

— Можете ли вы сказать, что такое республика?

— Это равное распределение прав между всеми людьми, которые составляют народ, без различия сословия, рождения, условий жизни.

Измученные таким началом, мы переглянулись; ответы давались без малейшего колебания, как если бы она заранее их выучила наизусть.

Я повернулся к матери:

— Пойдем ли мы дальше, мадам?

Она онемела, она остолбенела...

— О, бог ты мой! Я опасаюсь, что отвечать на подобные вопросы, настолько превышающие уровень ее возраста и сознания, будет для нее слишком

утомительно. Кроме того, признаюсь, — добавила она, — что ее манера отвечать ужасает меня.

Я повернулся к ребенку:

— Утомляет ли вас магнетический сон, Мари?

— Ни в коей мере, мсье.

— Вы уверены, что сможете легко ответить на мои вопросы?

— Несомненно.

— Однако эти вопросы не из тех, что обычно задают детям вашего возраста.

— Господь позволяет мне их понять.

Мы вновь переглянулись.

— Продолжайте, — сказала мать.

— Продолжайте, — с любопытством сказали все присутствующие.

— Сохранится ли теперешнее общественное устройство?

— Да, мсье, оно продлится несколько лет.

— А кто его укрепит: Ламартин или Ледрю-Роллен?

— Ни тот, ни другой.

— Будет ли у нас президент?

— Да.

— А после этого президента кто у нас будет?

— Генрих V.

— Генрих V?.. Разве вы не знаете, дитя мое, что он в изгнании?

— Да, но он вернется во Францию.

— Как это — вернется во Францию? Силой?

— Нет, с согласия французов.

— Ас какой стороны он въедет во Францию?

— Через Гренобль.

— Придется ли ему сражаться, чтобы войти?

— Нет, он приедет из Италии; из той страны переберется в Дофине, и однажды утром скажут: «Генрих V в цитадели Гренобля».

— Так, значит, в Гренобле есть цитадель?

— Да, мсье.

— Вы ее видите?

— Да, она на холме.

— А город?

— Город внизу, в глубине.

— Есть ли река в городе?

— Их даже две.

— Вода в них одинакового цвета?

— Нет, одна река белая, другая зеленая.

Мы переглянулись с еще большим удивлением, чем в первый раз. Дело в том, что Мари никогда не бывала в Гренобле. Мы не знали также, известно ли ей — в нормальном состоянии — название столицы Дофине.

— Вы уверены, что герцог Бордоский именно в Гренобле?

— Настолько, как если бы его имя было написано тут. — И она показала на свой лоб.

— Каков он из себя? Опишите его поподробнее.

— Среднего роста, довольно полный, шатен, синие глаза, волосы подстрижены так же, как у ангелов мадемуазель Мари Дюма.

— Замечаете ли вы что-нибудь особенное в его походе?

— Он хромает.

— А из Гренобля куда он пойдет?

— В Лион.

— И Лион не воспротивится его приезду?

— Сначала захотят воспротивиться, но я вижу много рабочих, которые выйдут к нему навстречу и приведут его в город.

— И не будет никаких расстрелов?

— Будет несколько, но без большого вреда.

— А где будут выстрелы?

— На дороге из Лиона в Париж.

— Через какое предместье он войдет в Париж?

— Через предместье Сен-Мартен.

— Что это даст, если Генрих V станет французским королем, коли у него нет детей и говорят, — добавил я, колеблясь, — что он не может их иметь вообще?

— О! Не он, мсье, не может иметь детей, это его жена.

— Это одно и то же, дорогая Мари, развод ведь запрещен.

— О! Да, но есть одна вещь, которую сегодня знаем лишь Господь и я.

— Какая?

— То, что его супруга умрет от грудной болезни.

— И на ком он женится? Наверное, на какой-нибудь принцессе из Германии или России?

— Нет, он скажет: «Я возвратился волей французского народа, я хочу жениться на девушке из народа».

Мы рассмеялись; бред начал смешиваться с пророчеством.

— А где он ее возьмет, эту девушку из народа?

— Он скажет: «Пусть найдут юную девушку из предместья Сен-Мартен, из дома № 42. Пусть она в белом платье взберется на дорожную тумбу, держит в руке зеленую ветвь и размахивает ею».

— И что же, пойдут в предместье Сен-Мартен?

— Конечно.

— И найдут девушку?

— Да, в доме № 42.

— Из какой же она семьи?

— Ее отец столяр.

— Вы знаете, как зовут будущую королеву?

— Леонтина.

— Итак, принц женится на простой девушке?

- Да .

— И от нее у него будет мальчик?

— Мальчиков будет двое.

— А как назовут старшего, Генрих или Карл?

— Нет, Генрих V скажет, что эти два имени принесли слишком много горя тем, кто их носил; он назовет его Леон.

— Сколько процарствует Генрих V?

— От десяти до одиннадцати лет.

— Как он умрет?

— Он умрет от плеврита, получит его, выпив холодной воды из источника однажды во время охоты в сен-жерменском лесу.

— Дитя мое, вы делаете это предсказание перед двенадцатью или четырнадцатью людьми; быть может, кто-нибудь из сидящих здесь предупредит принца; и тогда он не будет пить воду, зная, что должен от этого умереть.

— Его предупредят, но он все равно выпьет, сказав, что ест же он мороженое, когда ему жарко, и что холодной воды он тоже может выпить.

— А кто его предупредит?

— Ваш сын, который станет одним из его больших друзей.

— Как! Мой сын — один из друзей принца?

— Да, вы же знаете, что сын ваш придерживается иных взглядов, нежели вы.

Мы переглянулись с дочерью и засмеялись: Александр и я — мы вечно ссоримся из-за политики.

— Итак, когда Генрих V умрет, Леон I взойдет на трон?

— Да, мсье.

— И что произойдет в его царствование?

— Я больше ничего не вижу, разбудите меня.

Я поспешил ее разбудить; проснувшись, она ничего не помнила; я задал ей несколько вопросов о Ламартине, Ледрю-Роллене, о Гренобле, о Генрихе V и Леоне I.

Она рассмеялась. Я провел ей большими паль-

цами по лбу, желая, чтобы она вспомнила, и она тут же вспомнила. Я попросил ее повторить рассказ, и она повторила его, причем очень точно и теми же словами. Это легко было проверить, ведь мои вопросы и ее ответы тщательно записывались.

С тех пор, и неоднократно, я возобновлял эксперименты с этим ребенком: никогда у нее, а точнее, над ней магнетическая власть не имела ограничений; по собственному желанию я делал ее немой, слепой, глухой. Одним словом, я возвращал ей ее способности и доводил их до такого уровня совершенства, который, казалось, переходил границы возможного. Например, ее сажали за пианино (усыпленную или бодрствующую — это не важно), она начинала играть сонату; один из присутствующих указывал мне тихонько мелодию, которую он хотел бы, чтобы девочка сыграла вместо сонаты. Соната тут же прекращалась, ребенок, как только я протягивал к ней руку, играл заказанный мотив.

Мы раз двадцать проводили этот эксперимент перед самыми недоверчивыми свидетелями, и ни разу она не сорвалась.

Дом отца Мари был построен на месте древнего кладбища; на камнях, огораживающих сад, еще можно было прочесть несколько надгробных надписей; из-за этого бедная малышка дрожала от страха и с наступлением ночи не осмеливалась сделать какое-либо движение. Вечером в день моего отъезда мадам Д. рассказала мне об этом, и, так

как мое влияние на ребенка было весьма велико, она попросила, не мог бы я чем-то помочь. Я так привык к чудесам, что ответил: нет ничего легче, мы немедленно проведем эксперимент. Действительно, я подозвал ребенка, положил ей руки на голову, желая снять всякие опасения, и сказал ей:

— Мари, ваша мама хочет дать мне с собой в дорогу персики; сходите принесите из сада несколько виноградных листьев, чтобы завернуть в них персики.

Было девять вечера — темным-темно. Ребенок побежал, напевая, и вернулся/напевая, — она принесла виноградные листья, сорванные в том самом месте, где лежали надгробные камни, так пугавшие ее даже днем.

С этого момента она не проявляла больше ни малейшего страха, идя в сад или другую часть дома — в любой час ночи и даже без света.

Я вернулся в Осер спустя три месяца, никого не предупреждая о приезде. За два дня до моего прибытия Мари хотели вырвать зуб.

— Нет, мамочка, — оказала она, — подожди. Послезавтра придет мсье Дюма — он подержит меня за мизинец, пока мне будут рвать зуб, и тогда я не почувствую никакой боли.

Я приехал в указанный день; взяв руку ребенка в свою, я держал ее во время операции, которая прошла без малейшей боли.

Пусть не просят у меня раскрытия явлений, о которых я рассказываю: я не могу этого сделать. Я

лишь утверждаю, что все правда. Я ни в коей мере не стараюсь проводить сеансы магнетизма от нечего делать; я это делаю лишь тогда, когда меня принуждают к этому, и каждый раз я испытываю крайнюю усталость.

Я думаю, что с помощью магнетизма нечестный человек может принести много зла. Я сомневаюсь, что с помощью магнетизма честный человек может сделать хоть какое-либо добро.

Магнетизм — это забава, он еще не наука».

И сейчас гипноз далеко еще не наука, хотя в медицине он уже не забава. Впрочем, в исполнении эстрадных гипнотизеров он, конечно, забава, и очень увлекательная, — так считает М. И. Буянов.

Нечестный человек может принести людям вред не только с помощью того, что Дюма в духе своего времени именует магнетизмом; способов приносить вред очень много, из них гипноз должен находиться где-то на последних местах. Это не самая опасная для человечества форма деятельности. Зато пользы гипноз может принести очень много — хотя бы вылечить человека. Магнетизм — могучее оружие, великое лечебное средство, и в этом Месмер был прав. Если он только правильно используется. Гипноз — не нож, которым можно убить человека, а нож, которым можно вырезать воспаленный аппендикс, спасти жизнь.

Дюма не был врачом, он был просто любознательным человеком. Для него магнетизм был кратковременной забавой — как для Энгельса или Диккенса, которые тоже интересовались гипнозом.

Сбылись ли политические пророчества, высказанные уже знакомой читателям Мари? — спрашивает М. И. Буянов. Нет, конечно. Я не стал подробно проверять соответствие рассказа Мари историческим данным, а только выписал из одной дореволюционной энциклопедии следующие строки: «Анри д'Артуа (1820—1883), герцог Бордоский, граф Шамбор, сын герцога Беррийского, убитого в 1820 году. Воспитывался в изгнании в Австрии; умер бездетным. Последний представитель старшей линии Бурбонов. Легитимисты именовали его французским королем Генрихом V».

В книге Александра Дюма «Беседы об искусстве и кулинарии» есть глава «Сеанс магнетизма». Интересно прочитать ее полностью.

«Я хочу ответить на некоторые вопросы о магнетизме, вопросы, которые мне были заданы, после опубликования моего романа «Жозеф Бальзамо».

Один из этих вопросов (тем более важный для меня, ибо я сам себе его задаю) выглядит следующим образом: «Замагнетизированный спит или только делает вид, что спит?» Эту же мысль можно выразить и такими словами: «Существует ли сговор между магнетизером и магнетизируемым?»

Эту проблему трудно решить. Задавать этот во-

прос магнетизеру или магнетизируемому не стоит. Они слишком заинтересованы в ответе, чтобы их свидетельство не вызывало сомнений. Вот я и сказал себе: «Я искренне поверю лишь в том случае, если мне удастся усыпить какую-нибудь сомнамбулу, если та не будет знать, что я ее усыпляю». Случай помог успешно разрешить эту проблему.

В прошлое воскресенье Алексис попросил меня, чтобы сыграли «Флакон Калиостро» в театре Сен-Жермен: он хотел, чтобы я увидел его в роли влюбленного. Я договорился с директором театра, и было условлено, что Алексис — на вечернем спектакле вышеупомянутого воскресенья — сыграет роль Дерваля, а его жена роль Дежазе.

Воскресенье — это именно тот день, когда я устраиваю приемы для своих друзей; и в то воскресенье у меня собралась отличная компания, среди которых Луи Буланже, Сешан, Диетерль Деплешен, Делапу, Жюль де Лессепс, Коллен, Делааж, Бернар, Монж, Мюллер и другие.

Жюль де Лессепс привел, кроме того, двух своих друзей, которые впервые почтили меня визитом.

Другая часть рода человеческого, самая прекрасная, как сказал бы мсье Демутье, также имела своих представителей. Но поскольку я живу немного по-холостячки, я надеюсь, мне позволят называть этих дам их инициалами.

Все это общество собралось, как каждый мне говорил, ради меня; но, судя по тем вопросам, ко-

торые мне задавались об Алексисе и мсье Марсийе, легко было догадаться, что надежда на сеанс магнетизма не была абсолютно чужда этому собранию, немного более многочисленному, чем обычно.

Так что разочарование было большим, когда я объявил, что Алексис занят в этот вечер и что я посчитал нескромным приглашать его на сеанс в тот вечер, когда он играет.

В три часа известие, что Алексис находится в саду, воскресило надежды. Все устремились, чтобы увидеть хотя бы сомнамбулу, коли уж нельзя было видеть сомнамбулизм. Однако надежды эти испарились, когда обнаружилось, что Алексис приехал один со своей женой, оставив мсье Марсийе в городе.

Алексиса сильно побранили за эту забывчивость — особенно я. Ведь я хотел еще раз поблагодарить мсье Марсийе за его последний сеанс, и лишился этой возможности, по крайней мере в это воскресенье.

Другие сожаления, выраженные громко и открыто, были немного более эгоистичны, чем мои. Я сожалел о мсье Марсийе из-за него самого; другие, не знавшие его, сожалели о нем из-за Алексиса.

С неба упали несколько капель — мы вернулись в комнаты.

Все так горячо просили Алексиса, чтобы он продемонстрировал одно из своих чудес, что он заявил о своей готовности сделать все, что захотят,

если кто-нибудь из присутствующих взялся бы его усыпить.

Все переглядывались; но никто не осмеливался на этот опыт. Мсье Бернар подошел ко мне.

— Усыпите его, — сказал он мне тихонько.

— Я? Разве я умею усыплять людей, кроме как в театре и в библиотеках? Разве я умею делать ваши пассы, вводить флюиды, вызывать или передавать симпатию?

— Не нужно ничего этого делать; просто усыпите его силой своей воли.

— А что надобно делать в этом случае?

— Скажите сами себе: «Я хочу, чтобы Алексис заснул».

— И он заснет?

— Вероятно, у вас, должно быть, дьявольская сила воли.

— Возможно; но в таком случае у меня с силой воли то же, что у мсье Журдена с прозой.

— Все же попробуйте.

— Но ведь он разговаривает со своей женой и Делапу.

— Это ничего.

— Надо мной будут смеяться, если у меня не получится.

— А кто узнает об этом, вы же не скажете ни одного слова, не сделаете ни одного жеста. Вы усыпите его отсюда, делая вид, что болтаете со мной.

— Ну, ежели так, то охотно попробую.

Я скрестил руки, собрал всю мощь своей воли, посмотрел на Алексиса и сказал про себя: «Я хочу, чтобы он спал!»

Алексис покачнулся, как будто сраженный пулей, и навзничь упал на канapé.

Не было никаких сомнений (по крайней мере для меня): магнетическая мощь подействовала мгновенно, с силой молнии.

Мое первое чувство было чувство ужаса; падая, Алексис, застигнутый флюидом в тот момент, когда он никак этого не ожидал, вскрикнул. Его била сильная нервная дрожь, его глаза почти полностью вылезли из орбит. Я был не единственным, кто испытал страх; только я испугался вдвойне: я не знал причину этого происшествя.

Почувствовав мою руку, Алексис узнал меня.

— Ах, — сказал он мне, — никогда не делайте подобных вещей, не предупредив меня, вы меня убьете.

— Боже мой! — сказал я ему. — Что же вы чувствуете?

— Большое нервное потрясение. Оно сейчас пройдет, особенно если вы снимете с меня флюид, который давит на мой желудок.

— А как снять этот флюид? Я же ничего об этом не знаю.

— Отодвигая его обеими руками.

И я принялся отодвигать этот флюид как только мог, и через несколько секунд Алексис стал дышать легче.

— Ах! — сказал он. — Мне лучше.

— Настолько, что вы сможете дать нам сеанс?

— Да; только не заставляйте меня читать — вы так потрясли мои нервы, что мне кажется, будто все предметы прыгают у меня перед глазами.

— Сможете сыграть в карты?

— Да, конечно.

— Сможете узнать предметы, сказать, откуда они?

- Д а .

— Сможете путешествовать, видеть на расстоянии?

— Да, безусловно. В некотором отношении я сейчас более ясно вижу, нежели когда бы то ни было.

— Ну тогда играйте партию в карты с Сешаном, он у нас самый большой скептик.

— Ладно.

Я подвел Алексиса к столу; Сешан сам завязал ему глаза при помощи ваты и трех носовых платков. Лица сомнамбулы абсолютно невозможно было видеть из-за этих повязок. Алексис сыграл две партии в карты, ни разу не взглянув на свои карты. Он разложил их на столе и брал их, ни разу не ошибившись.

К концу второй партии Алексиса избавили от этого занятия, каким бы необыкновенным оно ни представлялось, — настолько всем нам не терпелось перейти к вещам более серьезным.

Коллен первым подошел к нему и, снимая с пальца перстень, спросил:

— Можете ли вы рассказать историю этого перстня?

— Конечно.

— Ну так расскажите.

— Этот перстень (точнее, только камень) вам дали в 1844 году.

— Да, это правда.

— Вы отдали вставить камень месяц спустя.

— Тоже верно.

— Он был вам подарен женщиной тридцати пяти лет?

— Совершенно верно. А можете ли вы сказать, где теперь эта дама?

— Да.

Он подумал несколько мгновений.

— Прежде всего договоритесь с мсье Дюма, или я не смогу продолжить — ведь он уводит меня в Америку, тогда как вы удерживаете в Париже.

Действительно, в 1844 году я неоднократно видел одну американку под руку с Колленом. Я подумал, видимо без особых на то доказательств, что перстень от нее, и я действительно уводил Алексиса в Нью-Йорк, какие бы усилия ни прилагал Коллен, чтобы удержать его в Париже.

Мы прошли с Колленом в соседнюю комнату.

— Так это не американка? — спросил я его.

— То женщина, которую ты не знаешь.

— И которая живет...

— На улице Сент-Апполен.

— Очень хорошо!

Мы вернулись, имея теперь одну и ту же информацию.

— Ну вот, — сказал я Алексису, — мы договорились, теперь идите.

— Я на улице, которая идет вдоль бульвара; вот только я не знаю ее.

— Ну так прочитайте надпись на углу дома.

— Я предпочитаю прочитать ее в ваших мыслях.

Алексис взял карандаш и написал: «Сент-Апполен». Только он закончил писать, как мне сообщили, что внизу меня кто-то спрашивает.

Я спустился и узнал одного из моих старых друзей, аббата Вилета, капеллана из Сен-Сира.

— Мой дорогой аббат, — сказал я ему, — вы вовремя пришли: как раз сейчас я экспериментирую с человеческой душой. Я хотел бы найти доказательства того, что вы так хорошо проповедуете — бессмертия души!

— И каким же образом вы экспериментируете?

— Сейчас увидите, пойдемте.

Мы поднялись. Аббат Вилет был одет в редингот, на нем не было абсолютно ничего, что могло бы указать на его профессию.

Войдя, я вложил его руку в руку Алексиса.

— Можете мне сказать, — спросил я его, — кто этот мсье и что он делает?

— Да, конечно, ведь у него есть вера; это — превосходный христианин.

— А его профессия?

— Врач.

— Вы ошибаетесь, Алексис.

— Я знаю, что имею в виду: есть врачеватели тела, а есть врачеватели души; ваш гость — доктор души, он священник.

Все переглянулись. Удивление было велико.

— А теперь, — спросил я, — можете сказать, где этот человек исполняет свои обязанности?

— Конечно же. Это недалеко: в огромном здании, в трех-четыре лье отсюда. Я вижу молодых людей в униформе; они застегнуты на пуговицы от воротника до пояса.

— Много их?

— Да, много. Мсье — капеллан в военном коллеже.

— Можете прочитать в каком?

— Без сомнения, название заведения написано на пуговицах?

Я вопрошающе посмотрел на аббата Вилета.

— Да, — сказал он.

— Читайте, Алексис.

Казалось, что Алексис сосредоточил всю силу своего взгляда на одной из точек комнаты.

Второе откровение было, может быть, еще более чудесным, нежели первое.

Диетерль представил небольшой закрытый пакет.

— Что там внутри? — спросил он.

— Волосы двух разных людей, двух детей.

— Откройте пакет и назовите их пол и возраст.

— Тут волосы маленького мальчика и маленькой девочки. Я ее плохо вижу, не знаю отчего это; тем не менее мне кажется, что она бежит по саду и ей приблизительно четыре года.

— Их имена?

— Мне кажется, что мальчика зовут Жюль.

— А девочку?

— Я вам сказал, что ее плохо вижу.

— Вы устали?

— Да, у меня все еще расстроены нервы.

— Что бы вы хотели делать?

— Я хотел бы путешествовать.

— По какой стране?

— Куда попаду, мне все равно.

Я сделал знак мсье Лессепсу. Он подошел.

— Мы отправимся туда? — спросил я его.

— Да, — ответил он.

Туда, в моем сознании и в сознании мсье де Лессепса, — это в Тунис. Мсье де Лессепс прожил в Тунисе, кажется, лет двадцать. Он дал руку Алексису.

— Поехали, — сказал он.

— Хорошо, — ответил Алексис, — вот мы в морском порту... Как здесь чудесно! Мы садимся на корабль... О! О! Похоже, мы отправляемся в Африку. Жарко.

— Мы на рейде. Вы видите рейд?

— Отлично вижу, он имеет форму большой подковы, с мысом справа; это не Алжир, это не Бон, это город, названия которого я не знаю.

— Что вы видите?

— Как будто форт справа, как будто город слева. Мы следуем по каналу, а вот мост. Пригнемся.

Буланже и я переглянулись, крайне удивленные. Арки этого моста, под которым Алексис приглашал нас пригнуться, такие низкие, что мы чуть не погибли, проплывая под ним.

— Так, так, Алексис, очень хорошо. Продолжим! — одновременно воскликнули де Лессепс, Буланже и я.

— Смотри-ка, мы еще не прибыли, — говорит Алексис. — Мы садимся на корабль; город еще в двух-трех лье. А вот мы и прибыли.

— Войдем в город или попутешествуем по округе? — спросил де Лессепс.

— Как хотите.

— В Бардо! — сказал я тихонько де Лессепсу. Я показал знаком, что именно туда и хотел направить Алексиса. Бардо — это дворец бея.

— Оставим город слева и продолжим путь, — говорит де Лессепс.

— О! Какая пыль! Мы проходим лье, может, полтора лье. Мне кажется, что мы проходим под каким-то сводом. Вижу памятник... Какая странная здесь архитектура! Похожа вроде на большое кладбище.

Известно, что турецкие дворцы очень похожи на места захоронения.

— Входите.

— Я не могу: чернокожий часовой преграждает мне путь.

— Скажите ему, что вы со мной, — добавляет Лессепс.

— Вот он отодвигается, мы во дворце, поднимаемся на несколько ступенек... Куда теперь пойти?

— В зал приемов.

— Я уже в нем.

— Опишите его.

— Аркады, зал весь резной, как арабская комната мсье Дюма; только резьба раскрашена в некоторых местах.

— Поднимите голову к потолку, что вы видите?

— Резной потолок, похоже из дерева.

— Он крашенный?

— Да.

— В какой цвет?

— В красный и синий.

— Вы не видите в нем ничего особенного?

— Да, золотые лучи, выходящие из центра и идущие во всех направлениях!

— Все так на самом деле, — подтвердил де Лессепс. — Теперь пусть кто-нибудь другой.

И впрямь невозможно точнее описать порт Туниса, канал Ля-Гулет и зал для приемов во дворце бея.

Подошел Делапу.

— Минуточку, минуточку, — говорит мадам Л. П. Теперь очередь женщин. — Вы мне скажете что-нибудь, мсье Алексис?

— Все, что захотите.

— Тогда скажите мне, откуда у меня этот кулончик?

Мадам Л. П. сняла с груди маленький кулон, подвешенный на золотой цепочке.

Алексис прижал кулон ко лбу.

— Этот кулон освящен, — говорит он.

- Д а .

— Вам его дали в 1844 году.

— Да.

— В августе месяце.

— В самом деле, меня зовут Луиза, и мне его подарили на именины. Но кто мне его дал?

— Вам его дали в четыре часа.

— Кто?

— Мсье, одетый в черное. Скажите его имя тихонько мсье Дюма, и я вам его сообщу.

Мы подошли к окну.

— Шарль, — сказала мне мадам Л. П.

— Я знаю имя, — сказал я Алексису.

Алексис взял карандаш и написал слово «Шарль».

Как я уже говорил, Алексис играл вечером, а час был уже поздний.

— Алексис, — говорю я ему, — я думаю, что пора вас будить?.

— Хорошо, разбудите меня.

— А как? Я не представляю, как нужно это сделать.

— А как вы меня усыпили?

— Силой воли.

— Ну хорошо, так же и разбудите.

Алексис дал мне руку, я мысленно произнес слова: «Просыпайтесь!» — и Алексис открыл глаза.

Вот так прошел этот сеанс. Я назвал своих свидетелей — почти все принадлежат к миру искусств или дипломатии, один из них служитель церкви.

Все они готовы подтвердить, что я ни словом единым не отошел от истины».

Оглавление

Вена. Первые опыты	3
Париж. Поклонение и триумф.	51
Бегство из Парижа. Скитания и уединение	141
Вместо послесловия. Свидетельству А. Дюма-отца. . .	165

Литературно-художественное издание

Роман Сергеевич Белоусов

ФРАНСУА АНТОН МЕСМЕР

Редактор *И. М. Царенко*

Художественный редактор *О. Н. Адашкина*

Технический редактор *Н. В. Сидорова*

Корректор *О. Г. Наренкова*

Компьютерный дизайн *И. А. Герцева*

Сдано в набор 23.08.99. Подписано в печать 25.10.99.

Формат 84 × 108^{1/2}. Гарнитура «Академическая».

Усл. печ. л. 10,92. Тираж 11 000 экз. Заказ № 4948.

Налоговая льгота - общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98

КРПА «Олимп»

Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96

123007, г. Москва, а/я 92

E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»

Изд. лиц. ЛР № 066647 от 01.06.99

143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

Изд. лиц. ЛР № 066236 от 22.12.98

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

WWW.AST.RU

E-mail: ast@postman.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — собрания сочинений Ф.Незнанского, Э.Тополя, В.Шитова, В.Пронина, суперсериалы А.Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** В. Суворова, В. Красковой и Л. Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах" и собрания бестселлеров С. Шелдона.

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самые полные собрания произведений братьев Стругацких и С.Кинга; "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Лутанская, д.7 Тел. 322-2822.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Уникальная услуга для жителей Москвы — "Книги на дом".

Позвоните по тел. 933-64-64 и вам их доставят!

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех", "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", незаменимые "Азбука" и "Букварь", замечательные книги известных детских авторов: Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав
Б Е С П Л А Т Н Ы Й К А Т А Л О Г
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:
Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Луганская, д.7. Тел. 322-2822.

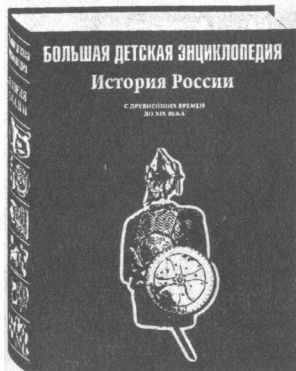
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Уникальная услуга для жителей Москвы – "Книги на дом".

Позвоните по тел. 933-64-64 и вам их доставят!

Большая детская энциклопедия «История России»

Великолепное подарочное издание! Большой формат. Красочные иллюстрации на каждой странице.

Энциклопедия создана на основе книги Ишимовой, признанной лучшим изданием по истории России для детей и подростков, в нее внесены лишь необходимые дополнения и исправления. Легко читается и запоминается благодаря живому, яркому языку и выдержкам из поэм, стихов и баллад, написанных в ту или иную эпоху.

Телефон для заказов
в Москве: 933-6464.

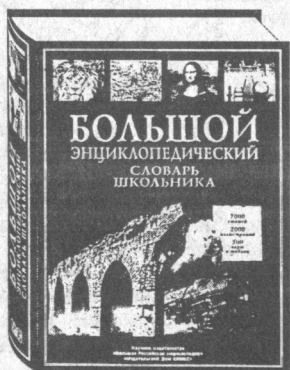
Доставка
в течение
суток.

Лучшей энциклопедии для школьника вам просто не найти! Издание содержит свыше 6600 статей, около 1800 иллюстраций и карт. Здесь есть все, что нужно школьнику, абитуриенту и студенту для успешной учебы и сдачи экзаменов. А издательство говорит само за себя - «Большая Российская энциклопедия».

**НАШИ
ЛУЧШИЕ
САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

**— ДЛЯ ВАС
ТОЛЬКО У НАС!**

асу
ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Большой энциклопедический словарь школьника»

Магазины в Москве: Звездный бульвар, д. 21. Тел.: (095) 232-1905
2-я Владимирская ул., д. 52. Тел.: (095) 306-1898 Арбат, д. 12. Тел.: (095) 291-6101
Б. Факельный пер., д. 3. Тел.: (095) 911-2107 Татарская ул., д. 14. Тел.: (095) 959-2095
Каретный ряд, д. 5/10. Тел.: (095) 299-6584 Луганская ул., д. 7. Тел.: (095) 322-2822

**ЗАКАЗЫВАЙТЕ КНИГИ ПО ПОЧТЕ
107140, Москва, а/я 140**

ВСЕМ НАШИМ КЛИЕНТАМ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ КРАСОЧНЫЙ КАТАЛОГ

УНИКАЛЬНАЯ УСЛУГА ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ — «КНИГИ НА ДОМ».
Позвоните по тел.: 933-64-64, и вам их доставят!

«Краткий справочник школьника»

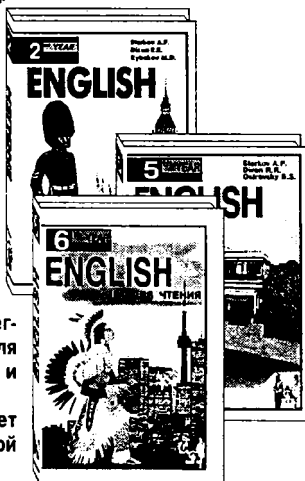

Лучшего помощника для успешной учебы вам не найти! Большой формат. Вся школьная программа в одном томе! Краткая, но исчерпывающая информация о каждом предмете с 5 по 11 класс. А подробное оглавление поможет найти нужный материал за считанные минуты.

Телефон для заказов
в Москве: 933-6464.
Доставка
в течение
суток.

НАШИ ЛУЧШИЕ КНИГИ — ДЛЯ ВАС
САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОЛЬКО У НАС!

Перед вами — самые популярные и проверенные временем учебники. Они очень удобны как для ученика, так и для преподавателя. Материал расположен по принципу «шаг за шагом». Есть упражнения для закрепления пройденного материала, тексты, основные темы, легко запоминающиеся диалоги, характерные для современной жизни. Все объяснения — ясные и доходчивые, с многочисленными примерами. И обратите внимание: каждый учебник идет в комплекте с книгой для чтения, необходимой ребенку для занятий.

асу
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Учебники английского языка и Книги для чтения

Магазины в Москве: Звездный бульвар, д. 21. Тел.: (095) 232-1905
2-я Владимирская ул., д. 52. Тел.: (095) 306-1898 Арбат, д. 12. Тел.: (095) 291-6101
Б. Факельный пер., д. 3. Тел.: (095) 911-2107 Татарская ул., д. 14. Тел.: (095) 959-2095
Каретный ряд, д. 5/10. Тел.: (095) 299-6584 Луганская ул., д. 7. Тел.: (095) 322-2822

ЗАКАЗЫВАЙТЕ КНИГИ ПО ПОЧТЕ
107140, Москва, а/я 140

ВСЕМ НАШИМ КЛИЕНТАМ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ КРАСОЧНЫЙ КАТАЛОГ

УНИКАЛЬНАЯ УСЛУГА ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ — «КНИГИ НА ДОМ».
Позвоните по тел.: 933-64-64, и вам их доставят!

Маг и чародей — или чудесный целитель? Ловкий и хитрый шарлатан — или человек, чьи гениальные прозрения стали истоком для современной психотерапии? Его называли волшебником. Безумцем. Пророком. Лжецом. Он же сам считал себя не колдуном, но искусным врачом, подхватившим и развившим гениальные идеи врачевателя древности Парацельса...

ISBN 5-237-03912-X

9 785237 039122

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО